

ГУИДО
КАРПИ

ИСТОРИЯ РУССКОГО МАРКСИЗМА

common place

Серия «Старая школа»

common place

ГУИДО КАРПИ

ИСТОРИЯ РУССКОГО МАРКСИЗМА

МОСКВА, 2016

УДК 329.14
ББК Т.63.3(0)53
К 26

К 26   Гuido Карпи. История русского марксизма /
Пер. с ит. — М: Common place, 2016. — 344 с.
ISBN 978-999999-0-08-0

Книга Гuido Карпи представляет собой краткий очерк истории русского марксизма — от ранних кружков и до Сталина. В этом исследовании марксизм рассматривается как нерасторжимое единство практики и теории, формировавшихся в напряженных дискуссиях и политической борьбе между представителями разных течений (большевиками, меньшевиками, эсерами и т.д.), причем упор делается на дооктябрьский период. Советский официоз перекроил эту историю до неузнаваемости, и данная книга по сути является первой попыткой ее последовательной реконструкции.

Гuido Карпи (1968) преподает русскую литературу в Пизанском университете. Сотрудничает с журналами «Вопросы литературы» и «Philologica», автор статей и монографий о русском модернизме и влиянии социоэкономических факторов на поэтику классической русской литературы XIX века. Написал общую историю русской литературы от Петра Великого до Октябрьской революции, редактировал несколько антологий русской поэзии. На русском языке издана книга Карпи «Достоевский-экономист. Очерки по социологии русской литературы» (М.: Фаланстер, 2012).

Публикуется под лицензией Creative Commons

Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник

Оглавление

Как изучать русский марксизм	7
Истоки	16
Возникновение РСДРП	33
От «критического» марксизма к «неоидеализму». Пolemика между «идеалистами» и «реалистами»	39
Богданов и эмпириомонизм	50
Виктор Чернов и марксистствующее неонародничество	59
Ленин и партия «профессиональных революционеров»	68
Второй конгресс РСДРП. Большевики и меньшевики	75
Крестьяне, рабочий класс, интеллигенция: анализ Виктора Чернова	80
Первая революция: две противоположные тактики социал-демократии	86
Троцкий и «перманентная революция»	99
Потресов: против «кружковщины», за массовую легальную партию	110
Конвульсии после 1905 года	122
Эмпириомонистские «Очерки» 1908-1909 годов	132
Пolemика с эмпириомонистами: ленинский «Материализм и эмпириокритицизм»	145
Сведение счетов между большевиками (1909-1910)	154
Две конференции 1912 года: разваливающаяся партия	159
Потресов: патриотизм и новый интернационализм	171

Ленин: империалистическая война и упразднение государства	178
Богданов: война и коллективизм	186
Меньшевики и большевики в 1917 году: от Февраля к «объединительному меньшевистскому конгрессу»	195
Интермедия: внефракционные марксисты «Летописи» и «Новой жизни»	215
Меньшевики и большевики в 1917 году: от VI большевистского конгресса до Октября	244
Поздний Ленин	256
Сопrotивляющиеся марксисты: споры под горячую руку	264
Сопrotивляющиеся марксисты: ретроспективные анализы	277
Бухарин и «Экономика переходного периода» (1920)	285
После Октября. Идентичность и развитие	299
Сталинизм как вращающаяся дверь	313
Социалистический реализм	320
Вместо послесловия: Михаил Лифшиц и «Ветер истории»	329
Библиография	334

Я буду рассказывать о такой планете, где высшие представители жизни пока только динозавры и летучие ящеры, а их обычаи хуже, чем у вашей буржуазии. Ваш каменный уголь там не горит в огне капитализма, а еще только растет в виде гигантских лесов. Поедем когда-нибудь туда вместе охотиться на ихтиозавров? Это тамошние Ротшильды и Рокфеллеры, правда, много умереннее ваших земных, но зато гораздо менее культурные. Там царство самого первоначального накопления, забытого в «Капитале» вашего Маркса...

Александр Богданов, «Красная звезда» (1908)

Что масса людей побуждена думать последовательным и единым образом о настоящей реальности, это «философское» дело гораздо более важное и «оригинальное», чем находка философским «гением» новой истины, которая останется достоянием маленьких интеллектуальных групп.

*Антонио Грамши, «11 тюремная тетрадь»,
(1930-е годы)*

Как изучать русский марксизм

История русского и советского марксизма — то есть история русского рабочего движения, а затем история партии-государства — писалась и переписывалась столько раз,

что кажется, будто работаешь с черновиком, испещренным бесчисленными взаимными проявлениями идеологической ненависти¹. Тем не менее спустя двадцать пять лет после окончания советского проекта «книга коммунизма лежит сегодня открытой. Теперь, когда в ней не надо жить, ее стало можно читать» (Добренко 2000: 639). Если раньше десятилетиями спорили о русском марксизме, чтобы приписать ортодоксальность или заклеить позором, то сегодня мы можем рассматривать его как объект беспристрастного анализа. Как филологи-руссисты, чтобы лучше понять коллективное воображаемое, которое с определенного момента вообрал в себя по-разному понятый марксизм; как историки, чтобы проследить сложную последовательность событий, которая стала одной из самых великих — трагически великих — эпопей в истории: советским коммунизмом.

Следует сразу оговориться: это история русского марксизма, а не история культуры марксистского толка в России. Автор убежден, что марксизм — это нерасторжимое соединение теории и практики, арсенал методов и понятий, рождение, развитие и выражение которых осуществляется только в конкретном преобразовании действительности (а единственная действительность, доступная человеку, — мир социальных отношений). «Марксизм, — писал Михаил Лифшиц в 1960 году, — основан на убеждении в том, что веще-

---

1. Причем речь идет не только о противниках и сторонниках Ленина. См. недавнюю жесткую полемику между историками, сторонниками левых меньшевиков (Мартова) и приверженцами правых меньшевиков (Потресова): Урилов 2009: 22; Ненароков 2012: 4-24.

ственные силы могут приобрести человеческий характер, а общественные отношения людей — утратить их грубую, вещественную форму», если разум, желающий преобразовать действительность, будет следовать тому высшему «моральному фактору», которого удастся достичь, когда ловишь «ветер истории» (Лифшиц 1984: 273). Изучать философские аспекты Марксова наследия (например, его связь с гегелевской диалектикой, понятия «отчуждения», «фетишизма» и т.д.) — значит быть специалистом по Марксу, а не марксистом; изучать исторические и/или культурные явления с точки зрения общественно-экономических отношений, из которых данное явление произрастает, — значит быть исследователем социологическо-исторического склада, использующим марксизм как «эмпирический канон исторического поиска» (Gramsci 1996: 102). Марксистом в собственном смысле слова является тот, кто — на основе предложенного Марксом историческо-го инструментария — осмысляет реальные процессы, выделяя их основное направление, определяет диалектическую последовательность их развертывания и содействует (в качестве теоретика и политического деятеля) осуществлению установленной Марксом цели: освобождению человека от любых форм отчуждения.

Исходя из этой предпосылки, я старался проследить развитие русского марксизма как соединение теории с преобразовательной практикой сперва в крошечных интеллигентских кружках, позже в партийной организации и, наконец, в непо-

средственным осуществлении государственной власти. Сперва преобладала теоретическая составляющая, затем организационные вопросы и, наконец, политическая практика, но все они были звеньями единой цепи: «Осуществление гегемонии, — пишет Грамши о Ленине, — является вопросом познания, делом философии и понимается как необходимое средство формирования нового идеологического поля, определяющего перестройку сознания и методов познания. Создание правящего класса (то есть государства) равноценно построению нового мировоззрения» (там же: 48, 93). С превращением русского марксизма (в указанном смысле) в нечто иное — в сталинскую мифологию — мое дело можно считать завершенным: история изучения Марковского наследия в сталинском и постсталинском Советском Союзе (см.: Мотрошилова 2012: 52-64) несомненно является интересной темой, но это не тема настоящего исследования.

Я не останавливаюсь отдельно на историко-культурном контексте и предполагаю, что читатель знаком с ним: упоминания о нем сведены до минимума, необходимого для контекстуализации этапов теоретической и практической эволюции (анализ, организация, тактика, стратегия) разных марксистских течений. Одна из целей данной работы состоит в освещении малоизвестных, но ключевых моментов истории русского марксизма, которые ускользают от внимания авторов работ по общей русской истории, где о развитии идеологий сообщается лишь то, что функционально служит объясне-

нию исторических событий. По этой причине речь пойдет преимущественно о дооктябрьском периоде, который является не «предысторией» русского марксизма, но широким полем интеллектуальной, организационной и стратегической работы: в дореволюционное двадцатилетие непрерывно возникают, смешиваются и сталкиваются направления, которые затем будут вычеркнуты из официальной истории марксизма, но тем не менее окажут подспудное влияние на советскую культуру.

По той же причине я старался описать ключевые месяцы между февралем и октябрём 1917 года не через призму взглядов одних лишь большевиков-ленинцев, но сравнивал разные точки зрения на эти события, сформулированные представителями меньшевистского архипелага — от оборонцев Потресова до интернационалистов газеты «Новая жизнь»; в совокупности меньшевики в начале революции имели численное превосходство в советах и принимали участие в управлении страной, но истощали силы в малопродуктивных теоретических спорах о «долженствующем быть», в то время как ленинцы гораздо более трезво оценивали — разумеется, в свете своей несокрушимой утопической веры — реальную расстановку сил; и те и другие как нельзя лучше демонстрируют шаткость и неоднозначность соотношения теории и практики в моменты исторического перелома. В целом марксистская рефлексия по поводу совершающейся революции была обусловлена ее запоздалостью, т.е. исключительным весом «ретроспективных» примеров из предыду-

шего революционного опыта в Европе: «еще не упившись вполне вином революции», вожди социалистических партий «испытывают уже все похмелье контрреволюции» (Юшкевич 1917: 3). Настоящее рассматривается через призму буржуазного «термидора», контрреволюционного «бонапартизма» и т.д.

Что касается советского периода, то я ограничился как можно более кратким изложением ключевых моментов адаптации ортодоксального марксистского учения к вопросам управления страной и ее преобразования. В противном случае пришлось бы освещать непомерно широкую сферу явлений, связанных с проникновением марксизма в массовую культуру, что невозможно в рамках данного исследования, ибо проникновение это было бесконечно разнородным, неоднозначным и — подчеркнем — отнюдь не всегда принудительным: как я писал во введении к другой работе, Россия, вышедшая в 1921 году из Гражданской войны, «уже была совсем другой страной: у нее было другое имя, другой руководящий класс, образовавшийся в ходе гражданской войны, новый, доселе невиданный общественный строй, новая культура, разработанная молодыми людьми, не имевшими ничего общего с предшествовавшей традицией» (Карпи 2010: 207; ср.: Carpi 2010: 588). Нет ничего удивительного в том, что радикальное и всеохватывающее мировоззрение — к тому же только что победившее в исторической схватке — выступило в роли унифицирующего и моделирующего элемента новой коллективной идентичности: в расширенном смысле история

русского марксизма 1920-х годов совпадает с историей советской культуры.

Подобно тому как русская литература возникла с опозданием в сравнении с западноевропейской благодаря малочисленным кружкам салонных писателей XVIII века, чтобы постепенно подняться до гегемонии над всемирной культурой с Достоевским и Толстым, Чеховым и Маяковским, так и первые шаги русского марксизма были затруднены преобладанием народничества, социальной отсталостью и непредставимым в Европе уровнем бесправия и полицейского насилия, но последствия были всемирного масштаба. Поэтому трудной, но необходимой задачей является отказ от какого бы то ни было телеологизма, то есть отношения к разным этапам развития русского марксизма как к ступеням к Октябрю: каждый узел должен быть описан во всей своей специфичности, как ответ на конкретные вопросы, возникшие в результате стечения политических обстоятельств.

Особенности дореволюционного русского марксизма (вернее, тех условий, в которых он возникает и развивается) следующие:

- столь же быстрое, сколь и неравномерное социально-экономическое развитие, обусловленное возникновением крупных промышленных центров в полуфеодальной крестьянской стране. Какие бы усилия ни прикладывали первые марксисты, факт оставался фактом: русский материал крайне неудачно встраивался в описанные Марк-

сом механизмы социально-экономического развития;

- культурный контекст, где все еще господствуют разные варианты народничества: анархисты и неоякобинцы-бланкисты, реформисты-кооператоры и революционеры, пацифисты-толстовцы и террористы. Все группы народнического толка считали крестьянство стержневым — если не единственным — революционным субъектом в России; следовательно, их восприятие марксистского культа фабричного пролетариата было резко отрицательным;

- дряхлеющий и дискредитированный политический строй, который тем не менее обладал репрессивными структурами, аналогов которым не знала Европа, способными серьезно воспрепятствовать возникновению и укоренению структурированных политических движений. Немногочисленность первых групп, их почти исключительно интеллигентский состав (отсюда их идеализм, максимализм и жертвенность), обстановка нелегальности, репрессий и ссылок существенно повлияли на образ мысли будущих вождей русской социал-демократии.

С самого начала русский марксизм представлял собой широчайший спектр разнообразных критических установок и настроений. С одной стороны, марксизм проникает в общественное мнение в популярном изложении экономиста Николая Ивановича Зибер (1844-1888) (см.: Зибер 1885 и его же серию статей «Экономическая теория К. Маркса» в журналах «Знание», «Слово» за 1876-1878 гг.), отчего и рас-

пространяется представление о Марксе как об «экономисте по преимуществу», с некоторым преувеличением собственно экономической составляющей (Бармина 2006: 89) — то есть фаталистического эволюционизма без этики — в первых попытках адаптации марксизма к российской действительности; с другой стороны, для русской радикальной молодежи была характерна сильная, чуждая экономическому анализу этическая ориентация, культурные компоненты которой были весьма разнородными. «Формула была простой: народ страдает (абстрактное понятие народа), и потому нужно взять меч, — вспоминала впоследствии Лидия Гинзбург, типичная представительница «подростков десятых годов». — <...> в моей голове царил удивительная смесь из индивидуализма, модернизма, статьей Толстого о вегетарианстве, Софьи Перовской... Пугачев не был моим героем, но как-то само собой разумелось, что это тоже правильно» (Гинзбург 2011: 280)². Из-за невозможности открытой дискуссии и отсутствия организационных возможностей даже те, кто объявляли себя марксистами, были вынуждены строить свое мировоззрение эклектично и отчасти из случайных материалов. Для них быть

---

2. В условиях почти полного отсутствия гражданских и политических свобод неудивительно, что большинство интеллигентов примыкали к социалистически окрашенным идеологиям. Даже знаменитый химик Дмитрий Менделеев — монархист и консерватор чистой воды — писал в 1906 году: «Преобладание промышленников составляет сущность современной эволюции, предвестник предстоящего <...>. Социалисты тут кое-что увидели и даже отчасти поняли, но сбились, следуя за латинщиной <так! – Г.К.>, рекомендуя прибегать к насилиям, потворствуя животным инстинктам черни и стремясь к переворотам и власти» (Менделеев 1906: 120).

марксистами значило отказаться от народнического культа спонтанности политического действия и от идеи о том, что Россия сможет «перепрыгнуть» через фазу промышленного развития благодаря коллективистским традициям крестьянской общины; близкое индустриальное будущее было объявлено неизбежным для всех наций, то есть марксизм воспринимался в позитивистской версии позднего Энгельса: для решения историко-культурных вопросов, которым не отвечал их упрощенный и недиалектический марксизм, русские теоретики комбинировали его — как мы увидим далее — с такими составляющими, как философия Ницше, Канта и неокантианцев, и даже обращались к религиозным исканиям.

Истоки

Долгое время русская общественность следила за Марксом и его окружением на расстоянии: уже весной 1839 года Николай Станкевич общался с Теодором Эхтермейером, который вместе с Арнольдом Руге издавал младогегельянский журнал *Hallische Jahrbücher*; интерес к движению левых гегельянцев разделяли и сподвижники Станкевича: Боткин, Катков, Бакунин, Белинский, которые, несмотря на цензуру, начали публиковать материалы о них в «Отечественных записках» (например, там сообщалось о выходе манифеста группы — брошюры Бруно Бауэра «Труба Страшного суда, или Против Гегеля, атеиста и антихриста»). В 1841-1842 годах тексты ле-

вогегельянцев и Фейербаха распространяются в кругу русских западников, некоторые из них (Белинский, Герцен) читают *Deutsch–Französische Jahrbücher* молодого фейербахианца Карла Маркса сразу же после их выхода в 1844 году.

Немало русских культурных деятелей общались с Марксом и в последующие десятилетия³. В марте 1846 года П.В. Анненков знакомится с Марксом в Брюсселе и в декабре получает от него письмо, содержащее одно из первых общих изложений исторического материализма (затем оно стало вступлением к «Нищете философии»)⁴; в годы Первого интернационала у Маркса сложатся весьма непростые отношения с Герценом (ненадежным и панславистски настроенным, по мнению трирского философа) и особенно с Бакуниным, а его попытка выдвинуть Чернышевского на роль своего русского преемника потерпит неудачу как из-за вынужденного выхода Николая Гавриловича из игры, так и в связи с различием их социологических моделей; также и с П.Н. Ткачевым, одним из первых популяризаторов Марксова учения в России, дело не обошлось без трений: полемика 1874-1875 годов между Ткачевым и Энгельсом об экономическом развитии России положила начало расколу народничества и марксизма⁵.

---

3. См. об этом хорошо документированную, но крайне «антимарксистскую» работу: Твардовская, Итенберг 2009.

4. Письмо перевели на русский сын Тютчева, Н.Ф. Тютчев, и Н.С. Русанов; оно должно было появиться в «Вестнике Европы» в марте 1880 года, но после очередного покушения народовольцев (взрыв в Зимнем дворце) проект был отложен. Этот документ будет опубликован в: Лемке 1912. Также в: Маркс, Энгельс 1955-1981, 28: 401-412.

5. См. «Открытое письмо Фридриху Энгельсу» в: Ткачев 1932-1933, 3: 88-98.

Связи Маркса с русскими интеллектуалами окрепли и стали более регулярными в 1868 году благодаря проекту перевода первого тома «Капитала» умеренным народником Николаем Францевичем Даниельсоном, который помог Марксу достать материалы о формах поземельной собственности в России (в первую очередь книгу В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», 1869). Русский перевод первого тома «Капитала» вышел в 1872 году (второй и третий тома — соответственно, в 1885 и в 1896 годах), а Даниельсон продолжал консультировать Маркса по аграрному вопросу. В «Очерках нашего пореформенного сельского хозяйства» (1881) Николай Францевич заложил основы «марксистствующей» версии народничества: если ортодоксальные народники отрицали возможность развития капитализма в России, Даниельсон считал начало этого процесса драматически близким, но пока еще устранимым при условии решительной политики экономической поддержки сельских общин (развитие мелкого поземельного кредита, увеличение надела за счет казенных земель, распространение агрономических знаний, организация переселений и т.д.).

Отсюда берет начало спор о мнении самого Маркса по поводу будущего российской экономики. В «Капитале» нигде не утверждается общеобязательность развития капитализма западноевропейского образа для всех экономических формаций, но нигде она и не отрицается; итак, высказывание по этому вопросу со стороны двух основоположников марк-

сизма было необходимо, но оба всегда держались довольно уклончиво: пожилой Энгельс не пожелал занять чью-либо позицию в спорах 1894 года (см. ниже), отказал в поддержке Плеханову, но и не разрешил Даниельсону обнародовать фрагменты их личной переписки, затрагивающие данный вопрос. Тактика «равноудаленности» была избрана самим Марксом, который в 1877 году счел необходимым вмешаться в русскую полемику известным письмом к Н.К. Михайловскому, где прямо указывал на «необязательный» характер западно-европейской экономической модели развития: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» (Маркс, Энгельс, 19: 118).

Письмо было опубликовано посмертно в 1886 году (в России — в 1888 году) и вызвало немалое замешательство среди начинающих русских марксистов. На самом же деле — как трезво оценил это высказывание Ленин в 1901 году — слова Маркса о возможности некапиталистического развития России были «сказаны, в сущности, условно и при исключительных обстоятельствах» (5: 402), то есть Россия сможет избежать фазы капиталистического развития лишь в случае, если пролетарская революция на Западе поддержит крестьянскую же революцию в России. Сами вожди марксизма во вступлении к русскому изданию «Манифеста» (нелегально опубликован-

ному народовольцами в 1882 году) писали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Маркс, Энгельс, 19: 305). Как явствует из этого и подобных высказываний, Маркс и Энгельс отнюдь не думали, что часть человечества может отделиться от общей линии развития, пока во всем остальном мире эта линия все еще совпадает с капиталистической экономикой. За год до русского издания «Манифеста» в письме Вере Засулич Маркс отдался общими соображениями по поводу того, что анализ, проведенный в «Капитале», не дает аргументов «ни за, ни против жизнеспособности русской общины», но что, обеспечив ей нормальные условия развития, можно сделать общину «опорой социального возрождения России» (Маркс, Энгельс, 35: 136-137)⁶. В то время, когда освободительное движение в России было еще целиком в руках народников, Маркс и Энгельс старательно избегали всякого повода для конфликта с ними: отсюда и нарочитая двусмысленность их высказываний⁷.

---

6. Маркс подчеркивает, что его мнение следует считать неформальным. В целых четырех черновиках этого письма (опубликованных лишь в 1924 году) Маркс и впрямь поддерживал гипотезу, что русская община может стать ядром некоего некапиталистического развития (см.: Маркс, Энгельс, 19: 400-421), но затем вычеркнул эти соображения, считая вопрос, очевидно, слишком щекотливым для недостаточно обдуманых высказываний.

7. Маркс только устно иногда «поддакивал» русским народникам: «В беседах Маркс допускал известное уклонение от европейского пути развития, если бы революционерам путем политического переворота удалось осуществить радикальную аграрную реформу» (Лопатин 1988: 14).

Только после падения народнического культа спонтанности во всех его формах (сперва — «хождение в народ», позже — терроризм) и с возникновением мощной промышленной отрасли марксизм начал прокладывать себе дорогу в среде радикальной молодежи; не следует забывать о страшном неурожае 1891-1892 годов: перед фатализмом, с которым крестьяне погибали от голода целыми деревнями, интеллигенция, свято веровавшая в революционность крестьянства и воспринимавшая Маркса лишь как автора письма к Михайловскому, начала проявлять больше интереса к описанным в «Капитале» приводным ремням прогресса.

Марксистствующие кружки — с эфемерными печатными листками вроде «Рабочего» (1884) — существовали с начала восьмидесятых годов, но рождение русского марксизма неразрывно связано с Георгием Валентиновичем Плехановым (1856-1918), который начал с кратковременного участия в народнической группе «Черный передел», но вскоре целиком отдался новой доктрине, распропагандированной им в многочисленных статьях, где — согласно ортодоксии Второго интернационала — марксизм служил ключом универсального познания по образу точных наук и любая сторона жизни выводилась из производственных и имущественных отношений. Аксиоматическим выражением этой установки является

Но, разумеется, Маркс не мог не отдавать себе отчета в том, что капиталистический Запад (если и там не произойдет социалистической революции) быстро расправился бы с этой гипотетической аграрно-кооперативной Россией без промышленности. Неслучайно искусный стратег никогда не выражал официально ту точку зрения, о которой вспоминает Лопатин.

т.н. «пятичленка», т.е. генетический ряд: 1) состояние производительных сил; 2) основанные на них производственные отношения (базис); 3) выросшая на этом базисе общественно-политическая система; 4) психическая структура человека, живущего в данном обществе; 5) разные идеологии, отражающие свойства этой психической структуры (последние три ступени образуют надстройку). К этой эпистемологической модели присоединяется гносеология механистического XVIII века и весьма упрощенного кантианства: «материя», не познаваемая в себе, «отражается» в восприятии и создает копии, соответствующие оригиналу, но не тождественные с ним. В 1880 году Плеханов эмигрирует в Швейцарию, основывает вместе с Павлом Борисовичем Аксельродом (1850?-1928) первый марксистский кружок «Освобождение труда» и становится видным представителем Второго интернационала.

В начале 1890-х годов за Плехановым следует плеяда теоретиков-марксистов. Это были люди на десять-пятнадцать лет моложе своего учителя, без народнических корней, теоретически более разносторонние и подвижные. В первую очередь речь идет о том, кто на десятилетие станет главным теоретиком русского марксизма: Петр Бернгардович Струве (1870-1944), весьма начитанный молодой юрист и философ, лютый враг «субъективной» социологии Михайловского, заклеенной им как форма славянофильства и «романтического антикапитализма». Событием стал его первый сборник «Критические заметки к вопросу об экономическом разви-

тии России» (1894), где капиталистическое развитие страны рассматривалось как форма модернизации и приближения к Европе. Заключительная фраза книжки — «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» — была столь же эмблематичной, сколь и двойственной: «Успех брентанизированного марксизма Струве, — напишет ретроспективно глава „правых“ меньшевиков-реформистов, — впервые показал, что часть демократической интеллигенции разрывает с гегемонией старого уклада, что, наоборот, она является связанной тесною связью со слагающимся новым капиталистическим строем общественной жизни и что этот строй производит свое преобразующее действие и на самую интеллигенцию, как и на ее социальный состав» (Потресов 1909: 573). Еще в 1898 году Струве редактирует основополагающий манифест русской социал-демократии, но цивилизаторский и «западнический» пафос его мысли вскоре уведет его — как мы увидим — весьма далеко от Маркса.

Сходным образом будет эволюционировать мировоззрение двух сподвижников Струве, Сергея Николаевича Булгакова (1871-1944) и Николая Александровича Бердяева (1874-1948), в то время как легальный марксист и первый историк русской фабричной промышленности Михаил Иванович Туган-Барановский (1865-1919) навсегда останется верным марксистскому социологизму. Цитируя книгу «Об историческом материализме» итальянского марксиста Антонио Лабриолы (*Del materialismo storico*, 1896), Туган-Барановский утверждает,

что экономическая основа «есть не только причина, но и продукт общественного развития» и что, в свою очередь, она испытывает влияние «неэкономических сфер социальной жизни», например государства или научного развития (1903: 317); поэтому, как Струве и Булгаков постмарксистского периода, термину «экономика» он предпочитает более «социологическое» и расплывчатое «хозяйство», представляющее собой одновременно материальный и социальный процесс: «Хозяйство есть совокупность действий человека, направленных на внешнюю природу и имеющих своей целью не наслаждение самой деятельностью, но создание материальной обстановки, необходимой для удовлетворения наших потребностей» (1915: 9)⁸. Неудивительно, что Туган-Барановский, чье понятие хозяйства остается чуждым любой идее классового конфликта, в 1910-е годы будет главным теоретиком кооперативного социализма в России.

В споре между марксистами и народниками об особенном экономическом пути России Туган-Барановский, разумеется, поддерживает первых; тем не менее он не принимает полное отождествление русской модели развития с европейской:

---

8. См. другое, более позднее определение разницы между «экономикой» и «хозяйством» (1918): «<...> «хозяйство» включает в себе не только «экономику», т.е. взаимоотношения людей в производстве и присвоении, но также «технику», т.е. отношения людей к природе, всю сумму методов борьбы с нею или ее эксплуатации. Мы даже знаем, что экономика определяется техникой. Значит, „хозяйственный план“ имеет экономическую и техническую стороны, причем именно вторая есть основная. Ясно, что вырабатывать «хозяйственный план» с помощью одной экономической науки — все равно что решать без хозяина» (Богданов 2009: 90). Это типичный богдановский «инженерный» путь к социализму (см. ниже).

историки, как, например, Николай Павлов-Сильванский, которые утверждают это тождество, «<...> не понимают всего огромного значения городского хозяйства в истории Запада и <...> считают характернейшим социальным институтом западноевропейского средневековья феодализм, зачатки которого имеются и в России. Но именно из городской промышленности (а не из феодализма) вырос весь социальный строй и вся культура современного Запада, а городской-то промышленности <...> Россия совершенно не знала» (1915: 120-121); однако экономическое развитие России по отношению к Европе является просто замедленным: «С падением крепостного права самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает, и в России получает свободу развития новая хозяйственная система, господствующая и на Западе, — капитализм» (1915: 120).

Учитывая контекст, в котором шло образование русско-го марксистского движения, неудивительно, что в девятые годы формируется поколение деятелей, которые — в противоположность Туган-Барановскому и иным легальным марксистам — соединяли теоретическую работу с всеохватывающей подпольной практикой: Владимир Ильич Ленин (Ульянов, 1870-1924), Александр Николаевич Потресов (1869-1934), Юлий Осипович Мартов (Цедербаум, 1873-1923) и его зять Федор Ильич Дан (Гуревич, 1871-1947).

Интересны «сравнительные жизнеописания» Ленина, Потресо-ва и Мартова, т.е. трех главных марксистских политиков

второго поколения (и вождей, соответственно, большевизма и левого и правого крыла меньшевизма): Ленин — из провинциальной мелкобуржуазной семьи, Потресов — из петербургского состоятельного дворянства, Мартов — из средней еврейской буржуазии; первый — юрист по образованию, остальные двое учились на физико-математическом факультете (но если Потресов доучился до диплома, то Мартов окончил лишь первый семестр). Если основными переживаниями, толкнувшими Ленина на путь революционной борьбы, были чтение романа «Что делать?» Чернышевского и казнь брата, революционера-народника (два элемента, связывающие его марксизм с наследием самых радикальных и «плебейских» народников-семидесятников), для Потресова и Мартова самым важным в юности чтением стала книга Герцена «Былое и думы»: более интеллектуальный и свободолюбивый подход к революционному радикализму; к тому же у Потресова теория и практика марксизма всегда сопровождались глубокой гуманитарной заинтересованностью, а марксизм Мартова изначально соприкасался с настоящим культам демократии и западноевропейских свобод, что объясняется принадлежностью к особенно притеснявшейся в царской России этнокультурной группе. Мартов и Потресов вместе начали заниматься политикой — они состояли в петербургском кружке Струве до ареста Мартова осенью 1894 года (с последующей двухгодичной ссылкой в Вильно).

1894 год — «золотой год» русского марксизма, пока еще

не сплотившегося в единый фронт. Выходит легально «Происхождение семьи» Энгельса, идеальное введение для широкого круга читателей к куда менее доступному «Капиталу»; выходят «Критические заметки» Струве, тотчас же подкрепленные яростным дебютом Ульянова, направленным против народников, — «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»; Потресов помогает Плеханову опубликовать на родине книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на природу» (конечно, «монизм» в данном случае означает «материализм»), повлиявшую затем на целые поколения марксистов.

Кажется, пришло время сплотить ряды, и Потресов собирает средства для публикации коллективного марксистского труда «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» с очерками Плеханова, Ульянова, Струве, Потресова, а также с переводом написанного Бернштейном большого разбора 3 тома «Капитала». Даже Струве пытается стряхнуть с себя ярлык «умеренного» и апологета капитализма и в своей статье намекает: «„Пойдем на выучку к капитализму“ — это вовсе не означает, для меня, по крайней мере, — “будем служить буржуазии”, ибо капиталистические отношения подразумевают не одну буржуазию, но и ее антипода...» (Логинов 2010: 186). Однако в этот раз цензура была насторожена после провала, связанного с разрешением к печати «Монистического взгляда» Плеханова, и не дала себя одурачить: большую часть тиража конфисковали.

Союз Потресова и Ленина укрепился летом 1895 года, когда они вместе отправились в Швейцарию к Плеханову-наставнику. Осенью, по возвращении в Петербург, они вместе с Мартовым основывают «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и планируют издать новый марксистский сборник в начале 1897 года (прикрывшись именем одного автора), но дело сорвалось из-за ареста Потресова в декабре 1896 года. Ленин к тому времени уже год сидел в тюрьме, а затем был отправлен в сибирскую ссылку; там он останется до февраля 1900 года, но это время станет для него периодом стремительного интеллектуального роста: он пишет и печатает «Развитие капитализма в России» (обильно документированную эпопею о торжестве капиталистических отношений в противовес народническим утопиям, около 500 страниц), переводит книгу супругов Вебб о британском тред-юнионизме (770 страниц), публикует десятки статей и рецензий в крупных столичных журналах плюс две брошюры в Женеве. Когда Потресов, Ленин и Мартов сойдутся снова, они объединятся вокруг эмигранта Плеханова против легальных «экономистов» и бернштейновского ревизионизма Струве (Ненароков 2010: 19 и далее).

Немного позже к марксистскому движению присоединятся Александр Александрович Богданов (Малиновский, 1873-1928), Анатолий Васильевич Луначарский (1875-1933), Лев Давидович Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн, 1879-1940). Благодаря их общим усилиям в конце девяностых годов

марксистские установки и прогнозы социально-экономического развития России приобрели несомненную значимость: если народники считали невозможным развитие капитализма в России потому, что оно разорит деревню и лишит промышленность единственного потенциального внутреннего рынка, то марксисты показывали, что развитие промышленности уже шло полным ходом, а его темпы никак не коррелировали с аграрными кризисами. Справедливости ради заметим, что будущие меньшевики (Аксельрод, П. Маслов, А. Мартынов) допускали определенное запоздание капиталистического развития в России из-за полуфеодалного характера имущественных отношений в деревне: отсюда вытекает типичное впоследствии меньшевистское утверждение о необходимости согласовывать революционную деятельность пролетариата не с крестьянством (как считали большевики), но с наиболее продвинутыми элементами буржуазии, поскольку именно они заинтересованы в уничтожении замедляющих капиталистическое развитие феодальных реликтов в деревне (Мартынов 1910: 307 и далее).

В 1897 году марксисты с большим скандалом присвоили народнический журнал «Наше слово» и пролезли в Вольное экономическое общество (ВЭО), чтобы использовать как трибуну это официальное учреждение, основанное еще Екатериной Великой. Тотчас же в ВЭО разразилась ожесточенная полемика между марксистами и народниками о «регрессивном» или «прогрессивном» характере высоких цен на хлеб: цитирую

выступление Маркса в поддержку свободы торговли, Струве приветствовал повышение цен на хлеб как двигатель экономического расслоения и образования буржуазных отношений в деревне, а Туган-Барановский писал: «Высокие цены хлеба являются одним из основных условий быстроты нашего экономического развития» (цит. по: Бармина 2006: 102). Это была настоящая провокация с точки зрения народнически настроенных членов ВЭО, которые в свою очередь обвинили марксистов в реакционном равнодушии к крестьянам и в подхалимстве по отношению к буржуазии⁹.

Из ссылки Ленин бросается в рукопашную на стороне Струве и Туган-Барановского, но, конечно, ни на секунду не становится апологетом капитализма: «высокие цены, убивая кабальные отношения в деревне, подготавливают условия для революции» (цит. по: Мартов 1924: 330), — писал он сотоварищам; Ленин расставил точки над *i* в длинной (легальной) статье «К характеристике экономического романтизма», где народническая установка была названа «сентиментально-романтической» (2: 224)¹⁰, в духе Ж.Ш.Л. Симонда де Сисмонди: «Положительная сторона требований этого направления заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними старых имущественных отношений и старого общественного строя; или же оно

---

9. Аналогичной критике Струве подвергся двумя годами раньше (см.: Даниельсон 1895).

10. Здесь и далее ленинские цитаты приводятся по: Ленин 1967-1981 (том и страница).

стремится насильственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях оно является реакционным и утопическим одновременно» (2: 243). Немного позже в статье «От какого наследства мы отказываемся» Ульянов обвиняет своих оппонентов в «отсутствии социологического реализма» и в патернализме по отношению к народным массам:

Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности и т.д. и т.п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего «общества» (2: 539).

По образу Марксова «Святого семейства» («Вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем

массы, делом которой оно является») Ленин определяет основное расхождение между народничеством и марксизмом:

По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории (2: 539-540).

Марксисты отнюдь не «фаталисты» и не «апологеты капитализма», но, наоборот, в развертывании экономических противоречий видят рычаг, толкающий все более широкие массы к сознательной и активной политической борьбе; народническая же попытка предохранить массы от пагубных последствий «прогресса» лишь маскирует тревогу мелкобуржуазного интеллигента перед возрастающей активностью самих масс. Тот же Ленин в работе «Развитие капитализма в России» (1899) документально подтвердит разрушение традиционного общественного уклада и возникновение нового

промышленного устройства. К концу десятилетия борьба с народничеством казалась окончательно выигранной: в 1897 году день рождения Михайловского — традиционный повод для более ли менее явных торжеств всей прогрессивной интеллигенции — прошел безучастно, «молодежь явно ушла к социал-демократам» (Логинов 2011: 320).

Возникновение РСДРП

Как это обычно и бывает, достижение гегемонии в специфическом кругу ставит перед политическим движением более сложные организационные задачи и в перспективе подготавливает взрыв пока еще латентных противоречий в недрах самого движения. Что касается первого вопроса, организационная работа завершается в Минске 1-3 марта 1898 года слиянием нескольких групп вокруг мощного и разветвленного Еврейского рабочего союза (Бунд)¹¹: так возникла Русская

---

11. О еврейской социал-демократии см.: Шелохаев 2010. Один из первых организационных документов русской социал-демократии — брошюра «Об агитации» (1894) — написан главой вильнской группы еврейских рабочих А.И. Кремером (1865-1935), одним из создателей Бунда, и его помощником Мартовым. Важной вехой в развитии еврейского рабочего движения, позволившей ему стать стержнем будущей общерусской социал-демократической партии, было решение вести пропаганду на русском языке, а не только на идише (1895). Еще в 1901 году, в письме Кремеру, Мартов критиковал «сильно развившийся организационный эгоизм» Бунда в такое время, когда «общеполитические задачи будут решаться не в Вильне и Белостоке, а прежде всего в Москве и Петербурге» (Шелохаев 2010: 1200). После Октября Бунд сначала поддержал позицию левых меньшевиков (требование восстановления полной демократии, признание необходимости диктатуры советов), а затем слился с РКП(б) в апреле 1920 года (Шелохаев 2010: 15). Меньшевик Дан (присутствовавший на съезде в Минске, когда был распущен Бунд) так объяснял пробольшевистские симпатии еврейского пролетариата: «Большевизм

социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), руководители которой были почти в полном составе арестованы после учредительного съезда.

Тем не менее объединение всех марксистских групп в единую партию стало большим шагом вперед, и от партийного манифеста — принятого в Минске и написанного Струве — веет искренним модернизаторским пафосом: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы».

Однако главным препятствием для деятельности новой партии были не полицейские репрессии, а несоответствие общепартийной программы непосредственным устремлениям рабочих групп на местах: значительно позже Мартов вспоминал, что, во-первых, «рабочее движение этого периода носило характер по преимуществу экономической борьбы, борьбы за улучшение условий труда <...>. Рабочая масса не поднимала вопроса о своих политических правах, не предъявляла притязаний на участие в государственном управлении»; во-вторых,

---

освобождал раба домашней промышленности и ремесла, превращая его в рабочего, работающего непосредственно на казну. Он освобождал его также от национальной приниженности и непосредственно поднимал его социальное положение, открывая бойким, интеллигентным, имеющим за собою вековую городскую культуру еврейским рабочим доступ ко всевозможным административным должностям» (Шелохаев 2010: 16). Впрочем, большевики сразу после взятия власти начали конкурировать с Бундом, публикуя газеты на идише и создавая еврейские ячейки (см.: Эстрайх 1993).

члены РСДРП были преимущественно представителями интеллигенции, в то время как рабочие почти исключительно «обсуждали дела своей фабрики и завода» (Мартов 2000: 21, 29). С одной стороны, это привело к кратковременному успеху в рабочих кружках «экономического» течения (Е. Кускова, С. Прокопович), которое выдвигало только требования чисто профсоюзного характера; с другой стороны, некоторые ведущие представители РСДРП убедились, что рабочие могут выработать революционное сознание — то есть стать стержнем социальных преобразований — лишь под руководством воинствующей группы избранных «профессиональных революционеров», хранителей идеологической ортодоксии.

Но первоочередной задачей была борьба против «экономистов» и сплочение всех социал-демократических групп вокруг программы радикальной демократизации государства и глубокого преобразования производственных отношений в стране. Унификации программы добивалась знаменитая газета «Искра» (1900-1905), которой сперва руководили Ленин и Мартов под общим контролем Плеханова. «Главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время, — его раздробленность, его, так сказать, кустарный характер, — читаем в программной статье, приписываемой Ленину. — Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключаящее ту разногласицу и путаницу, которая — будем откровенны! — царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить

это идейное объединение партийной программой». Далее следует формула, которой был предначертан большой успех: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» (4: 355, 357, 358).

Несмотря на успех, который впоследствии будет иметь дело искровцев, в 1898-1902 годах не было ни единой партийной организации, ни общей идеологии: нелегальные структуры были ослаблены и разъединены репрессиями, выработка политической тактики велась только в легальной прессе по инициативе отдельных личностей, вынужденных пользоваться эзоповым языком. В ходе борьбы против «экономизма» и «буржуазной апологетики» (4: 356) бывших легальных марксистов группы Струве (см. ниже) уцелевшие социал-демократы не знали, какие цели преследовать: среди них были поборники всероссийского организованного социалистического движения (еврейский Бунд), «якобинствующие» сторонники централизации (будущие большевики), теоретики массовой партии, как можно больше похожей — несмотря на разные обстоятельства — на немецкую социал-демократию (будущие меньшевики), «экономисты». Ведущая роль рабочего класса считалась сама собой разумеющейся, но какие стратегические союзы ему следовало заключать? С либеральной буржуазией, поскольку крестьянство является всего лишь архаичным пережитком? С крестьянством против реакционной буржуазии? С национальными меньшинствами? Действовать в одиночку?

Марксистов разделяла даже терминология: например, легальные теоретики переводили Марксово понятие *Wert* как «ценность», в то время как «партийные» деятели (и будущие меньшевики, и большевики) употребляли слово «стоимость»¹².

Как заключает неутомимый публикатор меньшевистских документов, «низкий культурный уровень основной массы рабочих, специфические условия подполья и эмиграции (а без них представить себе российскую революцию просто невозможно), неизбежные в условиях самодержавия ограничения внутрипартийной демократии и настоящий культ „профессионального“ революционера-интеллигента — все это неизбежно осложняло и деформировало процесс соединения массового рабочего движения с идеями марксизма, важнейшим рычагом которого была возникшая в 1898 г. РСДРП» (Гютюкин 1996а: 10-11). По причине слабости и изолированности РСДРП (особенно в сравнении с аналогичными партиями Западной Европы) русское рабочее движение вскоре будет захвачено духом сектантства. В 1898-1902 годах расхождения все еще оставались потенциальными, и полемика (в которой,

---

12. Этот спор был начат Туган-Барановским. В подготовленном Даниельсоном переводе первого тома «Капитала» Werth – это «стоимость»: такой перевод бытовал в течение тридцати лет. В 1901-1903 годах Туган-Барановский подверг критике не только этот перевод, но и самого Маркса, якобы не различавшего понятия «ценности» и «стоимости»: первая, по мнению Туган-Барановского, является «положительным» понятием, означающим «тот размер хозяйственного блага, который доставляется посредством обладания предметом, в то время как „стоимость“ <...> есть противостоящее „ценности“ „отрицательное“ понятие, означающее затрату (например, труда), необходимую для получения предмета» (Бармина 2006: 115). Отсюда легко прийти к заключению, что Марксова теория прибавочной стоимости никуда не годится.

заметим, патриарх русского марксизма Плеханов не принимал участия) пока касалась только экономических прогнозов: о цене зерновых — между Струве, Лениным (Ильиным), Туган-Барановским и публицистами «Самарского вестника» (1897); о судьбе мелкой поземельной собственности — между Булгаковым, Туган-Барановским, Лениным, Каутским (1899-1900); о возникновении рынка для сбыта капиталистической продукции — между Струве, Булгаковым, Туган-Барановским, П.Н. Сковрцовым, М.М. Филипповым, В.И. Засулич и Лениным (1899-1900). Но как организационные, так и теоретические противоречия вскоре выйдут на поверхность.

Если влияние «экономистов» на русскую социал-демократию вскоре окажется мимолетным эпизодом, то в связи с бывшими легальными марксистами в начале 1900-х возникнут серьезные проблемы, которые пройдут несколько этапов критики марксизма и образуют антимарксистское течение не без примеси личных амбиций. В 1899-1900 годах Струве предстоит совершить качественный скачок: от студенческих кружков и общения с потрепанными революционерами он переходит в окружение солидных столичных либералов, которые видят в нем интеллектуального вождя возникающего конституционного движения. Но старые связи с социал-демократическим миром мешают ему: «Я вполне осознавал, — писал впоследствии сам Петр Бернгардович, — что мое влияние как среди либералов, так и среди демократов уменьшится

или даже сведется к нулю, а то и скатится в минус, если я присоединюсь к ортодоксалистам» (Пайнс 2001: 374).

Разумеется, немалую роль в эволюции Струве сыграла и его изначальная склонность к истолкованию исторического материализма как апологии буржуазного прогресса и промышленного развития, его желание, чтобы Россия стала «страной, как все другие» вопреки аграрным утопиям народников. Он без колебаний начинает раскладывать марксизм на части и в статье «Марксова теория социального развития» (1899) заявляет: «Чтобы быть использованной наукой на самом деле, <теория Маркса — Г.К.> должна быть подвергнута разложению» (Бармина 1996: 109). Если выкинуть за борт идею об исторической миссии пролетариата, от марксизма останется только апология капиталистической модернизации, для смягчения которой достаточно этики солидарности, взятой из христианского персонализма. Эта формула позволит Струве переправить целую группу молодых марксистов на либеральный берег.

От «критического марксизма» к «неоидеализму». Полемика между «идеалистами» и «реалистами»

Уже в ходе полемики между народниками и марксистами о перспективах развития России в среде марксистов возникает противоречие, которое будет лежать в основе «критическо-

го» марксизма, а затем идеалистического поворота некоторых бывших марксистов. Марксисты спорили с субъективизмом народников во имя объективности законов экономики, и Струве в 1897 году доходил до заявления, что при анализе социальных процессов отдельная личность — это *quantité négligeable*, и соглашался с В. Зомбартом, по мнению которого «в марксизме нет ни грана этики» (Струве 1894: 30-35, 70-71. Ср.: Плотников 2002: 11-12). Поэтому сложно было объяснить, во имя чего исторический прогресс должен осуществлять освобождение человека от всех форм отчуждения.

Отсутствие ясной этической установки все чаще представлялось «критическим» марксистам серьезным изъяном: по этому поводу и состоялась дискуссия между Струве и Булгаковым о современных попытках соединения Марксова экономического детерминизма с кантовским «практическим разумом» (см.: *Stammler* 1896)¹³. На данном этапе главным защитником экономического детерминизма как единственного начала общественной жизни был Булгаков, известный популяризатор «Капитала»¹⁴; Струве же признает, что каузальность и телеология теоретически несовместимы, но предвидит будущее соединение свободы и необходимости. Именно в ходе этого спора его участники начали убеждаться в том, что пришествие социализма не столько предопределено экономической

---

13. О полемике между Струве и Булгаковым см.: Колеров 2002: 14, сноска 2. Богданов и др. 1904: 243 и далее.

14. У ортодоксальных марксистов было принято изучать первый том «Капитала» по Каутскому, второй — по пересказу Булгакова в работе «О рынках при капиталистическом производстве» (1897), третий — по Бернштейну (см.: Валентинов 2000: 102).

наукой, сколько укоренено в субъективных надеждах и чаяниях, гораздо более сродных психологии (а позже — христианской вере), чем экономике: «самый идеал марксизма дается не наукой, а „жизнью“, является, стало быть, *вне-научным* и *не-научным* <...>. От *вне-научности* идеала недалеко уже до признания его и *сверх-научным*, т.е. до внесения в социологию постулатов метафизики и религии» (Булгаков 1903: XI).

Этот процесс — который уведет некоторых марксистов весьма далеко от марксизма — разворачивается в тесной связи с «ревизионистскими» тенденциями в немецкой социал-демократии (Эдуард Бернштейн). Теперь Струве отказывается от перспективы революционного перелома (Марксова *Zusammenbruchstheorie*) как ненаучной и логически противоречивой: с точки зрения исторического материализма нельзя предвидеть, что постоянно беднеющий пролетариат одновременно может политически созреть до такой степени, чтобы стать носителем новой и высшей формы общества. В свою очередь, в заключении книги «Капитализм и земледелие» (1900) Булгаков признает ошибочными революционные прогнозы Маркса:

Единственное, что позволяют нам утверждать данные науки, — это то, что настоящее экономическое развитие идет к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплуатации человека человеком, хотя и разными способами: в промышленности — концентрируя производство и подвергая его все более общественному

контролю, в земледелии — уничтожая крупное предприятие и ставя на его место крепкое крестьянское. Оба эти течения объединяются в мощном демократическом потоке, который <...> приносит новые, лучшие, более удовлетворяющие требованиям социальной справедливости общественные формы (Булгаков 1900: 456).

Несмотря на определенные параллели, у русских «критических» марксистов теоретические и этические аспекты превалировали над прагматизмом Бернштейна, неслучайно раскритикованного русскими за «филистерство»¹⁵. Отношение между развитием общества и целью этого развития представляется Струве двойственным; с точки зрения экономических процессов «движение» самоценно и явно преобладает над теорией: «Социализм включает в себе всегда столько реальности, сколько социализма содержится в движении, выходящем из недр современного социального порядка, не больше и не меньше» (Струве 1899: 698)¹⁶. Если, наоборот, социализм рассматривается как этико-практическая проблема, отношение между целью и общественным развитием опрокидывается: «Всякий социалист исходит из социализма как морально-политического идеала; он является для него регулятивной идеей, в соответствии с которой производится этико-политическое измерение и оценка отдельных фактов и действий» (Струве

---

15. Строго говоря, русскими бернштейнианцами можно назвать только «экономистов» Прокоповича и Кускову, которым философские размышления Струве всегда были чужды. Позднее, в 1910-х годах, Бернштейну будут сочувствовать меньшевики-«ликвидаторы» Потресова (см. ниже).

16. Эволюция «критических» марксистов вызовет интерес у Макса Вебера. См.: Плотников, Колеров 1994: 74-78.

1899: 698-699). Обоснованию идеалистически окрашенной этики социального действия Струве посвящает многочисленные выступления 1900-1901 годов, повлияв на марксистов Булгакова и Бердяева¹⁷, которые, однако, надолго сохраняют пафос романтического антикапитализма.

Некоторое время спустя по инициативе Струве — в эмиграции заведовавшего либеральным журналом «Освобождение» (Штутгарт — Париж, 1902-1905) — «неоидеалисты» выпустили большой сборник «Проблемы идеализма» (1902), заявив об окончательном отказе от марксизма. Этот *idealismus militans* поначалу стремился не к политической умеренности, но, наоборот, поддерживал освободительную борьбу с помощью новых доводов и установок: неославянофильская соборность у Булгакова, кантовская нормативная этика как основа социально направленного либерализма у Струве, христианский персонализм у Бердяева. Именно Бердяев заявляет самым решительным образом о связи между идеализмом и освободительным радикализмом: «Нравственность есть прежде всего внутреннее отношение человека к самому себе, искание и осуществление своего духовного „я“, торжество „нормативного“ сознания в сознании „эмпирическом“». На обыкновенном языке это и называется развитием личности в человеке». Постепенно согласовывая каждое эмпирическое «я» с трансцендентной нормой, это «развитие личности» упраздняет всякое различие между «эгоизмом» и социаль-

---

17. Ср. программное введение Струве в: Бердяев 1901.

ностью. Таким образом и создается некая «аристократия духа», способная «возвышаться над всякой общественно-классовой и групповой нравственностью». Бердяев заключает: «Реакционеры привыкли встречаться с материалистическим обоснованием и оправданием освободительных стремлений, но гораздо сильнее и чувствительнее будет вызов идеализма. Идеализм обнаруживает полнейшую духовную нищету всякой реакционной идеологии <...>. Спиритуализм, признающий безусловную ценность за человеческим духом, нельзя соединить с оправданием внешнего, часто прямо физического насилия над этим духом» (Колеров 2002: 359, 383, 391).

Марксисты приняли сборник с вполне естественной иронией: «Идеализм и должен был явиться тем маяком, который, освещая *sub specie aeterni* мелкую будничную работу, тем самым освящает ее, делая из пошлой обыденщины лестницу к вечно зияющему абсолюту» (Базаров 1910: 152-153). Тем не менее успех «Проблем идеализма» был показателем явного поворота в настроениях общественности, что немедленно поняли и противники «неоидеалистов»: вскоре вологодский кружок ссыльных марксистов, сплотившихся вокруг Александра Богданова¹⁸, выпустил в ответ «Очерки реалистического

---

18. По иронии судьбы, в Вологде отбывали наказание как некоторые «неоидеалисты», так и их оппоненты-марксисты. Культурные споры 1900-1904 годов превращают Вологду в некие «русские Афины», как ее называл также отбывавший там свой срок Алексей Ремизов: см. соответствующие части его романа «Пруд» и мемуарные записи 1947-1949 годов, ставшие затем главами «Иверени». Уже тогда, впрочем, писателю-модернисту было не по себе в среде, пропитанной одной политикой: «Недавно был среди студентов. Читал им стихотворение По, — пишет Ремизов брату 10 января 1902 года, — но никто из них ничего не понял» (Грачева 1993:

мировоззрения» (1904), своеобразную энциклопедию марксистских точек зрения на различные области знания (от философии до этики, от эстетики до вопросов экономического развития России), для которой «Проблемы идеализма» стали полемическим ориентиром.

В предисловии к сборнику «реализм» и «монистический идеал познания» — то есть материализм, не допускающий дуализма материи и духа, — противопоставляются «идеалистическому эклектизму», который, по мнению марксистов-«реалистов», является лишь «профессиональной болезнью интеллигенции <...>, класса несамостоятельного по своему положению среди общества, нервного и впечатлительного по своей организации» (Богданов и др. 1904: V-VII). Мишенью «реалистов» служит прежде всего трансцендентальная и нормативная этика Бердяева:

«Я хотел бы, — декламирует г. Бердяев, — чтобы было наложено клеймо позора на тех, которые нагло и беззастенчиво совмещают в себе безобразное противоречие — признание за человеческим духом безусловной ценности, с одной стороны, и оправдание гнета эксплуатации и нарушения элементарных прав человека — с другой». Было бы очень интересно узнать, каким это образом «дух» человеческий можно подвергнуть гнету и эксплуатации. Разве ду-

---

435). Также в Вологде отбывал ссылку Борис Савинков, который именно в это время вступил в неонародническое движение и решил стать террористом (Савинков 1990: 14), и П.Е. Щеголев (1877-1931), будущий пушкинист и историк революционного движения, который придал группе ссыльных тон шутивого кружка по образу «Арзамаса» 1820-х годов. См. также: Вадимов 1994; Грачева 1999.

ховное «я», нравственное сознание теряет что-нибудь в своей силе и безусловности от того, что я отнимаю у человека заработанный им пятак? Не моральное, а гедоническое «я» урезывается здесь в своем содержании, эмпирический человек лишается известного количества приятных переживаний. Духовное «я» Бердяева может, конечно, объявить всякую урезку одного эмпирического «я» в пользу другого безнравственной, греховной <...>. Но столь же мало подлежит сомнению существование многочисленных духовных «я», видящих в эксплуатации не грех, а именно выполнение нравственного долга; причем такое решение моральной проблемы одинаково распространено и на стороне эксплуатирующих, и на стороне эксплуатируемых.

«Абсолютная» нормативность этики Бердяева легко обобщается релятивизмом, который никак не может быть опорой для освобождения угнетенных. Автор этого раздела, Владимир Александрович Базаров (настоящая фамилия Руднев, 1874-1939)¹⁹, приводит в пример сказку Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил»: мужик, оказав-

---

19. Сын семейного врача Льва Толстого, Базаров был самым способным и оригинальным сподвижником Богданова. Автор обильной публицистики — от театральной критики до философских аспектов теории относительности — и многочисленных переводов: от «Капитала» (совместно с Богдановым. 1-е изд. 1907-1909) до «Современного капитализма» В. Зомбарта (где, отметим, впервые употреблялось понятие капитализма, отличное от Марксова). После революции в качестве видного математика и экономиста Базаров занимал ответственные посты в Госплане, где пытался осуществлять принципы фордизма и тектологии Богданова (см. ниже). После критики от самого Сталина за недооценки возможности планового развития экономики Богданов был уволен, а затем арестован. См.: Никитин 2002.

пийся на необитаемом острове вместе с двумя генералами, упорно продолжает им служить и отказывает себе даже в необходимом; он действует на основе некой «нормы общежития», которую его «моральное сознание» безусловно принимает:

Формула «человек — самоцель» или не имеет вовсе никакого смысла, или только следующий. Никто не смеет оспаривать нравственного характера той цели, которую автономно санкционировало моральное сознание данного человека <...>. Но могу ли я тогда хоть что-нибудь делать, принять хоть какое-нибудь участие в жизненной борьбе? <...> Автономная моральная личность, «человек — самоцель», — совершенно пустая, бессодержательная формула: никакой практической максимы выжать из нее нельзя (Богданов и др. 1904: 254-259).

Вологодские «реалисты» заявляют о своей незаинтересованности в «схоластическом жонглировании» формальными тавтологиями» и пытаются определить «содержание деятельности», развертываемой конкретными социальными силами (Богданов и др. 1904: 261).

В теоретическом плане матч завершился вничью. Хотя некоторые «неоидеалистические» лозунги стали ходячей монетой, само движение не получило широкого распространения. В свою очередь, и вологодские «реалисты» не были такими уж «ортодоксальными» марксистами, судя по обильным цитатам из Ницше и Штирнера, Маха и Авенариуса, Канта и

Шопенгауэра; их концепция «классовой борьбы», например, испытала сильное влияние «культа героев» Томаса Карлейля и «сверхчеловечества» Ницше²⁰. Чего стоит, например, анархический идеал, выдвинутый Базаровым против «свободной теократии» Булгакова и «духовной аристократии» Бердяева:

По нашему мнению, личность, действительно освободившаяся от всяких остатков рабской психологии, не может поставить себе идеалом ни теократию, ни духовную аристократию, ни даже демократию. Из всех этих «тео», «аристо», «демо», когда-то будивших такие яркие и «возвышающие» чувства, только последнее сохраняет еще место в душе современного человека; но и ему предстоит то же, что случилось с остальными, которые уже теперь превратились в пустые, холодные слова, и свободный человек констатирует их гедоническую пустоту, заменяя их кратким, но выразительным *α-privativum* (Богданов и др. 1904: 272).

Для «реалистов» не существует «ценности» или «стоимости», которые не являются продуктом организованной деятельности человека. Уже за пять лет до Вологды Базаров пытался переосмыслить понятие «ценности»/«стоимости»,

---

20 См.: Богданов и др. 1904: 109-111; 131-137, 155, 180, 233 и след. (сплав Маркса и Ницше определяется там как «эдонизм»). Возможно, что последующая большевистская принадлежность некоторых членов «Очерков» придала ленинской идее «профессионального революционера» некоторые героические и сверхчеловеческие черты. Например, согласно высказыванию Сталина от 1921 года, партия — это «орден меченосцев», целиком преданный беззаветному служению (пассаж опубликован лишь в 1952 году. См.: Сталин 1946-1952, 6: 170-186; 8: 31-60).

проанализированное Марксом в первом томе «Капитала»: в брошюре «Труд производительный и труд, образующий ценность» двадцатипятилетний Базаров цитирует сравнение Маркса: «Для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций остатки орудия производства имеют то же значение, как остатки костей для познания организации исчезнувших пород животных. Не то, *что* делается, различает между собой экономические эпохи, но то, *как* делается, при помощи каких орудий ведется производство в течение этих эпох»²¹. Но, замечает Базаров, «скорее наоборот — не только способ производства, но и самая цель его, „самая потребительная ценность“ имеет специфически общественный характер, носит на себе печать данной экономической эпохи» (Базаров 1899: 3).

Отсюда, например, вытекает представление о том, что торговый капитал — «нематериальная» форма производства, которая тем не менее создает добавочную ценность: идея, которую отрицал Маркс (1955-1981, 25/1), но отстаивал Базаров (1899: 44 и далее), будет воспринята историком-марксистом Михаилом Покровским (тоже богдановцем), который именно обороту торгового капитала придает ключевую роль в социально-экономических переменах в России XVII–XVIII вв. (см.: Покровский 2009). Но это еще не все: определив «производство <...> предметов общественного

---

21. Ср.: Маркс, Энгельс, 23: 191: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда».

потребления» как объект политической экономии (1899: 9), Базаров сосредотачивается на механизмах, регулирующих нематериальные ценности, в первую очередь — на культуре (рассматривая ее в широком смысле как организацию производства и распределения); распространение культуры, ее потенциальная меновая ценность независимо от способа производства (на который сама культура может повлиять) имеют для Богданова и Базарова первостепенное значение: в первое десятилетие 1900-х годов они будут приписывать производству культуры прямое влияние на социально-экономический уклад, способность преобразовывать его параллельно и независимо от политической борьбы. Уже в 1908 году Богданов писал, что «философия есть высшая организующая форма классовой идеологии, — форма, в которой резюмируются и под контролем которой находятся все остальные» (1908: 4). Отсюда и ключевая роль, которую и Богданов, и Базаров приписывали в 1917 году — хотя и разными способами — технической и научной интеллигенции как революционному субъекту наряду с рабочим классом. Но пора уже объяснить подробнее, каковы истоки и в чем заключается своеобразие русского марксизма «Богдановской школы».

Богданов и эмпириомонизм

Для самого вдохновителя вологодских «Очерков» реализм — это не только завуалированное обозначение диалек-

тического материализма, но и настоящий материализм, основанный на доктрине эмпириомонизма, которую разработал Богданов. Основные положения его учения резюмируются следующим образом:

Основа «объективности» должна лежать в сфере коллективного опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны <...> основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение <...>, такое же, как для меня (Богданов 1904: 25).

Реальность — и социально обоснованная, и та, которая постигается эпистемологическим или научным путем, — является коллективно организованным опытом, и фактором, который организует опыт, является труд. Если знание — это «организованный опыт», а не «отражение» некоего объекта в восприятии некоего субъекта (само различие между субъектом и объектом Богданов считал метафизическим), то самыми адекватными формами мировоззрения являются те, которые организуют наибольшее количество опыта (то есть объясняют наиболее широкий круг явлений) исходя из наиболее простых начал.

По Богданову, познавать — значит «объединять и группировать факты на основе предустановленной научной точки зрения» (Rowley 1987: 49; ср.: Садовский 1995), а сама идея познания как организации опыта была подсказана философом-естественником Эрнстом Махом, который таким образом намеревался преодолеть дуализм материи и духа, упраздненный, по его мнению, благодаря открытию второго закона термодинамики. Следуя доктрине, которую он назвал «эмпириокритицизмом», Мах считал любое ощущение сочетанием «элементов» — не материальных и не духовных, но находящихся «по сю сторону» и материи, и духа; в процессе организации этих «элементов» реализуется параллельное самопостроение как индивидуальной субъективности, так и эмпирической реальности. Концепция Маха и его сподвижника Авенариуса

<...> мир опыта представляет как бесконечную сеть элементов, не являющихся сами по себе ни физическими, ни психическими, но выступающих и в физических, и в психических группировках. Элементы и комплексы этой сети теснее связаны между собою во многих пунктах, называемых «я», но такие пункты не представляют из себя чего-либо постоянного: они непрерывно возникают, исчезают и изменяются; они являются всецело производными — практическими группировками, и, конечно, никак не могут считаться ни предпосылкою мира элементов, ни его собственниками. Как видим, это понимание опыта есть вполне опре-

деленно анти-индивидуалистическое и анти-субъективистическое (Богданов 1908: 40).

Богданову достаточно перенести этот процесс из индивидуальной психофизической плоскости в сферу коллективного, организующего труда, чтобы получить мощный синтез марксистского социологизма и наукообразной эпистемологии: перейти от «гносеологического демократизма» Маха к «гносеологическому социал-демократизму» (Богданов 1906: XIX).

Итак, если наше понятие «объективной реальности» дано нам нашей наукой, а сама она есть продукт определенной организации труда, получается, что сама физическая реальность — это особый социальный инструмент или «социально-организованный опыт» (Богданов 1904: 36; 1906: XXXII) и что «истина есть идеологическая форма — организующая форма человеческого опыта» (Богданов 1906: IX). Возьмем показательный пример из работы сподвижника Богданова:

Земля, на которой мы живем, представляется человеку в его первых опытах как большой круг, прикрытый голубым сводом. Но мы знаем, что это «иллюзия». А какова «действительность»? В «действительности» земля есть не вполне правильный сфероид, с длиною осей $12\frac{1}{2}$ – 13 тысяч километров, окруженный воздушной оболочкой, движущийся по эллипсу вокруг центра тяжести Солнечной

системы, и т.д. и т.д. Но если все это «признаю» и высказываю «я», человеческий индивидум, познавательно оторванный от связи человечества в настоящем от связи поколений в прошлом, — то все это превращается в странные фикции, не только не соответствующие «моему» опыту, но даже ему недоступные (...). Для гносеологического Робинзона, называемого «я», все это — произвольные символы с мнимым содержанием. А на деле как раз наоборот: все это и есть действительность, а само гносеологически-независимое «я» есть произвольный символ с мнимым содержанием.

Какая действительность скрывается за формулой — 520 миллионов квадратных километров? В «природе», в мире стихии, нет «километров», ни линейных, ни квадратных. Тысячи человеческих поколений, в трудах и страданиях, завоевывали гигантскую поверхность земли. Каждый шаг земли, отвоеванный у хищников, у девственного леса, у пустыни, у моря, был действительностью человеческого труда, действительностью коллективной практики. Миллионы купцов, моряков, путешественников объехали, исследовали, описали, изобразили на картах бесконечные моря, необитаемые страны; и это было действительностью коллективного труда. Тысячи географов и астрономов, продолжая работу древних общин, первобытными приемами измерявших и переделывавших возделанную землю, вырабатывали и выработали общую меру, неизменную и прочную, насколько неизменна и прочна в своей величине наша планета; и эту меру, посредством приемов, созданных трудом геометров, они приложили ко всей поверхности земли. И вот перед нами действительность: столько-то миллионов квадратных километров земли. Чья

эта действительность? Не маленького, с наивным самодовольством философствующего, индивидуального «субъекта», а того титанического коллективного субъекта, который ведет действительную борьбу с природою, и который есть — человечество в его развитии. Это его коллективная, в ряду тысячелетий продолжающаяся практика кристаллизовалась как действительность, выражаемая символом — «поверхность земного сфероида». И эта действительность труда и познания не будет скрыта от пролетарской мысли «последним фетишем», человеческим «я» (Луначарский 1911: 372-374).

Умение человека организовать свой опыт зависит от уровня развития его общих организующих способностей, которые, в свою очередь, зависят от структуры общества: «1) Идеологические формы суть организующие приспособления социальной жизни, а в конечном счете (прямым и косвенным путем) именно технического прогресса; 2) поэтому развитие идеологии определяется потребностью в организующих приспособлениях социального прогресса и наличным материалом для них; 3) жизнеспособность же их зависит, следовательно, от того, насколько гармонично и стройно организуют они в действительности социально-трудовое содержание» (Богданов 1906: XXIV).

В иерархических аграрных обществах разделение между «организующей» и «исполнительной» функциями в процессе производства приводит к дуалистическому мировоззрению, где некие нематериальные «формы» моделируют инертную и

недифференцированную материю. А то, что Богданов называет «метафизическим монизмом», т.е. механистичное и атомистическое мировоззрение, царившее в XIX веке, является продуктом разделения труда при капитализме. Когда человеческий коллектив организован лишь рыночными законами, относящимися к людям как к атомам, лишь внешне соединенным, тогда и люди склонны воспринимать мир по той же самой модели. Таким образом, вся система буржуазной науки — от ньютоновской механики через эволюционную теорию Дарвина и до либеральной экономической науки — оказывается лишь отражением рыночной экономики (Gorelik 1983: 48). «Эмпириомонизм» — а позже «тектология», или «наука организации» — задуман Богдановым как мировоззрение, порожденное коллективным и организованным трудом, свойственным рабочему классу промышленного века (см.: Gorelik 1983: 40). В то время как предыдущие мировоззрения считали организацию либо чем-то отдельным от материи, наложенным извне (аналогично организационной деятельности короля или священника), либо чем-то спонтанно проявляющимся во взаимоотношении лишь внешне соединенных частиц, по Богданову, бытие — это и есть сама организация, противоположностью которой является нечто близкое к понятию энтропии.

Эмпириомонизм, преобладавшая философская позиция в среде большевиков по крайней мере с 1906 по 1910 годы (и зафиксированная в таком качестве меньшевистски настроен-

ным Плехановым), представлял собой эволюцию марксизма в направлении оригинальной наукообразной социологии, из чего вытекали определенные последствия: относительное равнодушие к имущественным и производственным отношениям как элементу, определяющему развитие производительных сил; последние в сущности отождествляются Богдановым с уровнем технологического развития — производительные силы воспринимаются им как результат бесконфликтного организационного процесса (конфликты, разумеется, есть, но по отношению к ним развитие производственных сил представляется нейтральным); разные идеологии, по мнению Богданова, являются непосредственным продуктом достигнутого организационного уровня, а не выражением одинаково подвижных и противоречивых отношений производства, имущества и господства.

Описывая общественное развитие, Богданов подчеркивает не «противоречия, но близкую к равновесию организационную динамику. Результатом является тенденция к недооценке роли противоречия и борьбы в развитии» (*Mansueto* 1996: 46). То есть принцип диалектики заменен принципом организации: общественная гегемония, по мнению Богданова, вытекает не из владения средствами производства, но из усвоения организационного опыта и монополии над ним.

Капиталистический тип классового развития имеет началом мелкобуржуазную меновую организацию. Организаторская роль

предпринимателя ограничивается определенной частью существования рабочего — рабочим днем. Связь подвижная (договорная). Этот тип классового развития приводит к прогрессивному превращению массы индивидуальных работников-исполнителей в сплоченную коллективность, приспособленную к организаторской роли в беспредельно расширяющихся размерах. Быстрый технический прогресс, который свойствен этому типу развития, стимулирует быстрое развитие противоположных классовых идеологий и классовой борьбы. Дело заключается в крушении прежнего организаторского класса и переходом общества от классового развития в противоречиях к интегрально-гармоническому развитию. Стихийность вне-социальная и социальная одинаково преодолеваются планомерно-организованной силою человечества, его власть над природою беспредельно возрастает... (Богданов 1906: 142)

Из этого следует, что правящий класс соединяет не столько владельцев средств производства, сколько организаторов самого производства.

Виктор Чернов и марксистствующее неонародничество

В то же время, когда появляется «Искра» и образуется будущая социал-демократическая партия, в 1901 году начинается история другого крупного русского социалистического течения: зарождается неонародничество, из которого вскоре

вырастет Партия социалистов-революционеров (ПСР). В предыдущем десятилетии движения, унаследовавшие традиции народничества, были разрознены, деморализованы и отягощены своей анахроничной приверженностью идее крестьянского социализма: «Нам нечего рассчитывать на культурную миссию капитала да на „естественную тенденцию капиталистического общества“ к социализму», — читаем в неонароднической брошюре конца века.

От промышленного гения русского капитализма, усердно культивируемого правительством, мы не видим ничего, кроме разорения трудящихся масс и всероссийского обнищания. Все, что русский капитализм делает по части развития промышленности, делается им под эгидой и под ревностной защитой правительства, и плоды этих усиленных забот до того неважны и ничтожны <...>, что возлагать какие бы то ни было надежды на промышленный гений русского кулачества могут только доктринеры, закабалившиеся раз и навсегда у той или другой историко-философской формулы (Ерофеев 1996: 41).

Не вызывает сомнения, что в 1890-е годы царский правительственный аппарат решительно поощрял развитие промышленной отрасли: убежденные, что Александр II был вынужден провести зловердные реформы 1860-х из-за крымской военной неудачи, Александр III и Николай II — вернее, их советники — действительно поддерживали отрасли производства, необходимые для увеличения военной мощи.

Но из этого отнюдь не следует, что русский капитализм был бы «беспомощным и хилым <...> без покровительства государства» (Ерофеев 1996: 41): в 1896-1904 годах тяжелая промышленность выросла на 60%; государственная поддержка (субсидии и протекционистская налоговая политика) наконец затронула и легкую промышленность (она выросла на 40%); в целом промышленность росла ежегодными темпами 5% с пиковыми значениями 7-8% в начале девяностых годов.

Такая слепота в отношении пускай неравномерного, но весьма внушительного процесса модернизации объясняется необходимостью защиты стержневой народнической догмы: веры в то, что Россия сможет достичь социализма, минуя стадию капиталистического развития, путем крестьянской революции. Струве и марксистам первого призыва не стоило никакого труда победить в полемике с такими оппонентами, тем более что проиндустриальные позиции марксистов упрощались и коверкались народниками до абсурда: «Видоизменяя известную поговорку, можно сказать: *grattez le marxiste russe et vous trouverez un utopiste pur sang*», — читаем далее в вышеупомянутой брошюре.

Утопист потому, что он не считается с обстоятельствами времени и места, что для него все виды капитализма составляют один вид «капитализма вообще», как тот знаменитый «плод вообще», над которым столь справедливо потешался Маркс в своей *Heilige Familie*. Такой доктринер, верующий в спасительную роль капитализма, неза-

висимо от исторических условий его развития, есть к тому же утопист самого худшего сорта, так как не может оправдать свое увлечение капитализмом возвышенностью своего идеала, подобно утописту-идеалисту (Ерофеев 1996: 41).

В самом деле, столь пылая воодушевленность скрывает оборонительную позицию, и бесполезны обращения к таким известным социалистам, как Ж. Жорес и Ф. Лассаль, чтобы европейское рабочее движение усвоило начала русского народничества: даже самые убежденные народники — как автор брошюры С. Григорович (Хаим Житловский, 1865–1943) — уже внимательно читают Маркса, и отношение народнического движения к марксизму следует внимательно рассмотреть.

Виктор Михайлович Чернов (1873-1952), родом из средневожского города Хвалынска, с юности был завсегдатаем подпольных кружков (ущелевшие осколки «Народной воли») и столь же ранним читателем Маркса, хорошо понимавшим значимость его трудов для обновления народничества. Эмигрировав в Швейцарию в 1899 году, он познакомился с Аксельродом и Плехановым, но особенно близко сошелся с упомянутым выше Хаимом Житловским, представителем разнородного неонароднического движения: вместе они основывают «Аграрно-социалистическую лигу», непосредственную предшественницу ПСР.

Неутомимая пропагандистская деятельность «Лиги» (317 тысяч нелегальных брошюр, распространенных в течение не-

сколько лет!) не мешает Чернову разрабатывать теоретические вопросы в легальных органах печати, а также искать «третий путь» между народнической ортодоксией и широко истолкованным марксизмом. Первый шаг в этом направлении — его работа «Субъективный метод в социологии» (1901), где элементом, позволяющим сплавить народничество с марксизмом, выступает, как ни странно, модный в то время эмпириокритицизм Маха в несколько упрощенном, субъективистском варианте, без тени коллективистского истолкования, предложенного Богдановым: по мнению Чернова-«эмпириокритициста», процесс познания обусловлен не только средой, но и «определенными свойствами» индивида; поэтому и «свойства», и «качества» познаваемого объекта будут определяться не согласно абсолютному закону, но в соответствии с индивидуальными качествами и способностями конкретного субъекта. Короче, политическое движение должно не столько управлять объективными экономическими противоречиями, сколько заниматься отбором элементов, потенциально склонных к революционному действию, и воспитывать их в желаемом направлении, следуя принципу «экономии умственных сил» как критерию истины: «Истиной будет система взглядов, свободная от внутренних противоречий, объединяющая с наибольшей экономией сил наиболее существенные данные опыта и обеспечивающая человечеству в его борьбе за существование достижение *maximum'a* равновесия между ним и окружающей средой» (Чернов 2010б: 173).

Эта концепция интеллектуальной деятельности столь же релятивистская, сколь и телеологичная: во-первых, устанавливается (при помощи разума и инстинкта) идеал, к которому надо стремиться, и, во-вторых, воспитывается революционный борец, способный осуществить этот идеал; только затем следует попытка организации социального материала, каков бы он ни был, при том что анализ этого материала определяется как изучение «существующих форм жизни и поведения отдельных лиц и целых групп в их отношении к социальному идеалу, опять-таки как средств к цели» (Чернов 2010а: 128). Подобный телеологизм противоположен любой форме марксизма, тем более что его стержень — это понятие личности как двигателя свободного поиска социального идеала: «Человеческая личность — этот общественный атом — со своими действиями входит в общую цепь исторической причинности в качестве звена, имеющего свои причины или условия, но также и свои действия. Она — не только существо пассивно-воспринимающее, но и активно-реагирующее на события» (Чернов 2010а: 113). Релятивистская и телеологическо-личностная установка, разумеется, переключается в редактируемые Черновым проекты программы ПСР, где конечной целью назван «социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление общественной солидарности и всестороннее, гармоническое развитие человеческой личности» (Ерофеев 1996: 273). Чернов не только старается соединить субъективизм и объективизм, но и стремится со-

гласовать внеклассовый и общечеловеческий персонализм с императивом революционной борьбы во имя нормативного идеала:

Интересы труда <...> сводились к интересам живых его носителей. Это не была подстановка, замена широкого, общечеловеческого понятия более узким. Это не было выделение какой-нибудь узкой группы, — сословия или класса, — с ее специальными, исключительными интересами. Это была простая жизненная необходимость. Борясь за известную идею, известный принцип, необходимо приходится бороться за их конкретное воплощение. Защищая интересы труда, необходимо защищать живых носителей этого труда, — но защищать не больше и не меньше, как таких носителей. Ровно постольку, поскольку индивид — будь то «воин, купец иль пастух»²² — является воплощением данной категории — труда, — он имеет право на защиту своих интересов. При этом один индивид со своими интересами может быть более или менее чистым воплощением этой категории, более или менее свободным от других наслоений. Учитель, адвокат, чиновник, ремесленник, купец, солдат — тоже в известном отношении люди трудящиеся, следовательно, и они одной стороной своего существа входят в понятие «народа как совокупности трудящихся классов». Но к этой стороне у них прибавляется другая, которой, напротив, они выходят, выделяются из понятия «народа». И понятно, что чем более интересы той или другой общественной группы покрываются интересами труда, тем более они заслуживают,

---

22. «Воин, купец иль пастух» — неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Тамара» (1841).

с точки зрения борьбы за индивидуальность, положительного к себе отношения; и, наоборот, чем менее интересы группы покрываются интересами труда, чем более они отделяются от последних — тем более они заслуживают отношения отрицательного (Чернов 1906а: 4).

Читатель вправе спросить: да причем же тут марксизм? Ведь эта аксиоматическая и бесклассовая путаница из абстрактных категорий («личность», «труд», «народ», «положительное» vs. «отрицательное отношение») словно задумывалась как идеальная основа для мелкобуржуазного политического движения...

Ортодоксальный марксизм — ответил бы сам Виктор Михайлович — здесь точно ни при чем: подлинно революционный субъект может возникнуть только на основе смешения межклассового волюнтаризма и романтического чувства долга, в то время как марксизм, подчиненный диалектике классовых отношений, воспитывает в «народе» лишь фатализм и инертность. Зато сам Маркс, по мнению Чернова, уделял гораздо больше внимания конкретным личностям (и обществу) и инертности, чем думают его «ортодоксальные» последователи:

Да и в основном своем труде — «Капитал» — вопреки наивному мнению иных «учеников» Маркс отнюдь не является исследователем только объективной стороны процесса хозяйственного развития; он

следит постоянно за судьбами живых личностей и оценивает внешние явления не только с точки зрения их взаимных причинных соотношений, но и с точки зрения их влияния — положительного или отрицательного — на счастье, благо, развитие личностей. Наряду с «положительными» сторонами того или другого явления хозяйственной жизни он отмечает то и дело «отрицательные и человекоубийственные» его стороны²³; он дает сравнительную оценку разных хозяйственных формаций именно с точки зрения преобладания положительных или отрицательных сторон — так, напр., доказывает, что домашняя система промышленности успевает «воспроизвести и даже превзойти все чудовищности фабричной системы, не воспользовавшись, однако, какими бы то ни было положительными элементами общественного прогресса, которыми она обладает» <см. Маркс, Энгельс 1955-1981, 23: 485>; он нередко заглядывает в идеальное будущее, намечая «единственный способ производства всесторонне развитых людей» <23: 495>; он ни на минуту не упускает из виду, что при современных условиях известные явления бывают «источником нравственной порчи и рабства», хотя они «при соответственных условиях должны превратиться в источник человеческого развития» <23: 501>. Он мимоходом дает понятие и о своем культурном

---

23. Ср.: «Систематически осуществляемая лишь благодаря машинному производству экономия на средствах производства, которая с самого начала является в то же время беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою антагонистическую и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развиты общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда» <сноска Чернова; см.: Маркс, Энгельс 1955-1981, 23: 473>.

идеале — «царствии свободы», в котором навязанный необходимостью борьбы за существование физический труд «совершается при условиях, наиболее достойных человеческой природы и наиболее ей соответствующих», а на нем, как на фундаменте, зиждется «развитие человеческих сил, которое само себе служит целью» <25/2: 386, 387>.

Однако, как специалист в совершенно других сферах знания, Маркс не развил подробно и не мотивировал данными психологии эту основную субъективную идею, являющуюся для него мерилom оценки хозяйственных форм, и подобные субъективные ноты звучат у него крайне редко (Чернов 2010б: 207, 208).

И еще: в полемике с Бентамом Маркс апеллирует к «человеческой природе вообще» (там же: 208; ср.: Маркс, Энгельс 1955-1981, 23: 623, сн. 63); значит, в соответствии с ней и надо строить будущее идеальное «царство свободы», ведь «в трудах <Маркса> прошлое освещается и отбрасывает лучи света на настоящее и будущее» (Чернов 2010б: 209).

Акцентируя нормативную, утопическую составляющую у Маркса — точнее, выделяя те немногочисленные намеки на «долженствующее быть», которые можно найти в «Капитале», — Чернов в то же время ограничивает область применения Марксова анализа капиталистического способа производства: «Весь марксовский анализ и есть замечательный по своей глубине анализ явлений социального индивидуализма, составляющих характерную особенность, даже основную

типическую черту буржуазного хозяйственного строя <...>. Он говорит, что поскольку современное общество состоит из простых атомов-людей как олицетворений чистого социального индивидуализма — постольку это общество и движется к вырождению масс» (Чернов 2010б: 314). Но анализ этот проведен на весьма ограниченном материале (английский пролетариат середины XIX века), и не исключено, что при других обстоятельствах процесс развития может оказаться совсем иным: например, в сельскохозяйственной России, при социально-экономическом строе, совсем несхожем с западноевропейским. На основе этих предпосылок Чернов со товарищи предложат в 1905 году развернутый анализ социальных отношений в деревне и определенную тактику политической борьбы.

Ленин и партия «профессиональных революционеров»

В 1901 году «Искра» одобряла создание сильной либерал-демократической партии в надежде ее себе подчинить, но появление Союза освобождения под эгидой Струве вызвало у марксистов обратную реакцию: «Либеральная партия стала рассматриваться прежде всего как соперница в деле влияния на широкую демократическую среду, а объективное значение ее борьбы с самодержавием стало недооцениваться. Так психологически подготовлялось из разочарования в возможности

„управлять“ всем освободительным движением то односторонне враждебное отношение к либеральному конституционализму, которое впоследствии стало прочной традицией в известных кругах русской социал-демократии» (Мартов 2000: 65).

Справедливости ради надо сказать, что недоверие к новому либеральному движению подогревал сам Струве, особенно во время его поездки в Мюнхен в декабре 1900 года для переговоров с будущими искровцами о возможных формах сотрудничества: два журнала социал-демократической эмиграции — «Искра» и «Заря» — должны были играть подчиненную роль по отношению к третьему журналу, «Современное обозрение», под прямым руководством Струве и без партийных признаков. Пятью годами позже Ленин раздраженно вспоминал, как в Мюнхене Струве «показал себя „политиком“ чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом» (4: 386). На самом деле Плеханов не прочь был подчиниться диктату Струве ради финансирования, которое он мог предоставить, но сразу же после возвращения в Россию Петр Бернгардович был арестован и сослан в Тверь: искровцы должны были искать себе других меценатов.

После этого опыта Ленин становится убежденным противником любого сотрудничества с либеральным движением и главным теоретиком новой централизованной организационной модели РСДРП, защищающей партию от любых «уклонов». В этом отношении его брошюра «Что делать?»

(1902) представляет собой ключевой — и во многом неортодоксальный — вклад в марксистскую традицию, поскольку в ней во главу социополитических процессов ставится роль партии как сообщества «профессиональных революционеров»; она должна ориентировать и организовывать сознание и политическую деятельность рабочего класса, который — не будь этой помощи «извне» — ограничился бы локальными, разрозненными практическими требованиями: «Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие <...> не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку в с е х сторон деятельности и жизни в с е х классов, слоев и групп населения» (6: 69). В свою очередь, благодаря «профессиональным революционерам» рабочий класс сможет организовать вокруг себя требования и фронты борьбы других социальных субъектов (крестьяне, неценовые сословия в целом, этнические меньшинства и т.д.) и стать «всеобщим классом» в ходе революционного процесса:

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений в с е х классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотноше-

ний между всеми классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к «экономизму», именно ответ: «идти к рабочим». Чтобы принести рабочим политическое знание, социал-демократы должны идти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии. <...> идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать пред всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата (6: 79-80).

Так появилась «концентрическая» модель социополитической деятельности, в которой сказались некоторые идеи русского «якобинства» XIX века (декабрист Пестель, бланкист Ткачев): данная модель работает «сверху вниз», по схеме, в основном заимствованной из мифа Чернышевского о «новых людях», чей роман «Что делать?» (1862-1863) вдохновил Ленина даже заглавием.

Движение «новых людей» находит организационное на-

чало не в формальной «игрушечной» демократии, но в более глубокой, почти мистической связи: «Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — обеспечено и нечто большее, чем „демократизм“, именно: полное товарищеское доверие между революционерами <...> ведь „демократизм“, настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!» (6: 141)²⁴.

Поначалу другие социал-демократы ничего не имели против ленинской модели. Например, Потресов, будущий правый меньшевик, в марте 1902 года пишет Ленину: «Два раза сплошь и подряд прочел книжку и могу только поздравить ее автора. Общее впечатление — превосходное. Не сомневаюсь, что книжка будет иметь большой успех и сыграет

---

24. Понятие товарищества заимствовано из казацкой эпикой «Тараса Бульбы»: «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество <...> Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей <...> Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!» (Гоголь 1994, 2: 289-290). В свою очередь, модель товарищеских отношений Гоголь заимствует у героев Гомера, особенно у Ахилла и Патрокла. Тень последнего является другу во сне, чтобы просить о достойном погребении, и вспоминает о генезисе их отношений: «В дом свой приняв благосклонно меня, твой отец благородный / Нежно с тобой воспитал и твоим товарищем назвал» (XXIII, 89-90. Разрядка моя. — Г.К.). Так, Николай Гнедич в своей «Илиаде» (1829) переводит слово *θεράπωντος*, буквально означающее «спутник», «помощник», «ученик», «слуга»: от Гомера до Ленина, следовательно, понятие проходит путь «спутник/слуга» — «соратник» (не без гомозеротических импликаций) — «политический сподвижник».

роль организатора» (Ленинский сборник, т. 3, 1927, с. 286). Позиция других искровцев становилась более критической лишь по мере кристаллизации большевистской и меньшевистской тенденций: в совершенно изменившемся контексте 1909 года тот же Потресов напишет, что «по мере того, как процесс формирования социал-демократической партии в данной исторической обстановке <1901-1902> принимал все более характер формирования революционно-интеллигентского аппарата для руководства движением рабочего класса», в русский марксизм «врывалась струя», отражающая и идеологически компенсирующая мелкобуржуазно-интеллигентское происхождение вождей партии:

И вот создается концепция, в которой на первое место выступает централизованная организация профессиональных революционеров, в качестве носительницы социалистического начала, а рабочее движение само по себе представляется идущим в направлении буржуазного развития <...>. Таким образом, как антитеза экономизму, в недрах революционного марксизма появляются первые очертания того видоизмененного бланкизма, который в 1903 году приводит к расколу и уже позже — в эпоху революции — развертывает свое общественно-политическое содержание (Потресов 1909: 617-618).

Одним словом, речь идет о возвращении к экстремистским кружкам семидесятых по образцу Бланки и Ткачева: не случайно в 1906 году Потресов строит свое «ликвидаторство»

(см. ниже) именно на основе критики ленинской концепции «кружковой» партии. Но по сути с его критикой были согласны и левые меньшевики:

Поскольку в этой вражде к организационному «демократизму» сказывалось подтверждавшееся опытом сознание невозможности в условиях подполья и конспиративной организации копировать строй европейских рабочих партий — к чему были склонны «экономисты», — эти преувеличения были и естественны, и сравнительно безвредны. Они становились опасными, поскольку абсолютная форма, в которой выставлял свои положения Ленин, давала основания делать соответствующие выводы для всякой подлинно революционной рабочей партии при всех исторических условиях (Мартов 2000: 66; ср.: Мартынов 1910: 337).

С ленинской же точки зрения, строительство партии «сверху вниз» не свидетельствует о ее антидемократическом характере: хранимое узким кругом «профессиональных революционеров» теоретическое сознание впитывает в себя требования спонтанного рабочего движения, очищает их от всего корпоративного, оппортунистического или экстремистского и осуществляет последовательный синтез практической политической программы, направляя борьбу. Наоборот, по мнению Ленина, именно приверженцы «спонтанной», построенной «снизу вверх» политической организации демонстрируют как свою «наклонность к психологии буржуазного

интеллигента, готового лишь платонически признавать организационные отношения», так и свою «податливость к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическим фразам»; в противоположность же «барскому анархизму», интеллигентской неспособности принимать партийную дисциплину, рабочий класс приучен фабричной жизнью к дисциплине и совместной борьбе: «[у него — Г.К.] нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации» (5: 259, 189, 379, 403).

Сколь бы дикой ни казалась другим марксистским теоретикам ленинская модель, она — как признал впоследствии сам Мартов — «явно шла навстречу настроениям наиболее активных организаторов и агитаторов партии, утомленных годами организационного топтания на месте и убожеством, как выражался Ленин, „кустарничества“, характеризовавшего работу комитетов и стеснявшего ее размах» (Мартов 2000: 67).

Второй конгресс РСДРП. Большевики и меньшевики

Уровень ли сознания и организации рабочего класса создает партию и определяет ее политику, или же это партия внушает рабочему классу сознание его всеобщей освободительной роли — вокруг этой дилеммы разразился настоящий диалектический турнир во время второго съезда РСДРП (Брюссель—Лондон, лето 1903 года). «В конце пути, на который „организационная утопия“ увлекает наше движе-

ние, — высмеивал Ленина Аксельрод, — светится, как блестящая точка, якобинский клуб, т.е. организация революционно-демократических элементов буржуазии, ведущая за собой, при посредстве *sociétés populaires*, то бишь, децентрализованных периферийных народных обществ, наиболее активные слои пролетариата» (цит. в: Потресов 1909: 628). Ленин же не остался в долгу и в выступлении «Шаг вперед, два шага назад» с гордостью признал свою преемственность с якобинством: «Ровно ничего, кроме оппортунизма, не выражают эти „страшные словечки“: якобинство и т.п. Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист» (8: 371).

В ходе съезда возникает еще одно кардинальное расхождение по поводу формулировки первого параграфа устава о членстве в партии: считать ли членом партии лишь тех, кто поддерживает партию «личным участием в одной из партийных организаций», или же всех оказывающих ей «регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». Первая формулировка, разумеется, поддерживалась Лениным; вторую — получившую большинство голосов — выдвинули сторонники более гибкой партии, открытой для широких секторов интеллигенции: интеллигентам (как и ра-

бочим постарше или с семьей) было бы трудно вести постоянную работу в рамках подпольной организации. С точки зрения Ленина, вторая формулировка была неприемлемой уступкой, вызванной мелкобуржуазным происхождением и идеологической шаткостью многих делегатов на конгрессе. На обвинения в желании строить партию «как огромную фабрику» Ленин возражал:

Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технического производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют *Edelanarchismus*, т.е. анархизм «благородного» господина, барский

анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики» (причем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу «формалистов») замечание, что можно бы и вовсе без устава (8: 379-380).

Вскоре Ленин взял реванш по другим статьям программы и вопросам в повестке конгресса, в том числе по поводу редакционного состава «Искры» и по членам центрального комитета партии: так и утвердилось разделение на «большевиков» и «меньшевиков», вокруг которых затем поляризовались известные течения русской социал-демократии. Разногласия между большевиками и меньшевиками изначально ограничивались партийной организацией, но быстро распространились на общестратегические вопросы и после 1905-1907 годов приняли вид четкого идеологического водораздела; однако не следует забывать, что социал-демократические круги на местах часто действовали согласованно и лишь постепенно проникались противоречиями, возникшими среди вождей в эмиграции. Только в августе 1917 года меньшевики — к

тому же весьма разьединенные — образуют партию РСДРП (обьединенную), в то время как последователи Ленина приняли название РСДРП (большевиков), а с марта 1918 года — Русская коммунистическая партия (большевиков).

Было бы упрощением считать меньшевиков (особенно на начальном этапе) приверженцами легального и реформистского социализма: ядро группы (Мартов, Дан, Аксельрод, Потресов, временами Плеханов и колебавшийся между двумя фракциями Троцкий) было образовано марксистами энгельсо-каутской формации, весьма бережно относившимися к букве марксистской доктрины и развитию Второго интернационала; все безоговорочно разделяли когда-то предложенную Плехановым идею двух отдельных фаз — буржуазно-демократической и социалистической — революционного процесса в России; социал-демократия — это политическое движение, в котором рабочий класс обретает самосознание и организацию, борется рядом с демократической буржуазией за свержение самодержавия и кует орудия, которые позволят продолжать революцию до социалистической фазы. Однако у меньшевистских лидеров не было единого мнения по поводу того, сколь широким должно быть сотрудничество с либерал-демократическим движением и как долго должна длиться «буржуазная» фаза революции; разногласия углубятся после 1907 года, с возникновением «ликвидаторского» крыла меньшевизма (см. ниже).

Первые два года после Второго конгресса были для боль-

шевиков, и особенно для Ленина, отнюдь не легкими: разрыв с Плехановым, который передает редакцию «Искры» меньшевикам; преобладание последних в ЦК партии, из которого Ленин был исключен в феврале 1905 года, и последовавшие за этим тяжкие бюджетные ограничения для большевиков; кампания по дискредитации Ленина, обвиненного в «бонапартизме» (Плеханов), в желании «ввести осадное положение в партии» (Мартов), в «якобинстве» и в склонности к «диктаторству» (Троцкий). Только в конце 1904 года большевистской фракции удалось основать свой печатный орган — «Вперед».

Крестьяне, рабочий класс, интеллигенция: анализ Виктора Чернова

Большевики и меньшевики даже не ставили вопрос о крестьянстве как потенциальном революционном субъекте. Во-первых, классовая борьба определяется собственностью на средства производства, а в подавляющем большинстве крестьяне (в отличие от фабричных рабочих) являются собственниками пускай убогих, но все-таки средств производства, что квалифицирует их как мелкую буржуазию; во-вторых, с точки зрения ортодоксальных марксистов, деревня — совокупность конфликтующих групп (кулаки, середняки, беднота, батраки и т.д.), которые постепенно переходят от архаических форм социальной организации к собственно капиталистическому

способу производства, с ядром из аграрных предпринимателей и массой сельских пролетариев; лишь по завершении процесса пролетаризации крестьян в деревне разразится классовая борьба современного типа.

С точки зрения Чернова, такой анализ никуда не годится. В 1905 году он считал краеугольным камнем политической тактики ПСР утверждение тождества городских рабочих и «трудящегося крестьянства», принадлежащих единому «рабочему классу». Во-первых, не владение средствами производства, но лишь отношения распределения являются определяющим фактором классовой борьбы: следуя Чернышевскому, Чернов считает разделение общества на классы «связанным функционально с делением общего национального дохода на такие основные виды, которые при данной величине национального дохода могут расширяться только один за счет другого» (Чернов 2010а: 229). Во-вторых, подавляющее большинство крестьян уже подвергается эксплуатации со стороны капитала и — не будучи «пролетариатом» в узком смысле — вполне разделяет участь фабричных рабочих. Доказательством тому служит у Чернова установленное самим Марксом различие между капиталистическим кредитом и ростовщичеством:

Когда один капиталист занимает у другого для целей капиталистического предприятия, то заемные деньги приносят ему беструдовой доход, и он только делится частью этого дохода с банкиром, ссу-

дившим ему деньги. В итоге сделки у заемщика-капиталиста чистый плюс, приращение находящейся в его распоряжении суммы; благодаря кредиту, он в последнем счете получил известную сумму богатств, представляющую известную стоимость, не отдавши за нее эквивалента. Когда же у заимодавца берет деньги некапиталистический производитель, то на заемный капитал он никакой капиталистической прибыли не получает, «делиться» с заимодавцем ему нечем; проценты по займу представляют собой прямой вычет, минус в его хозяйстве; благодаря кредиту, он в последнем счете отдает известную сумму стоимости, не взявши ни с кого соответственного эквивалента. Итак, заемщик-капиталист в итоге нечто получает не отдавши, заемщик же некапиталистический нечто отдает не взявши (Чернов 2010а: 234).

Различие это — не количественное, а качественное, определяющее существо социального соотношения участвующих лиц: «Между тем и другим лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им общественных укладов» (там же)²⁵. Такой же эксплуатации крестьянин подвергается в областях земельной аренды, обмена товаров, договора найма: обстоятельства русского сельского хозяйства таковы, что в этих областях крестьянин действует

---

25. Неточная цитата из третьего тома «Капитала». Ср.: «Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору» (Маркс, Энгельс 1955-1981, 25/2: 150).

не как мелкий предприниматель, но, наоборот, все больше испытывает на себе чужое влияние.

Словом, нет в современном обществе такого вида капитала, от эксплуатации которого не страдало бы трудовое крестьянство. И капитал, заключенный в поземельной собственности, и ссудный капитал, и торговый, купеческий капитал, и производительный капитал — создают целый ряд хозяйственных отношений, в результате которых неоплаченный труд крестьянина разными путями и бесчисленными ручейками сливается в один золотой поток, сливается, вместе с неоплаченным трудом пролетариата, в один общий национальный фонд прибавочной стоимости, который потом стекается по карманам буржуа, капиталистов и хозяев всех видов и рангов (2010а: 237).

Итак, с точки зрения перераспределения богатств внутри общественного организма, интересы «трудящегося крестьянства» тождественны интересам фабричного пролетариата, и следует их защищать одинаковыми способами: беспощадная борьба (вплоть до террора) против государственного аппарата и объединение всего «трудового народа» в массовую партию вокруг девиза «земля и воля», в котором соединены требование самоопределения народа и стремление к разнообразным формам социализации земли (периодический передел, национальный земельный фонд для неимущих крестьян, кооперация и т.д.), способным удовлетворить земельный голод деревенских масс и к тому же предотвратить их пролетаризацию.

В полном соответствии с традициями народничества, Чернов подчеркивает прогрессивную роль интеллигенции, охарактеризованной им как межклассовая социальная сила, «совокупность лиц, доразвившихся до способности подчинять общему критерию идеала все свое поведение» в интересах «социального развития» (2010а: 247). На Западе, где у развития капитализма были и прогрессивные стороны (борьба против феодализма и старого режима), интеллектуалы в большинстве своем идентифицировались как раз с буржуазно-капиталистической моделью; в Россию, наоборот, капитализм проник в форме спекулятивных зарубежных капиталов как чистое расхищение экономических и человеческих ресурсов, одобренное царским режимом; буржуазия начала развиваться в России, когда ее западный образец уже боролся с пролетариатом: поэтому она с самого начала отказалась от любых прогрессивных устремлений и сразу отождествила свои интересы с существующим строем. Итак, русская интеллигенция не могла считать ни капитализм, ни буржуазию прогрессивными факторами и с самого своего возникновения склонялась к радикально-демократическим и социалистическим идеологиям: «Вся тяжесть борьбы с царизмом, — гласит проект программы ПСР, написанный самим Черновым для Первого конгресса партии (декабрь 1905 года), — несмотря на наличие либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы „образованного общества“, падает на

пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию» (Ерофеев 1996: 276).

Чернов определяет образ революционера, каким он должен быть после революции 1905 года, ориентируясь в основном на радикальную интеллигенцию, на ее основные мифы, на ее психологию, пронизанную активизмом и этическим максимализмом; если в социологическом анализе лидер эсеров часто и сочувственно (хотя и весьма неортодоксально) апеллирует к марксизму, то в плане конкретного политического действия и настроений, которые должны его поддерживать, противоречия с марксизмом обостряются:

<...> ни ортодоксальный марксизм с его недоверием ко всяким субъективным «идеалам» и «идеологии», ни марксизм «критический» с его принижением идеала перед ближайшей, повседневной политической работой, не могут удовлетворить русского революционера с его потребностью в живом синтезе революционного идеализма и трезвой оценки действительности. Отсюда и тяготение русских революционеров к социологическому субъективизму, к динамической социологии — к социологии, которая была бы прежде всего социологией революционного действия (Чернов 1906b: 10).

Во время первой русской революции эта «социология революционного действия» была основана на учении и примере «великих покойников Герцена, Лаврова, Михайловского» и пользовалась безусловным успехом как среди радикальной

интеллигенции (ничуть не склонной подчиняться четкой марксистской логике свой бунтарский задор), так и среди отсталых масс русской провинции, для которых освоение экономических схем «Капитала» было занятием заведомо непосильным. Об этом свидетельствовал сам Чернов на конгрессе 1905 года: «Не приходилось ли вам, товарищи, наблюдать, что в тех самых местах, где <...> социал-демократы натывались на глухую стену черносотенного настроения, появлялись наши товарищи с нашими лозунгами, и тогда совершались целые превращения? От нас впервые вчерашние черносотенцы слышали магический клич „Земля и Воля“, и сердца их, наглухо закрытые для теории пролетаризации <...>, раскрывались для восприятия этого клича» (там же: 243). Вызов, брошенный социал-демократам, не мог бы быть яснее: двигателем русской революции должны быть «трудящийся народ» и радикальная интеллигенция, а не малочисленный и изолированный «рабочий класс»; борьба же ведется во имя демократического самоуправления, через которое «народ» мог бы строить «социализм» постепенно, путем реформ, а не посредством «диктатуры пролетариата» и экспроприации орудий производства.

Первая революция: две противоположные тактики социал-демократии

Обе части социал-демократического движения бурно развивались после взрыва революции 1905 года, к которой

РСДРП была совершенно не подготовлена, и не только с точки зрения организации. Весьма несхожими были и представления о том, каким именно образом должна разворачиваться революция. Меньшевистские идеи были изложены в брошюре А.С. Мартынова «Две диктатуры» (1905), где ленинская идея «диктатуры пролетариата» сравнивалась с бредом Поприщина из гоголевских «Записок сумасшедшего»; она-де лишь проявление слабости и изолированности рабочего движения. Техника яковинского переворота не имеет ничего общего с марксистскими теорией и практикой:

Само собой разумеется, что мы обязаны готовиться к народному восстанию. Но международная социал-демократия, на основании исторического опыта и научного анализа динамики общественных сил, всегда признавала, что только дворцовые перевороты и про-нунциаменто (военные перевороты) могут быть заранее *назначены* и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т.е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее *назначена*, что она не изготовляется искусственно <...>. С точки зрения социал-демократии содействовать развитию классового сознания пролетариата и его классовой борьбы во всем ее объеме значит *тем самым* скорее всего приблизить момент народной революции, значит *тем самым* лучше всего подготовиться к ее использованию (Мартынов 1905: 9-10).

Если для меньшевиков «техническая подготовка демонстраций и восстаний» играет второстепенную роль, для большевиков дело обстоит как раз наоборот. Значит, ленинское бунтарство чуждо рабочему движению и гораздо ближе идее «революции» у мелкобуржуазных движений эсеровского типа. Даже в случае, если ленинская тактика восстания будет иметь успех, результатом будет установление антинародной диктатуры:

Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии. Представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров, удалось «подготовить, *назначить* и провести всенародное вооруженное восстание». Не очевидно ли, что всенародная воля *назначила бы* сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть оказанного ему раньше народом доверия, вынуждена была бы, обязана была бы взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции? (Мартынов 1905: 10, 11)

Когда же революционное движение требует диктатуры как необходимой меры, а не как безответственной авантюры? Когда она служит установлению гегемонии того класса, который в данный момент объединяет вокруг себя большую часть общества в общем процессе национального обновления. Та-

кова была диктатура Конвента 1792-1794 годов, на рассвете буржуазной гегемонии, таковой будет диктатура пролетариата на закате этой гегемонии; но теперешняя русская революция буржуазна, и в ней пролетариат будет играть второстепенную роль, усиливать ее демократические аспекты, не пытаясь придать ей социалистическое направление:

Очевидно, борьба между пролетариатом и буржуазией накануне буржуазной революции должна в некоторых отношениях отличаться от этой же борьбы в ее заключительной стадии, накануне социалистической революции. Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что *пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии*, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» *согласиться* довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед, с народом <...>. Пролетариат будет оказывать свою моральную поддержку хотя бы самым умеренным либералам, пока и поскольку они находятся в оппозиции, он восстанет и восстановит против них более радикальные элементы буржуазного общества, как только они обнаружат примирительные поползновения; таким образом, он *в конце концов* своей последовательной тактикой сгруппирует вокруг своих политических лозунгов и революционно настроенные народные массы и крайние элементы сознательной буржуазии. Только таким образом

крайняя оппозиционная тактика пролетариата будет последовательно двигать революцию вперед и ни при каких условиях не сыграет на руку реакции, как это часто случается с бунтарской анархистской тактикой (Мартынов 1905: 58, 59).

Ленин, разумеется, выступил резко против Мартынова в брошюре «Две тактики социал-демократии в социалистической революции» (июль 1905 года). Назвав работу меньшевистского теоретика «образцово-хвостистским произведением» (под «хвостизмом» подразумевается тенденция пассивно следовать за событиями и политическими движениями, преследующими интересы чужого социального блока), Ленин отвергает идею, что революция может быть совершена крупной буржуазией и ее политическими представителями (Струве и его журнал «Освобождение», т.е. ядро будущей Конституционно-демократической партии) под стрекалом социал-демократии: крупная буржуазия и ее представители не намерены доводить буржуазную революцию до предела (республика, учредительное собрание, земельное перераспределение), но застрянут на полпути, договорившись с царским режимом ради соблюдения своих интересов. Но «буржуазная революция» «буржуазной революции» рознь и зависит от классового блока, ее осуществляющего: иной раз она останавливается на конституционной монархии при сохранении большинства цензовых и сословных привилегий; иной раз она доходит до республики, народной милиции и аграрной реформы. Итак,

марксисты «не должны позволять себе обольщаться словами: „революция“ или „великая русская революция“, но должны искать себе союзника, готового идти до конца; они

<...> должны дать себе точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят «царизму» (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать «решительную победу» над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, «общество», идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они не способны, по своему классовому положению, на решительную борьбу с царизмом: слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы идти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм с его полицейски-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма. Нет, силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только *народ*, то есть пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим (11: 43-44).

Итак, напрасно меньшевики принимают крупную буржуазию за революционного союзника: настоящий союзник — это крестьянское сословие, т.е. общественный слой, соответствующий в России *мелкой буржуазии*; революционный девиз должен гласить: *«революционно-демократическая*

диктатура пролетариата и крестьянства» (11: 44). Только союз между пролетариатом и крестьянством позволит буржуазной революции дойти до крайнего предела: до победы, увенчанной — вопреки мнению Мартынова —

<...> именно диктатурой, т.е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальный», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня, наконец, *last but not least* — перенести революционный пожар в Европу. Такая победа несколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических

отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции (11: 44).

Здесь снова проглядывает «концентрическая» концепция революционного движения. В российских обстоятельствах «буржуазная» революция, доведенная до конца пролетариатом и крестьянством, будет особенно радикальной: «Закон механики гласит, что действие равно противодействию. В истории разрушительная сила революции тоже в немалой степени зависит от того, насколько сильно и продолжительно было подавление стремления к свободе, насколько глубоко противоречие между допотопной „надстройкой“ и живыми силами современной эпохи» (11: 45, 46). Эта революция, с одной стороны, вызовет цепную реакцию по всей Европе: «Международная политическая ситуация складывается во многих отношениях как нельзя более выгодно для русской революции. Восстание рабочих и крестьян уже началось, оно раздроблено, стихийно, слабо, но оно неоспоримо и безусловно доказывает наличие сил, способных на решительную борьбу и идущих к решительной победе» (11: 46); с другой стороны, она сформирует общество, насквозь пронизанное новыми напряжениями и противоречиями, которые в скором времени разразятся новой — уже социалистической — революцией:

За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой за социализм. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Развитие капитализма, еще более широкое и быстрое при свободе, неизбежно положит скорый конец единству воли, — тем более скорый, чем скорее будет раздавлена контрреволюция и реакция. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различия их, а разве

можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще многого и многого доделать в смысле демократизма? (11: 73-74)

Кроме вопросов о тактике, революционный взрыв ставит перед двумя крыльями социал-демократии множество конкретных и требующих срочного решения проблем. Например, русские марксисты всегда отказывали в потенциальной революционности крестьянскому сословию, которое теперь осуществляло широкомасштабные бунты и тем самым делало возможным восстание и в городах; расстройство, в которое крестьянский активизм привел марксистов, было преодолено весной 1905 года — главным образом благодаря энергичной «ревизионистской кампании», проведенной Лениным: «Крестьянство включает в себя массу полупролетарских элементов наряду с мелкобуржуазными», — утверждает он в работе «Две тактики социал-демократии в социалистической революции».

Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии по-

мещицкой земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелкобуржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции. Крестьянство неизбежно станет таковым, если только просвещающий его ход революционных событий не оборвется слишком рано предательством буржуазии и поражением пролетариата. Крестьянство неизбежно станет, при указанном условии, оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству все в области земельных реформ, все то, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему (не для уничтожения капитализма, как воображают «социалисты-революционеры», а) для того, чтобы подняться из тины полукрепостничества, из мрака забитости и холопства, чтобы улучшить свои условия жизни настолько, насколько это только допустимо в пределах товарного хозяйства (11: 87-88).

Итак, крестьяне как были, так и останутся пестрым социальным объединением, типологически схожим с западноевропейской буржуазией, часть его постепенно пролетаризируется; но особенный характер эксплуатации, которой крестьяне подвергаются в России, толкает их к поддержке демократической программы. Разумеется, анализ революционной роли крестьянства на данном этапе, предложенный Лениным, ни в малейшей степени не сближает ленинизм с теоретическими положениями неонародничества и в особенности с социоло-

гическим анализом Чернова, растворяющего понятие классовой борьбы в неопределенной идее «труда», в котором отождествляются крестьяне и городской пролетариат: по мнению Ленина, крестьянство не является ни аморфной, инертной и потенциально реакционной массой (как полагали меньшевики), ни источником социальных чудес (каким его видели эсеры), но представляет собой ценнейшего «попутчика» пролетариата в деле продолжения революции за те пределы, на которых непременно остановилась бы буржуазия. А если все пойдет по плану, заключает Ленин, тактический союз может превратиться в стратегический.

В течение 1905 года тактические расхождения приводят к все большей организационной автономности двух фракций РСДРП. В апреле большевики устроили в Лондоне мероприятие, которое назвали «Третьим конгрессом» РСДРП, но без участия меньшевиков, которые считали его решения недействительными: «Съезд — это майоризация, подавление, — так Ф. Дан обосновывает необходимость его бойкота. — Может ли объединение состояться путем подавления?» (цит. по: Тумаринсон 1994: 147). Съезд, разумеется, подтвердил ленинский анализ текущей ситуации: необходимость перехода от буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому под руководством пролетариата и при поддержке крестьянских масс, требования которых следует поддерживать; подготовленное волной забастовок вооруженное восстание, устанавливающее «революционно-демо-

кратическую диктатуру рабочих и крестьян» — разумеется, без участия либеральной буржуазии. Эта позиция была выражена алгебраической формулой: «Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (11: 90).

Тем не менее во время революции единство РСДРП не было окончательно разрушено: меньшевики стремительно левели, а большевики, учитывая более свободные условия работы, пытались демократизировать партийную жизнь. Важным предметом дискуссий стали новорожденные Советы рабочих, на которые большевики смотрели поначалу несколько подозрительно, как на аморфные и неуправляемые организации. После подавления горячо поддержанного большевиками московского восстания (декабрь 1905 года) инициатива снова перешла к меньшевикам, которые победили на Четвертом съезде в Стокгольме (апрель 1906 года); возникла и укрепилась типично меньшевистская идея, согласно которой чересчур резкий прошлогодний революционный порыв отпугнул пока еще слабую и нерешительную либеральную буржуазию, что и обрекло революцию на неудачу. Съезд состоялся одновременно с открытием первой Государственной думы, которую большевики бойкотировали.

Как известно, первая Дума была незаконно закрыта правительством уже 3 июля 1906 года, а вторая — 3 июня 1907 года. Парадоксальным казалось решение Ленина участвовать в последующих созывах, где гарантий реального демократического представительства было еще меньше, чем в первых двух. А большевистский вождь не устал объяснять, что во время очевидного спада революционного напряжения, ослабления партии в России и затрудненности связей с руководством в эмиграции участие в Думе — единственный способ распространения партийной линии. Это и есть типичное проявление ленинского способа действия: непоколебимость конечных целей, единство теоретических положений и стратегических установок в организации партии, но крайняя гибкость в приспособлении отдельных тактических ходов к конкретным соотношениям сил. Как мы увидим далее, в годы лихолетья между двумя революциями часть большевистского руководства придерживалась методов и анализов, весьма непохожих на ленинские.

Троцкий и «перманентная революция»

В стороне оставался Троцкий, непримиримый хулиган ленинского «якобинства» (см. его брошюру «Наши политические задачи», 1904), в то же время не поддерживавший меньшевистскую политику «широкого согласия» с буржуазией и отнюдь не желавший оставить за большевиками флаг рево-

люционного радикализма: бойкий председатель Петроградского совета в 1905 году, вскоре арестованный и затем оказавшийся в эмиграции, в брошюре «Итоги и перспективы» (1906) Троцкий впервые очерчивает концепцию «перманентной революции», проводимой международным пролетариатом без сколь-нибудь значительного вклада иных классов или групп.

Несмотря на то, что теория перманентной революции крепко связана с именем Троцкого, положенный в ее основу социологический анализ принадлежит его тогдашнему сподвижнику — Александру Парвусу (Израиль Лазаревич Гельфанд, 1867-1924; см.: *Zeman, Scharlau* 1965), сформулировавшему ее во вступительной заметке к брошюре Троцкого (Женева, 1905). Анализ Парвуса касается социальной сущности русской буржуазии, якобы отличающейся от буржуазии западной:

Политический радикализм в Западной Европе, как известно, опирался преимущественно на мелкую буржуазию. Это были ремесленники и вообще вся та часть буржуазии, которая была подхвачена индустриальным развитием, но в то же время оттерта классом капиталистов. Не надо забывать, что ремесленники в Западной Европе создали города, что города при их политическом господстве достигли значительного расцвета, что мастера наложили свою печать на несколько столетий европейской культуры. Правда, ко времени введения парламентарного режима могущество мастеров давно было стерто, но политическое значение имел уже самый факт существова-

ния многочисленных городов и численное господство в них среднего сословия, оспариваемое лишь развивающимся пролетариатом. По мере того как эти общественные силы растворялись в классовых противоречиях капитализма, перед демократическими партиями вставала задача: либо пристать к рабочим и стать социалистическими, либо пристать к капиталистической буржуазии и стать реакционными. В России, в докапиталистический период, города развивались более по китайскому, чем по европейскому образу. Это были административные центры, носившие чисто чиновничий характер, без малейшего политического значения, а в экономическом отношении — торговые базары для окружающей их помещичьей и крестьянской среды. Развитие их было еще очень незначительно, когда оно было приостановлено капиталистическим процессом, который стал создавать большие города на свой образец, т.е. фабричные города и центры мировой торговли. В результате получилось то, что в России есть капиталистическая буржуазия, но нет буржуазии промежуточной, из которой возродилась и на которой держалась политическая демократия Западной Европы. Средние слои современной капиталистической буржуазии в России, как во всей Европе, состоят из так называемых либеральных профессий: врачей, адвокатов, литераторов etc. и из общественных слоев, стоящих вне производственных отношений, а затем из технического и торгового персонала капиталистической индустрии и коммерции и примыкающих к ним отраслей промышленности, вроде страховых банков и т.п. Эти разношерстные элементы не могут иметь своей классовой программы, в силу чего их политические симпатии и антипатии беспрерывно ко-

леблются между революционностью пролетариата и капиталистическим консерватизмом. В России к ним еще нужно прибавить элемент разночинцев — классовые и сословные отбросы дореформенной России, которых еще не успел проглотить капиталистический процесс развития.

На этом городском населении, не прошедшем исторической школы средних веков Западной Европы, без экономической связи, без традиций в прошлом и без идеала в будущем, приходится основывать политический радикализм в России (Парвус 1905: V-VI).

«Итоги и перспективы» (воистину краеугольный текст и по меткости социологического анализа, и по тем слабым сторонам, которые неизменно будут характеризовать троцкистский образ политического действия) тоже открываются ретроспективой эволюционной динамики русского государства: экономически отсталое по сравнению с сопредельными державами, московское государство должно было самостоятельно и быстро запустить процессы модернизации, которые на Западе развертывались в течение веков; упорное и безжалостное налоговое перекачивание экономических ресурсов к военно-бюрократическому аппарату обрекало среднее производительное сословие на вечный рахитизм. Русская буржуазия по сравнению с западноевропейской поздно достигла уровня организации, позволяющего выдвигать политические требования: «К тому времени, когда развивавшееся буржуазное общество почувствовало потребность в политических

учреждениях Запада, самодержавие оказалось вооруженным всем материальным могуществом европейских государств. Оно опиралось на централизованно-бюрократический аппарат, который был совершенно не годен для регулирования новых отношений, но способен был развить большую энергию в деле систематических репрессий» (Троцкий 1919: 17).

В конце XIX века, во время, как сказали бы сегодня, все большей экономической глобализации, русское государство получило доступ к европейским финансовым ресурсам и раздулось от капиталов, как жаба из басни:

Эксплуатируя при помощи своего фискально-военного аппарата до крайней степени страну, правительство довело свой годовой бюджет до колоссальной цифры в 2 миллиарда рублей. Опираясь на свою армию и на свой бюджет, самодержавное правительство сделало европейскую биржу своим казначейством, а русского плательщика — безнадежным данником европейской биржи.

Таким образом, в 80-е и 90-е гг. русское правительство стояло перед лицом мира как колоссальная военно-бюрократическая и фискально-биржевая организация несокрушимой силы (Троцкий 1919: 17-18).

Перед таким левиафаном и европейский, и отечественный либерализм исключали любую возможность революции в России; но именно противоречие между развивающимися социальными силами и государством со средневековыми устоями, превратившимся в авторитарного представителя

наднациональных финансов, диктовало объективную потребность в революционном исходе: «Единственный выход из этого противоречия <...> состоял в том, чтобы в железном котле абсолютизма накопить достаточно революционных паров, которые могли бы разнести котел» (Троцкий 1919: 18); роль главного катализатора революционных сил играет развитие городов: в России они никогда не были выражением городской буржуазии, но лишь военно-бюрократическим надростом на теле аграрного мира. Ускоренное промышленное развитие последних десятилетий превратило города в место скопления новорожденных пролетарских масс: «Ядром населения в современном городе <...> является резко дифференцировавшийся класс наемного труда. Именно этому классу, еще в сущности неизвестному Великой Французской Революции, суждено в нашей сыграть решающую роль» (Троцкий 1919: 22). В русской городской социальной ткани пролетарской составляющей недостает «буржуазного» противовеса, и по вышеназванным историческим причинам, и по причине «импортированного» — т.е. глобализованного — характера капиталов, которые привели к сосредоточению промышленности; русский капитализм развивается не благодаря национальной буржуазии, но из-за порабощения страны международным финансовым капиталом:

Европейская финансовая буржуазия, политическое влияние которой в парламентарных странах непрерывно растет в течение

последних десятилетий, отодвигая назад влияние торгово-промышленных капиталистов, правда превратило царское правительство в своего вассала; но она не могла стать, не хотела стать и не стала составной частью буржуазной оппозиции внутри России <...>. Европейская биржа была даже прямо и непосредственно заинтересована в сохранении абсолютизма: никакое другое национальное правительство не могло ей обеспечить таких ростовщических процентов. Но государственные займы не были единственным путем иммиграции европейских капиталов в Россию. Те же самые деньги, впитавшие в себя добрую долю русского государственного бюджета, возвращались на территорию России как торгово-промышленный капитал, привлекаемый его нетронутыми естественными богатствами и, главным образом, неорганизованной и непривыкшей к сопротивлению рабочей силой <...>. Таким образом, капитал, оставаясь по-прежнему в значительной своей части европейским, реализуя свою политическую мощь во французском или бельгийском парламенте, мобилизовал на русской почве национальный рабочий класс.

Покоряя экономически отсталую страну, европейский капитал перебрасывал главные отрасли ее производства и сообщения через целый ряд промежуточных технических и экономических ступеней, которые ему пришлось пройти у себя на родине. Но чем меньше препятствий он встречал на пути своего экономического господства, тем ничтожнее оказалась его политическая роль (Троцкий 1919: 23-24).

Особые российские условия развития придадут будущей революции черты, непохожие на Французскую революцию

1789-1793 годов: там речь шла об общем антифеодальном и антиабсолютистском восстании под руководством класса — буржуазии, — управляющего всем обществом; русская революция будет восстанием одного класса — пролетариата, борющегося за свое освобождение от экономической эксплуатации (гибридным вариантом обеих схем была, по Троцкому, парижская революция 1848 года, которая поэтому и была обречена на неудачу).

Грядущая русская революция будет иметь сугубо классовый характер, и у других социальных групп (крестьяне, интеллигенция) диктатура пролетариата найдет в лучшем случае лишь временную и условную поддержку: «Мелкобуржуазный характер и политическая примитивность крестьянства, деревенская ограниченность кругозора, оторванность от мировых политических связей представят страшное затруднение для упрочения революционной политики пролетариата у власти». Осуществив земельный передел с поддержкой пролетариата-диктатора, крестьянство неизбежно столкнется с этим последним по двум вопросам, основополагающим для идеологии рабочего класса, но совершенно чуждым крестьянской ментальности: «коллективизм и интернационализм» (Троцкий 1919: 46).

Как только власть будет взята, сама логика классовой борьбы заставит пролетариат упразднить различия между программой максимум и программой минимум. Любая проведенная реформа спровоцирует реакцию враждебных клас-

совых сил: например, введение восьмичасового рабочего дня немедленно приведет к закрытию фабрик промышленниками и к массовой безработице; пролетарское же правительство будет вынуждено прибегнуть к «экспроприации» закрытых фабрик и заводов и организации на них работ за общественный счет» (Троцкий 1919: 47). Схожим образом проведенная пролетарским правительством аграрная реформа неизбежно будет иметь коллективистский характер, хочет ли этого или нет большинство сельских жителей: «Раз партия пролетариата возьмет власть, она будет бороться за нее до конца. Если одним средством этой борьбы за сохранение и упрочение власти будет агитация и организация, особенно в деревне, то другим средством будет коллективистическая политика. Коллективизм станет не только неизбежным выводом из положения партии у власти, но и средством сохранить это положение, опираясь на пролетариат». В этом и заключается ядро «непрерывной революции, связывающей ликвидацию абсолютизма и гражданского крепостничества с социалистическим переворотом рядом нарастающих социальных столкновений, восстаний новых слоев массы, непрекращающихся атак пролетариата на <...> господствующие классы» (Троцкий 1919: 49-50).

Эта «непрерывная» — или «перманентная» — революция будет непременно воспроизводиться в мировом масштабе, поскольку пролетарская и коллективистская Россия вызовет агрессию со стороны правящих классов и симпатию пролета-

риата Западной Европы. Либо русская революция послужит детонатором для цепи европейских революций, либо она будет быстро раздавлена: «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру <...>. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру» (Троцкий 1919: 71).

Нельзя согласиться с биографом Троцкого, по мнению которого «концепция перманентной революции не являлась серьезным научным открытием или вкладом в марксистскую теорию», но лишь «политической концепцией, призванной объяснить феномены первой, а затем второй российской революции» (Чернявский 2010: 102). Выработанный в начале длительного периода политического спада комплекс теорий, связанный с идеей «перманентной революции», имел то преимущество, что изменчивая политическая диалектика основывалась в нем на общем историческом истолковании социополитического развития России: Троцкий связывал неизбежную пролетарскую гегемонию в будущей революции с объективными историческими причинами, что позволяло ему дистанцироваться и от меньшевистских позиций (меха-

ническое заимствование из марксистской ортодоксии идеи о необходимости буржуазного руководства над революцией), и от большевистского «якобинства» (необходимость «подстрекать» пассивный по своей природе пролетариат). Однако аргументация Троцкого сохраняла (притом в утрированном виде) некоторые черты меньшевизма: недоверие к потенциальной революционности крестьянства и почти полное равнодушие к конкретным организационным (партийным) формам, через которые рабочее движение сможет осуществлять свое революционное действие. Эти черты скажутся и на послеоктябрьской теоретической и политической деятельности Троцкого.

У исторического анализа, на котором основана концепция перманентной революции, есть и иной «побочный продукт»: оригинальная и убедительная теория возникновения и развития русской интеллигенции. В статье «Об интеллигенции» (1912) Троцкий показывает убогий социальный фон (бюрократический деспотизм, сословное деление, крепостное право, экономическая отсталость), на котором возникла русская интеллигенция, как бы «с того берега», как готовый продукт чужой идейной эволюции»: отсюда чувство глубокой чуждости своему национальному контексту, «высокомерие», которое «было только оборотной стороной их социальной слабости» (Троцкий 1991: 264); отсюда этическая и идеалистическая напряженность при отсутствии конкретного социального задания и склонность заменять конкретные иде-

ологические ориентиры неопределенными нравственными призывами. Отсюда, наконец, традиционное «заместительство» русской интеллигенции по отношению к классам с еще слабо развитым социальным самосознанием: декабристы пытались заместить либеральную буржуазию, народники — крестьянство и т.д. Возникновение культурного рынка современного типа и образование массовых партий лишают интеллигенцию такой заместительной роли: чем маргинальнее становится традиционная интеллигенция, тем чаще она ищет прибежище в гордом одиночестве и пышно развивающихся компенсаторных мифологиях русского модернизма, от декадентства к религиозному возрождению, от неославянофильства к веховству и т.д.

Потресов: против «кружковщины», за массовую легальную партию

В годы послереволюционного спада центристские группы русской социал-демократии были лишены определенного направления; зато на правом крыле партии Потресов переосмысляет пройденный путь и извлекает из него весьма радикальные выводы. Его основные выступления — «О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии» (1906), посвященное эволюции партии в предыдущие годы, и «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху» [Потресов 1909. Также в: Потресов 2002

(неполный вариант); Аксельрод, Мартов, Потресов 2010 (неполный вариант)], заключительная глава меньшевистской бхагавадгиты «Общественное движение в России в начале XX века» (см. ниже). Учитывая более ретроспективный характер второго выступления, именно с него и следует начать.

Потресов считает началом только что закрывшейся политической фазы неурожай 1891 года, который «освободил оппозиционное русское общество от гипноза хронического бессилия и подавленности» (Потресов 1909: 539); первая проявившаяся форма оппозиции — земский либерализм, в девяностые годы активно защищавший права крестьян, религиозных и этнических меньшинств и т.д., но политически инертный: он был всего лишь «всеобщим юрисконсультom эпохи, для которой, в его оборонительной позиции, *юридическая* аргументация, толкующая *существующее* право, должна была брать перевес над *политической*, говорящей о завоевании *нового* права» (Потресов 1909: 542). С помощью «общественного мнения» либералы девяностых годов требовали не конституции, но только реформы существующего строя и неукоснительного выполнения законов: в этом и проявилась

<...> наиболее характерная черта и для того общественного строя, который представлял либерализм, и для всего того времени. Передовая часть земцев, как и родственные ей группы городской интеллигенции не чувствовали за собой не только народных масс, но и движения или даже просто действенного сочувствия класса,

с которым они были непосредственно связаны. Они были культурным авангардом бездеятельной и аморфной среды, в которой разве только протекционная система правительства создавала настроение фронды.

Потому-то у идеологов нашего либерализма в такой причудливо-резкой форме и сочетались некоторый интеллигентский размах в принципиально-абстрактных вопросах и чрезвычайная, сугубая скромность, когда речь заходила о вопросах практических (Потресов 1909: 546).

С другой стороны, наследники народничества 1870-х переживали в 1890-е годы серьезный кризис: «Старый социализм полагал свои надежды на народ, на его артельно-общинное творчество, на его социально-революционную природу. Его „практическая политика“ поэтому сводилась к элементарной формуле — утонуть в стихии народа, которой достаточно сравнительно небольшого толчка, чтобы разразиться спасительной бурей — революцией, производящей коренную переделку всего общественного строя России». Но иссякавшая уже в 1870-е вера в «народ» отнюдь не воскресла в 1890-е: наоборот, пассивность и покорный фатализм, с которым крестьяне вымирали от голода целыми деревнями, заставил самых убежденных народников переменить свое отношение к «народу», который «как действующее лицо героической драмы сменился в умах интеллигенции народом — объектом усиленных забот, экономических мероприятий, наро-

долюбивого прожектерства» (Потресов 1909: 548). И здесь утопии предыдущего поколения сменились вялым реформизмом.

Это причина, по которой, во-первых, для народнической интеллигенции приобрела исключительную важность теория о невозможности капиталистического развития в России: «Раз, в самом деле, социальное преобразование страны на началах народного производства отходило на неопределенную даль, то тем самым приобретала огромную успокоительную ценность для всей интеллигенции, идеологически связавшей свои судьбы с крестьянством, та социологическая концепция, которая как бы бронировала кустарно-земледельческую Россию от сокрушающих ударов капитала» (Потресов 1909: 548). Во-вторых, отсутствие реальных политических перспектив подтолкнуло неонародников к созданию успокоительных фетишей и к идеализации роли интеллигенции, гражданского общества и даже политической власти. Разумеется, «идеализировать реальную власть, в ее текущих и общих проявлениях, не представлялось никакой возможности, но зато тем важнее было позволить себе идеализацию прошлого, напр., акта освобождения крестьян, — и в этом прошлом как бы символизировалось будущее» (Потресов 1909: 549).

Итак, либерализм и народничество сходятся в расплывчатой идее политической свободы, достигнутой интеллигенцией путем собирания вокруг себя всех других элементов общества:

Так, в миросозерцании народничества 1890-х годов понятие интеллигенции расплывалось в понятии общества, общество конкретизировалось в земстве, земство комбинировалось с властью, и в результате получался неопределенный конгломерат представлений, дававший в совокупности то, что можно бы назвать народническим фактором прогресса — прогресса в сфере «экономики» на первых порах. Но совершенно очевидно, что этот же конгломерат должен был стать и основой для формулы прогресса в политике (Потресов 1909: 551).

Из этого порочного круга между самовосхвалением интеллигенции и ее реальной изоляцией можно было выйти лишь с помощью внешней точки опоры: начавшегося капиталистического развития и попытки его концептуализации. Как только эти попытки начались,

<...> дружелюбно-соседские отношения направлений предыдущего периода растаяли, как дым. Их заменила ожесточенная борьба двух укладов, двух сфер притяжения: с одной стороны — цикл идей, вращавшихся вокруг кустарно-земледельческого строя деревни, как центральной оси, и с другой — идеология города по преимуществу, — или точнее, идеология тех из его элементов, которые, в той или иной форме, ощутили свою связь с идущим вперед промышленным развитием России. Это были элементы двоякого рода: те буржуазно-демократические элементы, во-первых, в представлении которых капиталистическое развитие России довлело себе, как нечто самоценное,

являясь в то же время эмблемой ее политического освобождения, и, во-вторых, те социалистические элементы революционно-настроенной интеллигенции, которые сплетали судьбу свою с судьбою пролетариата (Потресов 1909: 556).

В «протомарксистском» бульоне смешиваются весьма несходные составные части (поборники капиталистического развития и социалистическая интеллигенция), соединенные лишь решительным отказом от идеи, что России присущая модель развития, чем Западной Европе; под влиянием Плеханова образовывается ядро РСДРП, а затем Струве и другие представители первой группы (идеологи капиталистического развития, которые в марксизме принимали лишь утверждение неизбежности перехода к новому, более совершенному способу производства) все сильнее сближаются с либералами, в то время как представители второй категории (солидарная с пролетариатом социалистическая интеллигенция) основывают «Искру», чтобы потом — на втором съезде РСДРП — склониться к патернализму и управленчеству по отношению к рабочему классу.

Итак, узловым фактором для понимания тупика, в котором оказались оба крыла РСДРП в 1905 году, является характер и идеология русской интеллигенции, и она же доминировала в русской социал-демократии — вопреки самой что ни на есть пролетарской фразеологии. Уже в 1900 году Потресов подвергся резкой критике за утверждение: «Марк-

сизм в России до сих пор был общественным течением в определенной части русской интеллигенции, таким же ее кровным детищем, как и знаменитое движение 1870-х годов» (Потресов 1906а: 151). Марксисту очевидно, что «слой или класс, воспринявший учение, которое сформировалось вне сферы его влияния, непременно преобразует его по своему образу и подобию» (там же: 160). Итак, в «ликвидаторской» статье «О кружковом марксизме...», сфокусированной на текущей политической ситуации, Потресов исходит из того, что «недуг», который «разъедает русскую социал-демократию», — это не «инородное тело», изгнав которое организм «был бы здоров» (Потресов 1906б: 253), но врожденное свойство русской социал-демократии; начало вырождения русской социал-демократии совпало, по мнению Потресова, с возникновением «Искры».

Когда «Искра» еще только зачиналась, была брошена в оборот сакраментальная формула: необходимо размежеваться, прежде чем соединяться. И с того дня и до настоящего времени социал-демократия занимается — в поте лица своего — размежеванием. Пять целых лет! И до сих пор не видно конца краю этому ее упражнению. Она готова размежевываться до пульверизации и все не может подойти к обещанному формулой вождьеленному моменту соединения. Она размежевывается! — так больной, который бредит, готов сбросить с себя все и остаться в чем мать родила, и разбить себе голову о стену, потому что внутренняя боль его тела, порождения его больной

головы, проектируются им на экране сознания, как вещи в себе, как самостоятельные причины его бед (Потресов 1906б: 255).

Чтобы распознать недуг и по мере возможности излечить его, необходимо «себе уяснить, что представляет собою социал-демократия, какова та среда, тот общественный комплекс, который у нас, в России, впитывает в себя, преломляет в призме своей психологии, интерпретирует, комментирует, перерабатывает согласно своему „естеству“ в политические лозунги, в тактические директивы, в организационные „планы“ — великое учение международного пролетариата» (Потресов 1906б: 255-256). Здесь Потресов еще раз приводит автоцитату — «неприятный тезис» об интеллигентском, непролетарском характере русского марксистского движения, рожденного не в борьбе масс, а в закрытом мире «кружков». Радикально-интеллигентский (и, по своему социальному происхождению, мелкобуржуазный) кружок —

это цельный в своем роде организм, довлеющий себе, живущий в особом мирке усвоенных идей и собственных доморощенных настроений, состоящий из людей, либо в жизнь еще не вошедших <...>, либо уже отгороженных, отщепленных от жизни условиями полицейского государства. И в том и в другом случае это один из островков в безбрежном пространстве политически-аморфного общества, в котором даже самые значительные изменения совершаются где-то в глубине, под спудом наружного безразличия. (Потресов 1906б: 260).

Как и во времена народнических кружков 1870-х и 1880-х годов, марксисты-кружковцы 1890-х годов искали в новом учении не инструмент для анализа конкретных явлений, а «рецепт на все случаи жизни» (там же), и после основания РСДРП эта тенденция в 1902 году воспроизводится уже на уровне партийной организации: «Можно было уже *a priori* сказать, что из столкновения интеллигентски-кружкового начала с марксизмом получится своеобразная комбинация, в которой кружковое начало, так сказать, рационализируя Маркса, постарается занять более пространное место» (там же: 261).

Неудивительно, что Потресов избирает именно Ленина главным представителем рационализаторской и упрощенческой тенденции. С неприязнью, на которую способны лишь бывшие соратники, Потресов критикует Ленина с едким сарказмом, напоминая любимого им Герцена:

Марксизм кружкового подполья <...> был, на первый взгляд, малозаметный, тусклый, уродливый порою образчик марксизма, скромно ютившийся под крылом ортодоксии, но за этою неприглядной внешностью таилась связь с революционно-интеллигентской средой в существе своем более глубокая, чем какой когда-либо достигал неподдельный международный марксизм. Не автор «Монистического взгляда на историю», во всем блеске своего дарования, а гг. Тулин и Влад. Ильин <псевдонимы Ленина. — Г.К.>, с их схематично упрощенными, коротенькими мыслями и наглядными формулами, настойчиво впивавшимися даже в самые неподатливые головы, бес-

конечно повторяясь и переворачиваясь на разные лады, выражали сокровенную суть определенной части российской интеллигенции. (Потресов 1906б: 259).

Типичный пример ленинского упрощенчества (вернее — мистификации): начиная с первых брошюр, посвященных сельскохозяйственным вопросам и критике народничества, Ленин считает народнические аграрные теории прямым «следствием придавленного положения нашего мелкого производителя», в то время как они были плодом интеллигенции — «пестрого конгломерата буржуазных и отщепенски деклассированных элементов»; мелкие крестьянские производители в этих теориях являются лишь жизненным фоном, более или менее абстрактным. Тот же прием — подмена одного общественного слоя другим — повторен Лениным и в отношении пролетариата: «Если в свое время было нетрудно проглотить интеллигенцию, чтобы на ее место положить кустаря или крестьянина, то еще с меньшими трудностями оказалось впоследствии возможным метаморфизировать тем же путем социал-демократически настроенную интеллигенцию в социал-демократическую пролетарскую партию» (Потресов 1906б: 263).

В партийном строительстве кружковая установка интеллигенции столь сильно проявляется потому, что, во-первых, в организационной сфере Марксов теоретический авторитет проявляется менее сильно; во-вторых, слабость и изолирован-

ность от масс толкает интеллигенцию на «фетишизирование отдельных <...> примеров борьбы (напр., террора у народников)» «или партийно-группового аппарата вообще (напр., вавилонской башни нашего организационного строительства)» (Потресов 1906б: 268).

Теоретический манифест, в котором партия превозносится как «групповое интеллигентское „я“ на пьедестале из пролетарского движения» (Потресов 1906б: 276), — это, разумеется, ленинская работа «Что делать?», где «революционер превращался в демиурга истории, а пролетариат <...> оставался в положении объекта, первосортного материала, вне рядов подлинных творцов революции <...>. Правильная теория — вот камень, на котором интеллигенция может спокойно возводить свои организационные постройки» (Потресов 1906б: 281, 284).

Вспомним концентрическую схему работы «Что делать?», т.е. идею, что посредством деятельности профессиональных революционеров партия способна придать революционное направление не только рабочему классу, но и авангарду других классов: «Т.е., иначе говоря, правильное понимание исторического хода развития сделало бы из революционера по профессии сверх-человека, а из его организации интеллигентской и на самом узком базисе построенной — силу, своим влиянием на классы превосходящую многим ту степень давления на прочие группы населения, которую оказывает организованная пролетарская масса западно-европейских со-

циалистических партий» (Потресов 1906б: 285). По мнению Потресова, это поворот к чистейшему идеализму: «Идея отрывалась от среды и, оторвавшись, продолжала в головах интеллигенции самодовлеющее, фантастическое существование, подобно тому, как сама интеллигенция, оторванная от ее окружающего мира, живет, точно под стеклянным колпаком, в тепличной обстановке кружковых отношений» (Потресов 1906б: 286).

Когда же от компенсаторных проекций приходится переходить к реальной политической борьбе, партия, построенная таким способом, оказывается неспособной осуществить реальную гегемонию над пролетариатом, который нуждается не в политическом руководстве, но в самоорганизации как массовое движение на основе своего собственного опыта: «Внутри партии производилась хлопотливая работа ломки-перестройки, налаживания и прилаживания частей, но вовне — ее колеса вертелись беспомощно в воздухе, не забирая массы <...>. Потому-то налаживание частей, приспособление кружкового обихода к субординации системе партийных учреждений и принимало такие мучительные, чудовищно-болезненные формы» (Потресов 1906б: 304).

Противоречия окончательно взрываются революцией 1905 года, когда «кружковая среда в ее целом не столько менялась под влиянием событий, сколько ломалась; не столько приспособлялась к усложнявшимся политическим отношениям, сколько таяла в лучах революционного солнца, ус-

губляя свою прежнюю исключительность болезненными чертами упадка» (Потресов 1906б: 311). В связи с упущенным шансом и опасностью дискредитации марксизма в глазах рабочего класса из-за кризиса социал-демократического движения необходимо теперь использовать в России (несмотря на пока что полуконституционный строй) «опыт социалистического Запада, — против интеллигентски-кружкового строительства со всей связанной с ним идеологией!» (Потресов 1906б: 313). Одним словом — игра в революцию окончена, пора демонтировать нелегальные структуры и приниматься за строительство (пусть и в условиях царской России) массовой социал-демократической партии западного образца²⁶.

Конвульсии после 1905 года

Как всегда бывает в периоды политического спада, особенно когда партийное руководство теряет связь с массами (в случае России после 1905 года — по причине политических преследований и вынужденной эмиграции), политические движения начинают расшатываться и раскалываться, полностью отрываясь от реальных процессов. «Взгляды обеих частей партии достигли в годы первой революции такой степени несовместимости, что невозможным стало не только соглашение на общей платформе, но даже плодотворное обсуждение теоретических проблем» (Гумаринсон 1994: 164).

---

26. С Потресовым солидаризировались Н. Череванин, Н. Рожков, Ю. Ларин, П. Гарви.

Не кто иной, как правоверный меньшевик-центрист Дан вынужден был признать, что «попы марксистского прихода» ничем иным не занимаются, как «схоластическим словопрением партийных нотаблей, имеющем целью не взаимное столкновение, а приобретение пары лишних голосов» (Дан 1907: 9). Любой «дутый интерес, фантом, пустяк вдруг приобретал первостепенное значение» — вторит другой меньшевик (Потресов 1910: 59-60). Как никогда раньше, в период 1907-1914 годов классическая дихотомия «меньшевики — большевики» оказывается недостаточной.

Первыми начинают терять образ единого движения меньшевики, которые — в отличие от соперников — всегда культивировали плюрализм: теперь т.н. «ликвидаторам»-потресовцам противопоставляется группа Мартова и Дана, объединенных с Аксельродом и Мартыновым вокруг журнала «Голос социал-демократа» (Женева—Париж, 1908-1911); не разделяя линию «ликвидаторов», эта группа считала возможным блокироваться с ними по отдельным вопросам, тогда как группа Плеханова — т.н. меньшевики-«партийцы» — настаивала на необходимости сохранения как нелегальной партийной структуры, так и традиционной меньшевистской стратегии (основанной на гибкой и инклюзивной организации); политические же перспективы «партийцев» отличались большей «левизной» по сравнению с центристами и «потресовцами»: они считали близкой буржуазную революцию, которая быстро перейдет в социалистическую.

Занятые «взаимным мордобоем» (письмо Мартова Мартынову от 12 августа 1908, цит. по: Тумаринсон 1995: 172) и неспособные на единое политическое действие, в данный период меньшевики преуспевают в области культурной гегемонии: в 1909-1914 годы легально выходят 5 томов коллективного труда «Общественное движение в России в начале XX века» — гигантский и по сей день весьма содержательный свод политической, общественно-экономической и культурной истории последних двух десятилетий с выверенной меньшевистской точкой зрения. Разумеется, в «Общественном движении» провал революции целиком ставится в вину большевистскому экстремизму. Вот как «центрист» Мартынов предъявляет Ленину — на сей раз *a posteriori* — свои же обвинения начала 1905 года:

Утопическая идея «диктования программы», хотя бы оппозиционным, но все же антагонистическим элементам общества единым центром могла возникнуть только в отсталой обстановке крайне недифференцированной политической жизни и только в головах революционной интеллигенции, существующей как бы вне классов и над классами. По мере же развития неизбежной политической дифференциации это стремление должно было привести и действительно привело к двойному результату: с одной стороны, стиралась грань между различными революционными элементами, которые временно выдвигали более или менее общую программу действий и представляли более или менее однородные политические требования;

с другой, совершенно скидывались со счета революции и зачислялись в сплошную реакционную массу те буржуазные элементы, которые под этой единой программой не могли и не хотели подписаться. Задача привлечения союзников таким способом неизбежно должна была превратиться в свою противоположность — в их отталкивание <...>.

«Большевики», подчиняясь логике революционного интеллигентского подполья, начавши с гегемонии «профессиональных революционеров» и с технической подготовки восстания из единого центра, пришли к истребительной войне с буржуазным либерализмом, как с контр-революционной силой, как раз в тот момент, когда он начал, наконец, складываться в оппозиционную политическую партию.

Подчиняясь той же логике, они пришли к сближению с соц.-революционерами, которых старые искровцы честили «революционными авантюристами», и к идее «диктатуры пролетариата и крестьянства». Союз между соц.-демократами и либералами для борьбы с народничеством, который фактически заключен был в середине 1890-х годов, в следующее десятилетие сменился таким образом фактически союзом между соц.-демократами большевистского толка и революционными народниками для борьбы с либералами. Это был с внешней стороны поворот в 180° (Мартынов 1910: 338-339).

С еще более едким сарказмом отзываясь правый Потресов о ленинской концепции «гегемонии» пролетариата: «Примитивная, с позволения сказать, гегемония на слегка аракчеевский лад, при которой подведомственные оной эле-

менты оппозиции с вытянутыми руками по швам неукоснительно выполняют предписания идущей церемониальным маршем к своей цели командующей социал-демократии» (Потресов 1906б: 239). От нападков меньшевистских публицистов большевики защищаются как только могут: «Через всю меньшевистскую литературу <...> красной нитью проходит обвинение большевиков в „прямолинейности“, назидания по их адресу насчет того, что надо считаться с зигзагообразным путем, которым идет история, — писал Ленин в 1907 году, —

но эта бесспорная жвачка нисколько не относится к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути. В такие моменты или в такие периоды, когда это бывает, отделяться рассуждениями об обычной зигзагообразности истории значит именно превращаться в человека в футляре и углубляться в созерцание той истины, что лошади кушают овес. А революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время. Необходимость считаться с зигзагообразным путем нисколько не устраняет того, что марксисты должны уметь разъяснять массам в решающие моменты их истории предпочтительность прямого пути, должны уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути, давать лозунги такой борьбы и так

далее. И только безнадежные филистеры и совсем тупые педанты могли бы после окончания решительных исторических битв, определивших зигзагообразный путь вместо прямого, хихикать над теми, кто до конца боролся за прямой путь» (16: 8-9).

Двумя годами позже Ленин уточнит, что «филистерами и педантами» являются ликвидаторы и «легалисты», которые «разрушают дело социал-демократов, разрушают социал-демократическую организацию рабочего класса, разменивают ее на бесформенные легальные группы, которые не имеют никаких принципов и которые фактически делают рабочий класс зависимым от либеральной идеологии и либерального политического руководства»; по мнению Ленина, это не что иное, как возврат к «экономизму» десятилетней давности, но в ухудшенном варианте. Поэтому напрасно Плеханов обзывает ликвидаторство «болотом самого позорного оппортунизма» и в то же время участвует в издательских начинаниях потресовцев (19: 64, 308, 360).

Несмотря на агрессивный тон, позиция Ленина — чисто оборонительная, и волей-неволей большевистскому вождю приходится признать необходимость компромисса, если соотношение сил к этому принуждает: «Отношение марксизма к зигзагообразному пути истории сходно, по существу дела, с отношением его к компромиссам. Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания но-

вого, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого» (16: 9). Эта более гибкая и диалектическая концепция политического действия пойдет Ленину на пользу летом 1917 года.

Пока в области организации большевики испытывали не меньшие проблемы, чем их соперники. В 1903 году некоторые марксисты приняли организационные и стратегические принципы большевизма по причинам, отнюдь не совпадающим с ленинскими. Если сам Ленин ограничился тем, что превратил известную концепцию социальной структуры России — и роли составляющих ее классов — в прикладной партийный инструмент для осуществления революционных перемен, то Богданов и его окружение воспринимали большевизм как выражение общего мировоззрения, радикально противоположного «традиционной» плехановской версии марксизма. Напомним, что в основе богдановского эмпириомонизма лежит убеждение, что — как в эвристическом, так и в объективном плане — реальность является продуктом организованного коллективного опыта, устремленного к «социально-трудовой гармонии». Значит, не некая иллюзорная «объективная реальность» определяет человеческую деятельность (личную и общественную), но эта последняя «строит» реальность путем организации эмпирического материала сообразно определенной цели. Неудивительно, что Богданов и его приверженцы сразу усмотрели в работе «Что делать?» идеальный *vademecum* для своей концепции политического

действия: нужно организовать рабочий класс, сделать его способным к творческому превращению окружающей реальности.

В 1905-1906 годах, пока поднималась революционная волна, Ленину и богдановской группе не было причины вступать в конфликт, тем более что вождя большевиков философские теории интересовали лишь как закваска для разработки конкретных стратегий: «В области философии мы увлекались книгой Богданова, который сочетал с марксизмом теорию познания Маха — Авенариуса, — свидетельствует Троцкий. — И Ленину книга Богданова казалась тогда правильной. „Я не философ, — говорил он с тревогой, — но вот Плеханов резко осуждает богдановскую философию как замаскированную разновидность идеализма“» (Троцкий 2001: 148). Во время революционного подъема разделение ролей действует безошибочно: Ленин из-за границы разрабатывает тактику, а богдановцы в Москве организуют рабочие отряды²⁷. «А.А. Богданов — это был великий визирь этой большевистской державы», — вспоминал через много лет Михаил Покровский, бывший сам весьма близким «великому визирю» (цит. по: Шарапов 1998: 20).

Когда после роспуска второй Думы политический спад стал очевидным, разногласия внутри большевизма всплыли на поверхность: в частности, Ленин, как мы уже говорили, вы-

---

27. На самом деле у «внутренних» большевиков уже проявлялось известное недовольство заграничным центром и отчасти самим Лениным. Эти настроения выразили Галерка (М.С. Ольминский) и Рядовой (Богданов) в брошюре «Наши разногласия». См.: Корниенко 1991: 120-125.

ступал за участие большевиков в деятельности Думы, пусть и сильно ограниченной в возможностях, а Богданов призывал депутатов социал-демократов либо к выходу из Думы, либо к сугубо символическому и пропагандистскому участию под строгим контролем партийных верхов. Позиция богдановцев по этому вопросу называлась «отзовизм» — от глагола *отзывать* — либо «ультиматизм», с оттенком угрозы для депутатов, которые по закону не были ответственны перед партией и — будучи в большинстве своем меньшевиками — отнюдь не спешили выполнять директивы большевистского руководства (см. Yassour 1981; Шарапова-Антонова 1991: 103-107).

Нетрудно проследить связь между политическими платформами двух большевистских лидеров с теоретическими установками каждого из них: Ленин всегда исходил из того, что каждая политическая система рождается в ходе борьбы, которая завязывается вокруг конкретных противоречий; чтобы быть эффективной, политическая деятельность должна учитывать данные противоречия, и если они в ближайшей перспективе не предвещают революционного взрыва (а, наоборот, указывают на политический спад), то упорствовать в радикализации конфликта крайне вредно. По Богданову же, «общественное развитие, как и общая эволюция космоса, является продуктом возрастающей организации. Если в обществе возникает группа, понимающая, как следует организоваться на социалистическом уровне, — становится по крайней мере принципиально возможной социалистическая

реорганизация общества. В этом и состоит функция революционной партии» (Mansueto 1996: 50); значит, если реальное соотношение сил отстает от уровня достигнутого «сознания», то тем хуже для реальности. Не случайно в это время группа Богданова активно интересуется революционным синдикализмом²⁸.

В 1908 году распря между большевиками усугубилась, и предложение Горького об организации примирительной «мини-конференции» на Капри не имело успеха: после сессии центрального комитета РСДРП (Женева, август 1908) большевистское руководство оказалось расколотым. Пятая конференция РСДРП (Париж, январь 1909) проходит в настроении борьбы всех против всех: с одной стороны, большевики — формально преобладающие — расколоты на ленинцев и отзовистов; с другой, меньшевики расколоты на целых три фракции (ликвидаторы, мартовцы и плехановцы, или «партийцы»); думские депутаты так и не явились на конференцию, заявив таким образом о своей независимости от решений партии. Искуснейшему тактику Ленину сразу было ясно, как нужно себя вести: образовать блок с Плехановым против крайних крыльев обоих течений РСДРП (ликвидаторов и отзовистов), которых он считал зеркальными проявлениями одинаково провальной политической линии. Со своей стороны, в письме Ленину Плеханов надеется на «сближение

---

28. В 1907 году В.М. Фриче (богдановец, ставший затем официальным советским литературным критиком) выпускает перевод «Размышлений о насилии» Сореля, а Луначарский переводит «Реформизм и синдикализм» итальянского социалиста Лабриолы.

между марксистами-меньшевиками и марксистами-большевиками» и заключает: «Меньшевики все более и более склоняются к отпору ликвидаторству. Мне хочется думать, что большевики, со своей стороны, склоняются не только к отпору анархо-синдикализму, но к отказу от того чересчур прямолинейного отношения к легальным рабочим организациям, которые, между нами сказать, сильно способствовали успехам ликвидаторства» (цит. по: Тютюкин 1997: 288). Все это толкало Ленина к нападению на богдановцев по глубоко чуждым ему вопросам общеполитического характера, хотя он и не пытался скрыть политическую подоплеку данной полемики.

Эмпириомонистские «Очерки» 1908-1909 годов

В 1908-1909 годах группа, сплотившаяся вокруг Богданова, вновь выступила в философском всеоружии и с гораздо большим размахом, чем в публикациях времен вологодской ссылки: в течение двух лет выходят два сборника, целиком посвященные эмпириомонизму и широко истолкованному марксизму: «Очерки по философии марксизма» (1908) и «Очерки философии коллективизма» (1909). Одновременно с эмпириомонистскими «Очерками» выходят и два сборника под названием «Литературный распад» (1908 и 1909), посвященные литературной полемике с модернистами.

В двух сборниках «Очерков» хорошо представлена позиция основоположника группы, который продолжает борьбу против «идолов Абсолюта», которые мешают разработке подлинно материалистического мировоззрения; главной мишенью служит Плеханов, постулирующий существование некой «материи», непознаваемой в себе, отражением которой является эмпирическая реальность: по мнению Богданова, это не что иное, как кантианство, замаскированное под диалектический материализм, хотя ровно ничего материалистического в нем нет, ибо эта «материя», будучи непознаваемой, может быть духовной или божественной. Поскольку кантианство является философским оформлением, в которое буржуазная мысль облекла «авторитарный дуализм» материи и духа, постольку плехановский квазиматериализм следует уподобить политическому оппортунизму Бернштейна (т.е. замаскированному под марксизм буржуазному суррогату):

Философские взгляды Плеханова и его «школы», которые отнюдь не следует смешивать со взглядами Маркса (...), представляют из себя типичную компромиссную комбинацию. Это не диалектический антитезис буржуазного идеализма, а только полемический. Сущность буржуазного идеализма тут сохраняется с жалкими изменениями и оговорками, но имена его категориям даны «как раз наоборот». Такая борьба с буржуазной философией безнадежна; свирепые позы и страшные слова только прикрывают у Плеханова — и очень плохо прикрывают — «притупление противоречий»

между философией буржуазии и пролетариата. Задачу Бернштейна Плеханов пытался выполнить в сфере познания, — к счастью, очень неудачно (Богданов и др. 1908: 234).

К связи между буржуазным обществом и авторитарным дуализмом Богданов возвращается во втором сборнике со статьей о философии современного естествознания. Переход многих естественников от позитивизма (дуалистического, а значит, в сущности, авторитарного и «буржуазного») к монистическим мировоззрениям, подобным эмпириокритицизму, следует соотнести с переходом от индивидуальных исследований к коллективным, часто в тесной связи с производством, а значит, с организацией труда: «Мировоззрение каждого класса, каждой социальной группы общества, представляет из себя, по существу, организацию их опыта, их социальных переживаний» (Богданов и др. 1909: 96). Эмпириомонистское мировоззрение распространится и на пролетариат, когда последний начнет непосредственно заниматься организацией производства; самое понятие материи коренным образом изменится:

Если из понятия «материи» устранить то, что принадлежит в нем авторитарному фетишизму, т.е. идею чего-то противоположного и соотносительного «духу», чего-то вполне пассивного и инертного, если оставить в нем только то содержание, которое дается для этого понятия самим производственно-техническим процессом, то «мате-

рия» будет означать только объект труда, то, что оказывает сопротивление человеческой активности, а «материальность» — самый факт этого сопротивления (Богданов и др. 1909: 100).

Как и во времена реалистических «Очерков», Богданова окружают следующие авторы: Суворов, истолковывающий «закон сохранения энергии» и «закон экономии сил» как общий фундамент и современной физики, и марксистской социологии; Базаров с анализом философии Бергсона, «Тезисов о Фейербахе» и других текстов Маркса в эмпириомонистском ключе; Юшкевич, доказывающий на основе математических исследований А. Пуанкаре и П. Духема, что сознание — это непрерывная символизирующая деятельность; согласно системе воззрений Юшкевича (названной им «эмпириосимволизмом»), поток данности «иррационален», подобен «прерывистой кривой», и лишь сознание оформляет его в рациональную символическую систему. Вершиной данной символизирующей деятельности сознания является наука: «Все научное познание состоит в непрерывном создании символов, планомерно продолжающих стихийный до-научный процесс символизации. Планомерность научного творчества надо понимать, конечно, в относительном смысле, ибо и в науке есть своя стихийность, своя инстинктивность, своя традиция, играющая огромную роль при создании символов: искусственность познания есть естественная искусственность, а не какая-то образовавшаяся вдруг самопроизвольным за-

рождением творческая инициатива разума» (Богданов и др. 1908: 187). Неслучайно Юшкевич был неумолимым популяризатором новейших математических теорий, изученных им в Сорбонне.

Если у Богданова «реальность» подчинялась человеком исторически и социально определяемому принципу селекции и организации, у Юшкевича «реальность» как бы изначально раздвоена:

<...> можно реальность толковать двояко: элементарное и иррациональное понятие ее — это неповторяющийся, только что данный, поток бытия; это своего рода нереальная реальность, подобная психологическому времени, имеющему два бесконечно длинных, но идеальных измерения: прошлое и будущее, и одно реальное измерение — точку: настоящее. Рациональное же понятие реальности сводит ее к предельной системе символов, по отношению к которой всякая научная система есть только одно из приближений. С этой же стороны вопрос о различии служебных и настоящих, реальных, символов имеет только относительное значение. Атомы, вчера бывшие реальными символами, сегодня в виду появления новых, не охватываемых ими фактов, могут, однако, остаться в одной части науки как полезные для нее вспомогательные понятия. Обратно, символы, обслуживавшие вчера узкий круг фактов и потому носившие провизорный характер «рабочих гипотез», могут завтра с ростом их значения и пригодности для систематизации фактов перейти на положение реальных символов и т.д. Если угодно, всякая символика имеет

служебное значение, как всегда приближенное решение основной человеческой проблемы — рационализирования бытия; никакая символика никогда не соответствует вполне реальности, но только потому, что сама «реальность» есть инфинитная система символов, есть, так сказать, символика в квадрате (Богданов и др. 1908: 189).

Парадоксальным образом гносеологический сциентизм Юшкевича примыкает к весьма модному в тогдашней России литературному символизму Вячеслава Иванова и его «башни». Стало быть, неудивительна сдержанность, с которой Богданов встречает эмпириосимволизм: « $Y < \dots >$ „эмпириосимволистов“ стремление к абстрактно-точным формулам доходит до того, что иссушается уже не только познание, но и „действительность“: она сама превращается в формулу, в символ, и весь мир опыта распадается в „эмпириосимволы“. Дойдя до этой крайности, позитивизм неожиданно сближается со своей древней противоположностью, — идеализмом Платона, для которой истинной реальностью представляются „идеи“, т.е. объективированные символы» (Богданов и др. 1909: 79)²⁹.

Базаров, в свою очередь, не следует за Юшкевичем извилистыми тропами гносеологического сциентизма, но исто-

---

29. Защищаясь от обвинения в платонизме, Юшкевич замечает, что «эмпириосимволы — это не копии. Путь эмпириосимволизма ведет к образованию не таких пустых и бедных содержанием понятий, как „лошадь вообще“, „сталь вообще“, а таких богатых и многозначительных абстракций, как „атомы“, „материя“, „энергия“, „электроны“ и пр.» (Юшкевич 1908: 181). На что Богданов возражает: «Как будто недостаток платоновских идей только в том, что они „бедны“, что они „копии“! Как будто „богатая“ абстракция больше годится для сражения при Цусиме, чем „бедная“!» (Богданов 1908: 61).

рически развивает и конкретизирует некоторые богдановские предпосылки: по его мнению, история западной философии представляет собой вереницу попыток организовать сознание, предпринятых отдельными профессионалами, которые переносят в гносеологическую область как атомизацию своего собственного сознания, так и авторитарный и иерархический характер того социального строя, в котором они родились и сформировались. Задача традиционных философов состоит в том, чтобы организовать понятия согласно определенной системе властных отношений, по мере возможности избегая противоречий, т.е. той диалектики, которая в сфере реальных отношений охватывает, движет и преобразовывает все явления:

Идеализм есть продукт авторитарного производственного строя, т.е. психологически неизбежное перенесение в область познания тех принципов, на которых зиждется процесс коллективной борьбы с природой. Строй понятий с величайшей точностью «отражает» строй общества. Так, напр., кантианство — классическая философия умеренно-либеральной буржуазии — представляет идеально-разработанный парламентаризм «духа»; здесь высшая святыня выступает в роли конституционного монарха: не предопределяет самого содержания познания и практики, как в абсолютистских системах теологов и метафизиков, а лишь санкционирует закономерность вообще, утверждает на незыблемых сверх-эмпирических основах самый принцип законности и порядка, царствует, но не управляет. Но

и представители более радикальных течений не чужды психологии организаторской касты <...>. Противоречия «тревожат» <их>, как нарушение порядка: надо устранить противоречия и восстановить спокойствие, — тогда цель познания будет достигнута, т.е. долг философа, как профессионального организатора познания, будет выполнен.

Только слияние исполнительного и организаторского труда в целесообразно построенном процессе общественного производства, только полное исчезновение фетишизма собственности, — одним словом, только социализм может осуществить предпосылки непосредственно коллективного творчества. Только социализм создаст тот бич, которым, наконец, будут изгнаны из познания бесчисленные «я», — эти «торгующие в храме» общечеловеческого безличного творчества (Богданов и др. 1908: 62).

Итак, «бытие», определяющее «сознание», не является косной и инертной материей или «вещью в себе»: согласно работе Маркса «К критике политической экономии», «бытие» — это совокупность производственных сил определенной общественной формации. Если к ним присовокупить принцип «наименьшей траты сил» как общий механизм развития любой организации (по Маху и Авенариусу), мы получим «ключ к построению „теории познания“ в духе Маркса», а именно: «Производительные силы, прогресс которых выражается в уменьшении количества труда, затрачиваемого на единицу продукта, являют-

ся демиургом действительности, определяют собою все общественное развитие, не исключая и развития познания» (Богданов и др. 1908: 69. Разрядка моя. — Г.К.). В подтверждение такого истолкования Базаров приводит «Тезисы о Фейербахе», проявляя свой талант и в области сравнительного языкознания:

Эпиграфом этой статьи я взял слова Маркса: «философы лишь объясняли мир так или иначе, но дело заключается в том, чтобы изменять его». В русском переводе <...> стоит не изменять, а изменить; но немецкие глаголы не указывают на однократность или многократность действия, и едва ли переводчик правильно передал здесь оттенок мысли Маркса. Ведь это значило бы, что Маркс противопоставляет философскому познанию призыв к данному практическому, хотя бы очень важному делу. Для творца научного социализма такая точка зрения немыслима. Скорее Маркс борется здесь со статичностью самого познания «философов», смотрит на самое познание как на процесс изменения мира. Что это именно так, показывает другая заметка на полях книги Фейербаха: «Недовольный отвлеченным мышлением, Фейербах взывает к впечатлениям, получаемым внешними чувствами; но мир конкретных явлений не представляется ему в виде конкретной практической человеческой деятельности». От «конкретных явлений мира» Маркс не апеллирует к вещам в себе, а приглашает сами эти конкретные явления «представлять себе» как «практическую человеческую деятельность». Караул! Ведь это уже совсем «субъективизм», да еще с «волютаристическим» оттенком! —

А между тем это не случайная обмолвка. В другой отметке та же мысль развита еще более ясно: «Главный недостаток материализма — до фейербаховского включительно — состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно. Поэтому деятельную сторону, в противоположность материализму, развивал до сих пор идеализм, но развивал отвлеченно, так как идеализм, естественно, не признает конкретной деятельности как таковой». — Эти строки написаны прямо против теории чистого описания или пассивного отражения («созерцания») мира. «Деятельное отношение к природе» есть положительная сторона идеализма; но идеализм всегда был абстрактен, принимал за творческое начало свои отвлеченные построения и подчинял им «предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир». Надо, наоборот, абстрактные понятия подчинить предметному чувственному миру, рассматривая, однако, последний не как данный «объект», а как человеческую *практику*. Как видим, теория опознания-обособления вещей предметного мира не только не противоречит мирозозерцанию Маркса, но довольно точно им предугадана (Богданов и др. 1908: 70).

Другие сподвижники Богданова тоже идут дальше учителя, но не в направлении сциентизма, а в религиозном направлении, т.е. «утверждая, что партия ответственна не только за организацию социализма, но и за создание коллективно-

го организма с силами, превосходящими чисто социальный план; организма, который удовлетворит изначальные религиозные стремления человеческой цивилизации» (Mansueto 1996: 52). Примером тому Анатолий Луначарский с его смесью эмпириомонизма, своеобразного «пролетарского» ницшеанства и Марксовых «Тезисов о Фейербахе» (по-видимому, весьма популярных в кругу Богданова), по мнению которого рабочему классу чужды традиционные формы атеизма; он же предвидит возникновение пролетарского «религиозного атеизма»:

Сущность религии заключается, на мой взгляд, в стремлении положительно разрешить вопрос о противоречии законов жизни (потребностей человеческих) и законов природы. Старые религии и религиозно-философские системы разрешили этот вопрос, истолковывая мир (выражение Маркса), именно утешая себя представлением о нем, как о внешнем проявлении человекоподобной, умолимой или прямо благой воли; новая религия разрешает его, переделывая мир (выражение Маркса). Мифы заменились наукой, магизм — техникой. Но цель осталась прежняя: подчинение природы и максимум развития жизни. Цель эта огромна, даже бесконечна, и содержит в себе *implicite* всякое благо и всякую красоту. Это раз.

Второе. Сознание этой цели (бессознательной сначала) как ценной сущности органического и исторического прогресса, сливает нашу личность и ее субъективные чаяния с объективным потоком

явлений, или, вернее, с бегущим и ширящимся в океане явлений потоком жизни, говоря широко, и максимальной и плодотворнейшей жизнью — пролетарским движением, говоря узко.

Личность получает при этом самое интенсивное и многоцветное содержание, максимально организованное как с точки зрения причинности (познание органической и социальной эволюции), так и с точки зрения цели (идеал наиполнейшей красоты бытия через наивысшую мощь человека), т.е. личность становится мыслимо богатейшей и определенной, или по преимуществу личностью, и в то же время переходит пределы личности, воспринимая себя как ценное звено в неумирающей цепи поколений, все более прочно и внутренне спаянных единством движения к идеалу. Бессмертие обретается в виде. Личность приходит к религиозному отрицанию себя во имя высшего, богатея и расцветая в силу этого отрицания.

Но надежда на победу красоты и блага, на блаженство и мощь, с одной стороны, и радостная преданность высшему, разбивающая рамки оторванной жизни, подымающая ее скоротечность до вечного значения — это душа религии. Сам бог был только оболочкой этой души. Мне кажется, что мы назовем чувственную сущность социализма довольно точно, когда скажем, что это религиозный атеизм (Богданов и др. 1908: 156-157; см. Боров 2010: 38).

В этом «религиозном атеизме» есть место даже для Бога, разумеется, в сверхчеловечески-коллективистском варианте: «Бог есть человечество в высшей потенции. Но человечества

в высшей потенции не существует? Святая истина. Но оно существует в реальности и таит в себе свои потенции. Будем же обожать потенции человечества, наши потенции, и представлять их в венце славы для того, чтобы крепче любить их» (Богданов и др. 1908: 159)³⁰.

Луначарскому вторит Горький, описывающий в статье «Разрушение личности» постепенное расщепление первобытного органического общества под давлением «всеразделяющей частной собственности» вплоть до крайних последствий современности: «Началась анархическая борьба личности с народом, картина, которую рисует нам всемирная история, и которая становится так невыносима для совершенно разрушенной, бессильной личности наших дней» (впервые в: Богданов и др. 1909: 359). Столь мрачное начало контрастирует с мажорным концом, несколько смешным в своей торжественности:

Жизнь человечества — творчество, стремление к победе над сопротивлением мертвой материи, желание овладеть всеми ее тайнами и заставить силы ее служить воле людей для счастья их. Идя к этой цели, мы должны в интересах успеха ревностно заботиться о постоянном развитии количества живой, сознательной и активной психофизической энергии мира. Задача данного исторического момента — развитие и организация, по возможности, всего запаса

---

30. Заметим, что Богданов не разделял «богостроительства» Луначарского и Горького, которое казалось ему возвратом к Фейербаху и зловередной уступкой «авторитарной» религиозности (Богданов 1910: 194).

энергии народов, превращение ее в активную силу, создание классовых, групповых и партийных коллективов (Богданов и др. 1909: 403).

Идея коллективного сверхчеловечества, самоутверждающегося в борьбе и с внешней природой, и с анархическими (индивидуалистическими) стремлениями личности, подтверждается Горьким в статье «О цинизме», в первом сборнике «Литературный распад» (1908). Парадоксальным образом несколькими десятилетиями позже Горький приспособит свое мировоззрение к прославлению ГУЛАГа, доказывая, что коллективный (и подневольный) труд, осваивающий природу (например, строительство Беломорканала), служит «перековке» личностей, «анархизированных» капитализмом и потенциально отклоняющихся от социалистической «нормы». В контексте же 1909 года именно он и другие участники эмпириомонистских «очерков» были представителями свободымыслия и нонконформизма, выступавшими против плехановско-ленинского «догматизма».

Полемика с эмпириомонистами: ленинский «Материализм и эмпириокритицизм»

В 1908-1909 годах Плеханов и Ленин, его последователь в области философии, осуществляют массированное наступление против «очерков» богдановцев. Начинает Плеханов с

Materialismus militans (лето-осень 1908 года), манифеста марксистской ортодоксии, чья аргументация выглядит тем не менее устаревшей: «Плеханов, видимо, не замечал, что ссылки на Энгельса и материалистов XVIII века уже не всегда достигают цели, поскольку его оппонент оперировал данными о новейших достижениях мирового естествознания, а здесь Георгий Валентинович, увы, не всегда был на высоте» (Тютюкин 1997: 257).

Богданов ответил двумя брошюрками: «Приключения одной философской школы» (1908) и «Падение великого фетишизма. Вера и наука» (1909); но только в работе, которая не была издана при его жизни, Богданов сформулировал с предельной ясностью свое мнение о Плеханове как об усердном, но поверхностном вульгаризаторе Маркса (см. Богданов 1995: 145). В свою очередь в мае 1909 года Ленин выпустил большую монографию против Богданова и его группы, «Материализм и эмпириокритицизм» — исповедание веры в «наивный» материализм, направленное против «софизмов» идеалистов:

Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста, ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу <...>. Наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира, и понятно само собою,

что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего. «Наивное» убеждение человечества сознательно кладется материализмом в основу его теории познания (18: 46, 66).

В этой весьма резкой по тону, затянутой и хаотически организованной книге эмпириомонизм Богданова и эмпириокритицизм Маха (которые для Ленина были одним и тем же) выдавались за вариант субъективного идеализма, который, в свою очередь, отождествляется с солипсизмом Дж. Беркли — крайней формой фидеизма; следовательно, эмпириокритицизм = реакционный мистицизм. Как мы видим, это не тот уровень аргументации, которого следовало бы ожидать от вождя большевиков: по тактическим причинам Ленин вынужден был солидаризироваться с философией Плеханова в ее наиболее механистичном виде и представить ее как ортодоксию, основываясь главным образом на материализме XVIII века. Многократно доказав свое мастерство в «практическом» использовании диалектики (переводе теории в политическое действие при данных обстоятельствах), на теоретическом уровне Ленин не находит лучшего фундамента для связи между реальностью и познанием, чем «отражение» в этом последнем некой «реальности», которую только благодаря акту веры (подкрепленному непрерывными обращениями к «ортодоксии») можно считать безусловно существующей.

Неудивительно, что с самого начала «Материализм и эм-

пириокритицизм» становится легкой мишенью для богдановцев. В памфлете под названием «Прикажут — акушером буду»³¹ Юшкевич обзывает Ленина чуть ли не хамом, «вчера лишь взятый от аграрной и политической сохи» (намек на обильную ленинскую продукцию по истории классовых отношений в деревне), который выражается «матросским лексиконом» и «насаждает черносотенные нравы в марксизме» (Юшкевич 1910: 8, 38, 43). Ученый-математик еще раз подтверждает принципы эмпириосимволизма:

В истории мысли понятие об ощущении вырабатывалось как антитеза понятию вещи, — и эту антитезу стремится преодолеть современный реализм. Но это лишь одна линия развития указываемого понятия. Оно развивалось также и в виде полярности: ощущение — ощущающий (душа — тело, мысль — мозг), которая тоже, но с другой стороны, приводила к дуализму психического и физического. Эти две линии развития надо отличать друг от друга. Если современный реализм в понятии элемента разрешает дуализм ощущения-вещи, то в дуализме ощущение-ощущающий он прежде всего устраняет всякого рода анимистические пережитки, в виде субстанциальной души, «я», в виде «психического», рассматриваемого, как внутренняя сторона «физического», и т.д. Дуализм — или, если угодно, двойственность — психического и физического остаются здесь, но дело происходит в совсем иной плоскости, чем обыкновенно до сих пор. Мозг — согласно этой точке зрения — не порождает «ощущение» зеленого

---

31. Название заимствовано у поэта Нестора Кукольника (1809-1868), эталона вульгарного верноподданничества.

стола, за которым я сижу, не вызывает этого ощущения, он не есть «седалище» зеленого цвета и пр. — ведь зеленый цвет вместе со столом есть особая, находящаяся вне мозга вещь. Мозг есть лишь условие, при котором имеется «ощущение» зеленого цвета, при котором зеленое из вещи становится ощущением <...>. Как мужчина может быть одновременно отцом и сыном, не раздваиваясь, а оставаясь той же личностью, но взятой в различных отношениях к другим личностям, так и элемент «зеленый» может проявляться и в виде физического, и в виде психического явления. Но мужчина всегда бывает сыном, не будучи непременно отцом. Так зеленое всегда бывает физическим, и лишь при исполнении известных условий оказывается и психическим. Эти условия — наличность живого организма с нервной системой и пр. Отношение между мозгом и ощущением и есть отношение между условием и обуславливаемым, это связь соответствия, связь параллелизма, эпифеноменальная связь. Образом ее <...> может служить отношение между написанной (или сказанной) фразой и смыслом ее, или вообще между символом и символизируемым. Возьмем, например, следующее предложение:

«<Ленин> ничего не понимает ни в махизме, который он опровергает, ни в материализме, который он защищает, хотя и написал на эти темы неряшливый том в 400 страниц». <Разрядка моя. — Г.К.>

Совокупность письменных знаков, из которых составлена эта фраза — это аналог физического, феноменального, объективного; смысл же этой фразы — аналог психического, эпифеноменального <...>. Этот смысл не порожден, не вызван письменными знаками; бук-

венный ряд не является седалищем или органом смысла; смысл не находится ни в буквах, ни где-нибудь за буквами — но в то же время является «зависимым рядом» <...> по отношению к буквам, как «ряду независимому». Без букв (или аналогичных чувственных знаков) смысл не может существовать, между тем как могут существовать комбинации букв или знаков, не имеющие никакого смысла (подобно тому, как бывают физические процессы — и даже в мозгу — не имеющие своего психического эпифеномена, между тем как «психическое» непременно имеет соответствующий ему «физический» член). Связь между символизируемым и символом — эпифеноменальная связь — это особый тип функциональной, логической, или как там ни назвать ее зависимости, не имеющий ничего общего с причинным отношением (в его различных формах). Эпифеномен — это явление сверхсметное, не идущее в счет в физическом смысле. Это, так сказать, невесомый феномен. Его энергетическое значение равно нулю <...>.

Для <Ленина> вопрос ставится все в тех же старых мифологических терминах «духа» и «тела», которые элиминирует современный позитивизм. С упорством дятла он долбит свое: или дух есть вторичное, производное, функция мозга, отражение внешнего мира, — или дух есть первичное, и функцией его является тело...

<...> Зачем, зачем его оторвали от аграрной сохи? (Юшкевич 1910: 53-54)

В свою очередь и Базаров обвиняет Плеханова и Ленина в подмене материализма некоей «мистической верой» в суще-

ствование «вещи в себе», с которой сознание якобы снимает точные копии (см.: Базаров 1910: XXXVI-XXXIX); но наиболее жесткий ответ — как и следовало ожидать — дал сам Богданов, согласно которому Ленин демонстрирует крайний образец антинаучного и мракобесного «авторитарного мышления», основанного на догме (Богданов 1910: 155. Об этой полемике см.: Yassour 1983; Гловели, Фигуровская 1990; Шерер 1996; Шарапов 1998).

В ярком эссе «Падение великого фетишизма» Богданов легко опровергает и поднимает на смех наивные ленинские инвективы³². Ленин, например, утверждает существование «абсолютных истин», например: «Наполеон умер 5 мая 1821», «зиме следует весна», и т.д.; но его оппонент возражает, что подобные «истины» целиком зависят от культурных и научных параметров эпохи, в которой они сформулированы: в упомянутых случаях — от понятия «личности», от представлений о «смерти», от способа вычисления даты, от конкретной системы упорядочения климатических явлений и их группировки в отдельные времена года, и т.д. Речь неизменно идет о продуктах организованного коллективного опыта, представляющих собой что-то вроде докоперниковских астрономических систем: следовательно, заключает Богданов, по Ленину и эти последние должны обладать статусом «абсолютной истины»...

Стоит целиком процитировать заключение работы «Вера и наука», где полемика против «квазимарксизма» плеханов-

---

32. Стоит отметить, что Богданов признает ценность ленинских трудов по экономической истории см.: Богданов 1910: 202.

ской чеканки (и его вульгаризированной ленинской версии) развертывается в общей концепции культуры и динамики ее развития:

История показывает, что всякая система идей — религиозная, философская, правовая, политическая — как бы ни была она революционна в эпоху своего зарождения и борьбы за господство, рано или поздно становится задержкою и препятствием для дальнейшего развития, силою социально-реакционной. Избегнуть этого фатального вырождения могла только такая теория, которая возвысилась над ним познавательно, которая сумела объяснить его, раскрыть его причины. Такой теорией был марксизм.

Марксизм показал, что всякая система идей есть органический результат, производное определенных общественно-трудовых отношений, вне которых ее жизненный смысл неизбежно теряется и затем извращается. В смене общественно-трудовых форм — разгадка судьбы идеологии. В эпоху прогрессивного развития определенных производственных отношений создающаяся на их основе идеология прогрессивна, ибо она служит им, помогает их развитию, закрепляет их. Но когда их развитие завершилось и на их место начинают уже выдвигаться новые, более совершенные формы, та же идеология, продолжая поддерживать и закреплять старые, низшие формы, становится консервативною, а затем реакционною. Переживая свою социально-трудовую основу, она превращается в «мертвеца, который хватает живого». Тогда ее разрушение необходимо для социального развития.

Признав это, марксизм, идеология прогрессивнейшего класса, неизбежно должен был отвергнуть абсолютное значение за какой бы то ни было системой идей, в том числе и за своей собственной. Он предъявлял к себе самому требование непрерывного развития в соответствии с изменяющимися жизненными отношениями пролетариата. И марксизм идет по этому пути.

Но старый мир не мог примириться с тем, что в его среде зародилось и живет учение, не подвластное его року, не поддающееся его закону идеологического вырождения, учение, которое он не в силах сделать в положенный срок из живого, светлого организма — тусклым и злостным вампиром. После долгой, безуспешной борьбы старый мир прибегнул к последнему средству: он сотворил вампира по внешнему образу и подобию своего врага и послал его бороться против молодой жизни. Имя этому призраку — «абсолютный марксизм».

Вампир исполняет свою работу. Он проникает в ряды борцов, присасывается к тем, кто не разгадал его под его оболочкой и иногда достигает своей цели: превращает вчерашних полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли.

Наше отечество — страна молодого рабочего движения, неукрепившейся культуры, страна мучительно-изнуряющей борьбы — дала этому призраку едва ли не лучшие его жертвы: Г. Плеханова еще недавно, <Ленина> теперь, не считая иных, менее крупных сил, но в свое время также очень полезных для общего дела.

Товарищей, попавших во власть злого призрака, мы пожалеем, и постараемся вылечить, хотя бы суровыми средствами, если нельзя

иначе. А с вампиром поступим так, как со всякими вампирами поступать полагается: голову долой и осиновый кол в сердце!

Перед нашим классом и нами — великая работа: создание новой культуры, для которой все прошлое и настоящее — только материал, для которой формы лишь смутно намечаются. Вместиť бесконечно-развивающееся коллективное содержание в бесконечно-гибкие и пластичные рамки — такова задача этой культуры; гармоничное сотрудничество коллектива — ее орудие. Мы выполняем подготовительное дело, выполняем его среди борьбы и противоречий, — такова наша историческая судьба, и мы принимаем ее как объективно-данную. Но насколько это в наших силах — мы должны уже теперь, в пределах нашего класса, в его культурной работе осуществлять трудовую гармонию, которая есть наш социальный идеал; и ту внутреннюю борьбу, которую сопровождается эта работа в нашем возникающем коллективе, мы должны рассматривать с точки зрения ее объективных результатов — как бессознательное и стихийное, а потому пока дисгармоничное сотрудничество. На этом пути мы поймем трудовую связь поколений, и наш идеал выступит перед нами как непреложный вывод из прошлого и настоящего всего человечества (Богданов 1910: 222-223).

Сведение счетов между большевиками (1909-1910)

Параллельно теоретическим спорам Ленин и богдановцы продолжали конфликтовать относительно политической

тактики: первый считал, что отзовизм — это «меньшевизм наизнанку», «не большевизм, а худшая политическая карикатура на него» (17: 368); по мнению же богдановцев, — перефразируя название известного ленинского антименьшевистского памфлета — ленинцы намеревались сделать «два шага назад» и основать центристскую фракцию вместе с Плехановым³³. Теоретические расхождения — объясняет Богданов Розе Люксембург — якобы не так важны в этом расколе, как оппортунистические махинации Ленина: «выйдет <...> раскол между большевистской фракцией как целым и большевистскими деньгами, которые в сопровождении нескольких видных членов большевистского центра уйдут к Плеханову и К°» (Бордюгова 1995: 165).

В данном контексте был задействован опыт рабочей школы, основанной Богдановым в 1909 году на о. Капри (в 1910 году — в Болоньи) при экономической поддержке Горького³⁴. Не без внутренних трений участники школы образова-

---

33. Письмо Богданова в газету «Пролетарий» от 16 мая 1909 года, цит. в: Князьева 1961: 150. См. также Остроухова 1926: 14-32, 193-207. Большинство документов группы Богданова за эти годы хранится в *Fond D.I. Bebutov*, в парижской *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine*. В 1910 году Богданов заявил, что «Ленин и К° уже официально и формально перешли к меньшевикам» (Рогачевский, Михальский 1994: 671).

34. О рабочей школе на Капри и в Болоньи см.: Лившиц 1924; 1926 (с предисловием Луначарского). После встречи с Богдановым в лигурийском городке Кави ди Лаванья в сентябре 1909 года издававший виды А.В. Амфитеатров пишет Горькому: «<Богданов> был очень мил. Впечатление — как всегда: жалостливое и немножко бредовое. Я, знаете, привык верить Шопенгауэру: «кто ясно мыслит, ясно выражается». Перед гениальностью, которую нельзя постичь без высшей математики, я безмолвно отступаю со смирением профана» (Литературное наследство, т. 95, М. 1988, с. 162).

ли «литературную группу» — фактически фракцию внутри большевистской фракции — вокруг листка «Вперед»³⁵. В течение 1910 года полемика обострилась и вышла из тесной сферы большевистской верхушки: в воззвании «Товарищам большевикам!» впередовцы обвиняют Ленина в уходе от настоящей большевистской политики; Ильич же переходит в контратаку в «Заметках публициста».

В группе «Вперед» числилось много видных партийных руководителей, но организационные узлы оставались в руках Ленина, что и предопределило исход межбольшевистского конфликта: Богданов постепенно был вытеснен из руководства партии, в конце 1911 года вышел из РСДРП и возвратился в Россию, чтобы заняться педагогической деятельностью. Группа «Вперед» просуществовала до 1917 года, но, лишенная своего идеологического вождя, уже не угрожала большевистской руководящей группе.

Быстро изжил себя и опыт рабочей школы: последний цикл лекций проходит в Болоньи (ноябрь 1910 — март 1911), но Горький уже порвал с группой «Вперед», и невозможность для многих учеников добраться легально до Италии лишила школу ее назначения. Богданову, еще мечтавшему «оплодотворять» русский пролетариат путем обучения рабочих в его школе, трезвый Амфитеатров объяснял: «слушателей, отмеченных

---

35. Вероятно, богдановцем был и молодой И.В. Джугашвили: в то время он входил в бакинскую большевистскую организацию, контролировавшуюся богдановцем Л.Б. Красиным; тем не менее нет достаточных оснований называть концепцию молодого Сталина «„партизированным“ богдановизмом» (Van Ree 1993: 52).

арестами уже в Австрии, а в Италии легализацией, трудно будет (...) возвратить на работу в Россию. Населять же слушателями русские остроги вряд ли значит содействовать сдвигению России с мертвой точки» (Рогачевский, Михалский: 675).

Опыт группы «Вперед» и рабочих школ оказался эфемерным, но тем не менее после Октябрьской революции немало членов группы окажутся у руля культурной политики становящегося советского государства. Мы найдем Луначарского на посту наркома просвещения, в то время как его заместителем (и председателем Коммунистической академии) будет другой впередовец, историк М.Н. Покровский; богдановцами являются и П.И. Лебедев-Полянский, основоположник советского издательского дела, и А.Б. Красин, организатор внешней торговли. Сам Богданов, хотя и не занимая официальных постов, займется организацией Пролеткульта: семя, брошенное впередовцами, принесет новые плоды, а что из этого в результате выйдет, мы увидим ниже.

В отношении собственно философском неожиданного союзника в борьбе против Богданова Ленин обретет в лице меньшевика Авраама Моисеевича Деборина (1881-1963), чье обстоятельное «Введение в диалектический материализм» выдержано в духе строжайшего детерминистского объективизма:

Диалектический материализм <...> исходит из единства объективного и субъективного, признает возможность познания вещей в себе в формах общеобязательных и универсальных законов. Кате-

гории, т.е. чистые универсальные понятия, как время, пространство, причинность, суть с точки зрения диалектического материализма, с одной стороны, логические определения, с другой стороны, реальные формы вещей. И так как общие определения мышления или логические формы являются в одно и то же время действительными реальными определениями самих вещей, то очевидно, что категории или формы универсальны и всеобщы (Деборин 1916: 213).

Так же детерминистски Деборин рассматривает «науку» как отражение некой «объективной действительности», которая «является источником непоколебимой веры пролетариата в неизбежность крушения старого и наступления нового общественного строя» (Деборин 1916: 339). Поэтому Деборин отвергает эмпириомонизм как замаскированный под неокантианство возврат к Юму: «Имманентная философия знаменует попытку сочетать априоризм, т.е. формальный рационализм, с чистым содержанием восприятий при условии отрицания вещи в себе» (Деборин 1916: 261). Как может называть себя марксистской концепция, которая отрицает, что представления причинно-следственных соотношений непосредственно вытекают из явлений, объективно наличествующих в действительном мире? По Богданову же эти соотношения — якобы результат отбора, произвольно проведенного сознанием среди бесконечного множества фактов: «Почему же считать экономические

отношения причиной и основой общественных отношений? Имеем ли мы право, с точки зрения Богданова, говорить о материалистическом понимании истории?» (Деборин 1916: 445). Неудивительно, что именно Деборин — несмотря на меньшевистское прошлое — был поставлен с самого начала во главе официального советского философского журнала «Под знаменем марксизма», главной целью которого было подвергать непрерывным нападкам «богдановщину» при полной невозможности ответа или самозащиты со стороны ее главного представителя.

Две конференции 1912 года: разваливающаяся партия

В начале нового десятилетия в России наметились некоторые признаки подъема политической активности среди рабочих, но осколки РСДРП не могли воспользоваться ситуацией. Аресты активистов, деятельность агентов-провокаторов Охранки (первоочередной задачей которых было предотвратить воссоединение марксистской партии), плохая координация между заграничными центрами и группами на местах резко снизили после 1907 года масштаб поддержки обеих фракций среди народа: в 1910 году численность членов РСДРП составляла лишь 10% в сравнении с 1907 годом (см. Степанов, Уткин 2000: 61, 75, 76); отношения между большевиками и меньшевиками были такими, что кассой РСДРП заведовал

некий триумвират гарантов: немецкие социал-демократы К. Каутский, К. Цеткин и Ф. Меринг.

В январе 1912 года приверженцы Ленина (т.н. большевики-«ленинцы», так как были еще большевики-впередовцы, последователи Богданова, и большевики-«примиренцы», более склонные к диалогу с меньшевиками) организуют конференцию РСДРП в Праге, чтобы изолировать и при возможности исключить из партии потресовских «ликвидаторов», а также утвердить первенство подпольных ячеек над легальной партийной организацией. Хотя большевики считали резолюции пражской конференции обязательными для всей РСДРП, на самом деле она привела к окончательному организационному обособлению ленинской партии и стала прообразом тех процессов размежевания, которые в следующем десятилетии — под натиском мировой войны — произойдут во всех старых европейских социалистических партиях и движениях. По сути дела, большевистская конференция 1912 года стала поворотным пунктом в почти десятилетнем процессе, начавшемся со Второго конгресса РСДРП (1903): до Праги — возникновение и развитие двух разных тактик внутри русской социал-демократии; после Праги — рождение политической структуры особого рода («ортодоксальный» большевизм) и становление коммунистических партий, основанных на этой модели, сперва в России, а затем во всем мире.

Само пражское мероприятие выглядело более чем скромно: делегатов было мало, конспирация была строжайшей

(хотя все равно недостаточной), реакция других социал-демократических фракций на ленинскую затею — весьма холодной. Как показала конференция, в теоретическом плане ленинцы отличались от прочих социал-демократов несокрушимой уверенностью в том, что — несмотря на видимость относительной стабильности — экономические противоречия международного капитализма усугубились уже настолько, что революция стала близкой и неотвратимой, а ее наиболее вероятным центром является Германия: «Немецкая социал-демократия подходит к новой эпохе — эпохе социалистической революции, — утверждает Ленин в ходе конференции. — Кризис экономический, военный, мировые осложнения — все это приближает и симптомы этой эпохи. До сих пор шла подготовительная работа. Теперь же эпоха битв с буржуазией. И тут реализуется разница между реформистами и революционными с.-д.» (Андерсон 2008: 393).

Совсем по-другому настроены были меньшевики: как впоследствии скажет Н. Валентинов (Н.В. Вольский) в письме вдове Ф.И. Дана, «<я> изъездил добрую половину России и нигде, буквально нигде этой „новой“ революции не видел и не чувствовал». И Лидия Дан подтверждает: «С 1912 г. <...> забастовки в Питере и Московском районе принимали весьма внушительный вид, но никакой революцией тогда не пахло. О ней болтали только большевики. — Здесь пометка Валентинова: „не все большевики“. — Было политическое оживление, но это не означало „кануна“ <...>. Период 1908–1914

(до весны—июля) сознавался всеми как период затяжной реакции, то обострившейся, то „нормализовавшейся“, ни о каком ожидании второй или вообще революции не было ни речи, ни мысли... Сколько помнится, было очень сильно — у разных лиц и в разной степени — предположение, что Россия вступает в какой-то новый период нового органического развития — не революционного, но, несомненно, поступательного, прогрессивного и что-то обещающего. В здоровом развитии были уверены, сомневались в оценке „надстройки“ (в смысле „субъективного фактора“: буржуазия или пролетариат). Спорили — как относиться к этому виду „прогресса“ — „бороться“ — бессмысленно, „приспосабливаться“ или „использовать“. Ожидания (надежды) — по европейскому пути... Думаю, именно на этом в значительной степени были построены надежды на „ликвидаторство“ — вызвать к жизни те элементы из рабочих, которые в какой-то момент смогут стать действительно-руководящей силой в совершенствовании и перестройке России и в деле использования ее для рабочих... Нет, атмосферы „кануна“ не было!..» (цит. по: Андерсон 2008: 25, 26). По-видимому, не чувствовала этой атмосферы и внефракционная группа Троцкого, сплоченная в Вене вокруг газеты «Правда» и весьма критически настроенная по отношению к ленинцам.

Итак, партию сковывали серьезные расхождения в оценке объективных условий и перспектив, а не личные склоки между эмигрантскими кружками: поэтому в Праге так много вни-

мания уделялось вопросу об отношениях между легальными организациями и подпольными ячейками, представлявшими различные точки зрения на политическую работу. Большевик-«примиренец» А. Воронский (в дальнейшем — крупный советский культурный деятель: см. ниже) считал, например, что для борьбы с «ликвидаторством» Потресова недостаточно игнорировать его критику недостатков кружковой подпольной работы. Кружки как организационная форма находятся в глубоком кризисе: «Эта бледность и неудовлетворенность питаются главным образом из равнодушия масс»; и, продолжает Воронский, не только рабочие заражены атмосферой политического индифферентизма столыпинской России: «Этот кризис отчасти объясняется бегством интеллигенции» (Андерсон 2008: 432, 433).

Ответ Ленина куда более оптимистичен: «Мы теперь подходим к типу германской организации в эпоху исключительных законов», то есть полузапрета на социалистические организации при Бисмарке (1878-1890). Положение русской партии «и труднее, и легче»: труднее потому, что у немецких социалистов были некоторые отсутствующие в России юридические гарантии; легче потому, что «у германских с.-д. не было никакого сочувствия в окружающей их среде, вся буржуазия была против с.-д. У нас же в массах много сочувствия, поддержки с.-д.» (там же: 435). Задача состоит в том, чтобы организовать это сочувствие и придать ему нужное направление. Из этого вытекает определенная стратегия перестройки

партии на «сетевой» основе, совершенно несхожей с организационной моделью, предлагавшейся Лениным времен работы «Что делать» и распри между «якобинцами» и «барскими анархистами». Позиция Ленина на пражской конференции — малоизвестный этап его идеологического развития: «У нас должны быть в каждом обществе небольшие ячейки с.-д., тесно связанные с партией и каждый вопрос решающие в духе постановлений партии. Эта партия уже не походит на старую иерархическую партию. Они уже не нуждаются в оформлении, в этих ячейках лучше будет, если будет текучий элемент». Вопрос об отношении между легальными организациями и подпольными ячейками ставится теперь по-новому, так как в последние десять лет — несмотря на столыпинскую реакцию и спад политической активности масс — гражданское общество стало гораздо более структурированным.

Раньше, в мое время, нам приходилось все самим делать. Теперь же профессиональные союзы и организации взяли на себя часть работы. По мере возможности политическую борьбу тоже часто ведет легальная думская фракция, и если бы легальных обществ с таким устройством было бы больше, то революция была бы непобедима. Это и есть вопрос о гибкости организаций. Это будет идеалом для пересоздания нашей организации. Эти нелегальные ячейки, окруженные сетью легальных ячеек, дадут нам новую базу. Все сношения доведены до минимума, как будто бы есть орга-

низация и нет. Пускай не будет собраний. Партийная работа приняла новую форму. Новая форма врезалась уже в старую (там же: 435. Разрядка моя. — Г.К.).

На первых порах ленинский энтузиазм не особо разделялся даже его ближайшими сподвижниками: «Тут товарищ Ленин впал в преувеличение, что не нужно гоняться за количеством и оформленностью, — замечает Зиновьев. — Но наша задача — искать новые формы. О неоформленности позаботятся кроме нас. При новом положении — новую форму. Нелегальная партия будет скоро возможна в широком размере. Немцам нельзя во всем подражать <...>, у них была прочная легальность. Они присовокупляли нелегальность, а у нас наоборот» (там же: 436, 437).

Трудно угадать, в каком направлении развивалась бы большевистская партия, не разразись мировая война: через год с небольшим большевики (и часть меньшевиков) будут снова вытеснены в конспиративную нелегальность из-за антивоенной позиции, и немецкие социалисты — которых Ленин в 1912 году считал достойными подражания — проголосуют за военные кредиты и станут «социал-шовинистами», т.е. врагами номер один. Еще один аргумент в пользу тех, кто считает большевизм образца 1917 года прямым следствием войны: не будь ее, процесс кристаллизации наиболее радикальных течений европейского социализма прошел бы иначе, они приняли бы более «сетевой» и «неоформленный» вид (с большим

или меньшим преобладанием конспиративного элемента в зависимости от местного контекста).

Но речь идет о последствиях — реальных или гипотетических, — которые в 1912 году невозможно было предугадать. Конференция завершилась принятием простой максималистской программы к предстоящим выборам IV Думы: демократическая республика, конфискация земли, восьмичасовой рабочий день; непосредственным следствием пражского мероприятия стало резкое отмежевание тех течений социал-демократии, которые не соглашались с ленинской линией (чего, несомненно, ожидал и сам Ленин): уже 9 февраля редактор троцкистской «Правды» Адольф Абрамович Иоффе (1883-1927) отправил из Вены резкую ноту с обвинением в «попытке откола части большевиков от РСДРП, попытке, подготовленной путем узурпации партийного имени» (там же: 487).

Начинаются маневры для организации ответной — анти-ленинской — конференции по инициативе Троцкого и меньшевиков с участием Бунда и некоторых групп социалистов из национальных меньшинств: мероприятие, которое отнюдь не легко было провести, так как — по признанию самого Мартова — один только «меньшевизм представляется в виде ряда групп, группок и единиц, течений и настроений; объединению и организации мешает не существование взглядов и стремлений, а отвычка к коллективному действию и коллективному мышлению...» (там же: 598). Спешка Троцкого была вызвана

опасением, что сплоченные и ободренные Пражской конференцией большевики проведут своих кандидатов в выборные списки и возьмут под свой контроль эсдековскую фракцию в будущей Думе; отсюда и осмотрительность Мартова и других меньшевиков, которые отнюдь не были намерены цепляться за Троцкого, хотя бы и в пику Ленину.

Вторая конференция (малоизученная в советское время, поскольку она была связана с именем однозного Троцкого) состоялась в Вене во второй половине августа. Прения начались с предвыборной платформы, которой были посвящены два противопоставленных доклада; один из них прочитал Троцкий, предложивший максималистскую программу (цель — демократическая республика), другой — меньшевик-центрист Михаил Исаакович Либер (Гольдман, 1880-1937), придерживавшийся гораздо более умеренной позиции:

Кто призывает к борьбе за демократическую республику, тот призывает к вооруженному восстанию. И мы не вправе этого делать, не имея основания, если мы все не авантюристы <...>. Если мы придем к населению с лозунгом демократической республики и с указанием, что только с завоеванием демократической республики будет достигнуто все, за нами никто не пойдет, так как населению нужно многое, и не может оно ждать, пока будет завоевана демократическая республика. Мы этим толкнем их в сторону кадетов, которые будут указывать, что мы даем одни фразы, а они хотят бороться за ближайшие реальные интересы народа (там же: 800, 801).

Согласно лучшим меньшевистским традициям, развернулась чрезвычайно хаотичная дискуссия: некоторые, как Мартынов, были согласны с Либером и предлагали лозунг «свободы коалиций» (т.е. требование права образования профессиональных союзов); некоторые, как Мартов, пытались выступать посредниками между центристами и троцкистами, выдвигая лозунг о требовании всеобщего избирательного права (что считалось по существу аналогичным требованию республики, но более приемлемым с точки зрения властей); некоторые, как представитель кавказских с.-д., считали, что Россия должна перестроиться согласно политической модели Австро-Венгрии. Не обошлось без забавных выходок: депутат-латыш (сочувствовавший большевикам) сказал, что Либер хочет спрятать демократическую республику, как «фамильное серебро». Либер возразил, что и в Германии, и в Бельгии «был бесправный парламент, и там был выставлен лозунг всеобщего избирательного права <...>, хотя и имели Коммунистический манифест» (там же: 807, 809); Троцкий же снова заявил о необходимости вести предвыборную пропаганду на основе максималистской программы: «<...> в некоторых товарищах замечается некоторый избыток реализма. С этим можно было бы мириться, если бы за ними было широкое массовое движение, ибо оно несет с собою коррективы. Поскольку же мы имеем только зачатки нового движения плюс остатки старого, постольку будем всегда истолковывать лозунги расширительно» (там же: 811). Наконец, компромисс

был достигнут внесением в программу всеобщего избирательного права, а также несколько расплывчатого требования «полновластия народного представительства» (там же: 820).

Разные позиции наметились также по вопросу о соотношении легальной и нелегальной деятельности (и об отношении к «ликвидаторству» потресовцев, отсутствовавших на конференции). По мнению Либер, проблема «ликвидаторов» заключалась в том, что они были застрельщиками новых форм организации: «Не в том вина <ликвидаторов>, что они говорили о гнилом подполье, подполье действительно гнило. Но вина в том, что они игнорировали фактический существовавший аппарат РСДРП, не старались его привлечь и говорили лишь пренебрежительно о „группках“» (там же: 851). Как и подобает центристу, Либер избегает идеологической радикализации вопроса и заканчивает прагматически: «вопрос о легальности и нелегальности — это вопрос техники, а не политики» (там же). Троцкий старается обосновать свою позицию историческим контекстом:

Старая партия действовала в нелегальной атмосфере. Но партия не есть механизм для будущих действий, а есть аппарат действующий. Но до революции <1905 года — Г.К.> ведь наши действия протекали в атмосфере общей нелегальности. Когда после революции для имущих классов открылись условия легальной общественной жизни, изменилась атмосфера и для нас. Правда, мы, как и каде-

ты, не можем существовать легально в качестве целого, но у кадетов нет надобности в постоянной организации. А для пролетариата она необходима. Но новая пролетарская общественность, новые условия существования пролетариата питают нелегальную организацию. Наши ликвидаторы, увидев эту новую пролетарскую общественность, со слишком большим энтузиазмом ухватились за нее, слишком решительно отказавшись от своего прошлого (там же: 852).

В этом несколько примиренческом духе сформулированы и резолюции конгресса: требовать больше политических свобод сейчас, чтобы быть в состоянии требовать в будущем — кто знает? — демократической республики; использовать все наличествующие легальные инструменты, не забывая, что «социал-демократии не грозит опасность раствориться в частичных выступлениях и отдельных непартийных рабочих организациях лишь в той мере, в какой она сохраняет свою внутреннюю политическую связь, свою партийную оформленность» (там же: 928). На этой же основе группы, участвовавшие в венской конференции, образовали т.н. «августовский блок», сразу заклеянный большевиками как троцкий конь ликвидаторов. Как хрупкое антибольшевистское единство, достигнутое Троцким, так и прогнозы, высказанные Лениным в январе, были недолговечны: и те и другие карты вскоре перетасует война.

Потресов: патриотизм и новый интернационализм

Как известно, разразившаяся война привела к расколу европейского социализма на «патриотов» и «интернационалистов», а в русской социал-демократии разброс позиций был еще больше. 26 июля 1914 года шесть думских депутатов меньшевиков и пять большевиков клеймили войну как «империалистическую» и «захватническую» с обеих сторон, но вскоре позиции меньшевиков начали расходиться: Мартов и его сподвижники (почти все, кто был в эмиграции) приняли участие — вместе с Лениным, Аксельродом, Троцким, главой левых эсеров Черновым и т.д. — в основании интернационалистско-антивоенного Циммервальдского движения (по названию швейцарской местности, где состоялась первая конференция); «центристы» — сторонники лидера меньшевистской думской фракции Чхендзе — вместе с товарищами, проживавшими и действовавшими в России, голосовали против военных кредитов, но, в отличие от большевиков, не устраивали нелегальных антивоенных забастовок и воздерживались от откровенно пораженческой пропаганды в армии; правые меньшевики (как и популярные лидеры вроде Плеханова и Засулич) заявили о поддержке якобы «оборонительной» войны.

Именно меньшевикам-оборонцам в результате повезло меньше всех. Отвергнутые как ренегаты не только большеви-

ками, но и остальными представителями социал-демократии, которую они дискредитировали своей поддержкой «империалистической» войны, оборонцы так и не получили должного внимания в историографии: для апологетов русского империализма они оставались марксистами, т.е. чуждым и враждебным элементом; для историков демократической или социалистической ориентации — сторонниками войны. Тем не менее некоторые оборонцы мотивировали свой проведенный выбор интересными соображениями политико-социологического характера: их анализ можно опровергать, но не иначе как на основе непредвзятого ознакомления с ним.

«Самозащита. Марксистский сборник» (1916) — типичный пример «социал-патриотического» манифеста: «В этом сборнике, — читаем во введении, — встретились те из марксистов, для кого идеи интернационализма и идея самозащиты страны не являются друг друга исключаящими, а наоборот, представляют то единство, которое определяет на ближайшее время линию их практической политики» (Самозащита 1916: б.п.). Авторы почти единодушно поддерживают «оборонческие» позиции Плеханова, который «сделал вывод о необходимости своего рода временного моратория на классовую борьбу внутри страны» (Гютюкин 2010: 34). Яркий пример — статья Засулич: «Раз оказавшись бессильным остановить нападение, интернационализм уже не мог, не должен был мешать обороне» (Самозащита 1916: 3).

Гораздо дальше пошел Потресов (О патриотизме и о международной. Част. переизд. в: Потресов 2002; Аксельрод и др. 2010), который приписывает войне роль повивальной бабки истории: его анализ параллелен, но диаметрально противоположен ленинскому. Потресов положительно оценивает патриотизм, воодушевляющий рабочих стран Западной Европы, ведь капитализм привел не только к классовому расслоению и поляризации богатств, но тоже к «превращению обывателей в граждан» (Самозащита 1916: 6); подданный старого режима превратился в активного субъекта, члена единого юридического и политического организма: «Организм этот полон противоречий, кишит антагонизмами, само развитие его идет через эти антагонистические противоречия <...>, но он от этого не перестает ощущаться как организм, как целое, с которым каждая часть тем больше связывается, чем интенсивнее проявляется ее жизнедеятельность, чем больше перед нею становится задач — реформаторских или революционных» (там же: 7).

Из этого следует, что борьба за перемены в экономической системе, с одной стороны, и принципиальная самоидентификация каждого члена с обществом, определяемым той же системой, не противоречат друг другу, но напротив: «чем больше деятельной ненависти к строю, тем больше к целому — активной любви, которая и составляет патриотизм» (там же). Если во времена «Манифеста» Маркс резонно утверждал, что пролетарию нечего терять и что у него нет родины, то теперь

«пролетариат имеет что терять и даже очень большое — свой, накопленный им в границах „отечества“, а потому индивидуально, т.е. национально-государственно окрашенный капитал труда и борьбы...» (там же: 8). Как бы буржуазный патриотизм ни влиял идеологически на патриотизм «пролетарский», последний тем не менее типологически отличен от первого: он носит не агрессивный, но исключительно оборонительный характер. Поэтому с марксистско-пролетарской точки зрения патриотизм и интернационализм не противоречат друг другу: «Я бы даже сказал: интернационализм является дальнейшим развитием патриотизма, приложением в большем масштабе тех же самых мыслей и чувств, которые первоначально окрепли в процессе гражданской кристаллизации внутри каждого целого». Очевидно, здесь Потресов доводит до предела типичную для меньшевиков склонность к постепенности: как социализм может возникнуть только там, где капитализм во всех отношениях развит, так и „правильный“ пролетарский интернационализм может возникнуть «только там, где человеческий материал прошел через школу гражданственности в национально-государственных рамках» (там же: 11).

Второй интернационал рушился под натиском войны потому, что представлял собой уже изжитую форму интернационализма, соответствовавшую времени, когда «международная практика», или, как мы сказали бы сегодня, глобализация процессов экономической (и не только) модернизации была на начальном этапе развития. Перед лицом войны как

диалектики национализации масс и глобализации процессов идейное достояние Второго интернационала показало свою абстрактную декларативность и идеологическую отсталость: его функцией было урегулирование отношений между авангардами национальных пролетарских сообществ, во всех других отношениях разьединенных, но он не мог стать высшей инстанцией для этих сообществ в целом. Идеология, которая была «национальн~~ым~~ сознани~~ем~~, регулируем~~ым~~ международными правилами, а отнюдь не сознани~~ем~~ междунаро~~дн~~ым» (там же: 12), представляла собой «эмбрион» интернационализма, беспомощный перед левиафаном войны.

Крайнее, катастрофическое утверждение национального чувства, настоящая война в то же самое время «кладет первый камень того фундамента, на котором будет отстраиваться здание ощущаемой и сознаваемой массами, не безвольной, как до сих пор, а наделенной творческой волею международной» (там же: 13). Представляя собой антитезу и буржуазному национализму «с его характером борьбы групп — единоборства конкурирующих трестов», и старому, «абстрактному» пролетарскому интернационализму, новый интернационализм «вынужден будет развиваться в соответствии с слагающейся новой общественностью» (там же: 14). Тем более что война оставит открытыми многочисленные вопросы (Польша, Балканы и т.д.), согласно которым новый международный субъект, созданный послевоенным пролетариатом, должен будет опре-

делить свою позицию, чтобы извлечь пользу из разных аспектов «неоднородности буржуазного мира» (там же: 17).

Опять же, типичная меньшевистская диалектика радикализируется: как социализм возможен лишь в качестве диалектического «снятия» до конца развернутого капитализма, так и будущая «международная воля — международное действие» пролетариата «мыслимы лишь как доразвившийся до своего отрицания национально-государственный — пролетарский и иной — патриотизм, как вершина, венчающая целую гору гражданских переживаний в национально-государственном масштабе» (там же: 18).

Поэтому понятен сарказм Потресова в адрес «восточных праведников», верных платформе Циммервальда — Ленина, а также меньшевиков-интернационалистов Мартова:

Как прежде без капитализма мы шли в социализм, так теперь, пренебрежительно отшвыривая патриотизм как что-то отжившее, мы уже видим себя интернационалистами без страха и упрека. Мы аплодируем тому, что различные ответственные лица пролетариата не решаются выставить знамя обороны, как знамя борьбы с двояким врагом; и в равнодушии обывателя, которому в глубокой мере безразлично, больше или меньше в России десятками губерний и доразовьется ли она, все пятась назад, до бывшего московского царства — склонны усматривать высший политический разум свежиспеченного гражданина мира (там же: 19).

В России так и не развилось восприятие органической связи личности с отечеством (*patria*), «потому что нет реального представления о том, что такое эта *patria*, отечество, целое. Нет патриотизма в собственном смысле этого слова, ибо никогда не упражнялось чувство связи индивида с общественно-политическим организмом, а есть зоологическая каратаевщина, фаталистическая покорность судьбе, бесстрашное приятие смерти, словом, то, что так прекрасно выражено Пушкиным в его образе раба, безропотно и бестрепетно идущего — по слову владыки — к смертоносному Анчару» (там же: 20). Итак, отсутствие патриотизма — это следствие «нашего промежуточного, по мысли Плеханова, развития, чего-то среднего между движением Европы и неподвижностью Азии» (там же: 21). Несмотря на горькие ноты в духе чаадаевского письма, Потресов заканчивает пассажем не менее утопическим, чем иные ленинские высказывания в брошюрах об «империализме», хотя и с противоположной установкой: «Нет! Я оптимист для Запада и пессимист для Востока! Можно было бы сойти с ума в России, если бы — несмотря на всяческие превратности истории — все же не брезжил свет в европейском окошке и не указывал нам: через патриотизм — иного пути нет — в международное царство братства и равенства!» (там же: 21. Разрядка моя. — Г.К.).

А меж тем с Запада шел не свет, братство и равенство, а лавины истребительного огня, и России не хватало не только

патриотизма, но и железнодорожной сети и промышленного комплекса на уровне немецкого. Что же касается русского пролетариата (конечно, по большей части сельского), на войну он шел отнюдь не ради национальной солидарности: «Дело не в немце — дело в винтовке... — так в романе А. Толстого „Сестры“ (1922) сельские жители объясняют в доступной форме легкомысленному фельетонисту Антоше Арнольдову причину, по которой крестьяне не прочь воевать. — Винтовочку в руки заполучить. А уж у человека с винтовкой другая психология... Поживем, увидим — в каком, собственно, направлении намерены стрелять винтовки... Так-то...» Через несколько месяцев после выхода потресовского «патриотического» манифеста 1917 год обозначит переход от умозрительных конструкций к реальной политике, т.е. к задаче перенаправления миллионов винтовок (и субъектов, владеющих ими) на создание нового общества.

Ленин: империалистическая война и упразднение государства

Разразившаяся война стала кардинальным поворотом для Ленина — и в теоретическом, и в стратегическом отношении: «До 1914 г. действия Ленина определялись убежденностью в том, что крушение царской монархии — дело ближайшего будущего <...>. Мировая война <...> убедила его в близкой гибели не только царизма, но всей мировой капиталистиче-

ской системы» (Розента́ль 2010: 27). В качестве основного аналитического орудия Ленин начал использовать понятие империализма. В брошюре «Империализм как высшая фаза капитализма» (первая половина 1916 года, опубликована в начале 1917 года) вождь большевиков описывает с обильными статистическими ссылками процесс сосредоточения европейских предприятий в течение последнего тридцатилетия, динамику которого мы сегодня назвали бы глобализацией: промышленность объединилась в огромные транснациональные монополии, которые включали в себя разнообразные, но взаимно зависимые отрасли (сырье, транспорт, услуги и т.д.) и все более зависели от финансового капитала, в свою очередь все более концентрировавшегося в нескольких больших банках. У предприятий и банков не только капиталы, но и руководство в значительной степени было общим; их симбиоз вскоре затронул и государственные учреждения, так что финансовый капитал облекается «универсальной» ролью: его владычество становится независимым от производства товаров, что, по Ленину, означает загнивание капитализма; финансовая олигархия и немногие ведущие государства завоевывали все больше и больше колоний (в том числе в форме косвенного порабощения формально независимых государств) из-за потребности экспортировать капиталы в менее развитые страны, где ниже зарплаты и дешевле сырье; но сам по себе финансовый капитал непродуцируем, и, когда весь мир превращается в колониальную систему и не остается сво-

бодных стран, он развязывает империалистическую войну, т.е. борьбу за гегемонию над чужими колониями.

В таком контексте, с присоединением европейских социалистических партий к империалистической политике собственных правительств (голосование за военные кредиты и кооптация министров-социалистов в правительства) заканчивается, по мнению Ленина, прогрессивная роль Второго интернационала, который превратился в «союз ничтожного слоя „верхов“ рабочего движения с „своей“ национальной буржуазией против массы пролетариата. Союз слуг буржуазии с буржуазией против класса, эксплуатируемого буржуазией». В период 1871-1914 годов мелкобуржуазные и оппортунистические элементы взяли Интернационал под контроль, причем совершенно тщетными были попытки центристов типа Каутского (и меньшевиков-циммервальдцев в России) вернуться к *status quo ante* с помощью расплывчатых пацифистских воззваний: «Весь вопрос состоит в том, надо ли пытаться, как это делают Каутский и К°, снова вогнать этот гной в организм во имя „единения“ (с гноем) — или же, чтобы помочь полному оздоровлению организма рабочего движения, надо как можно скорее и тщательнее удалить этот гной, несмотря на временную острую боль, причиняемую этим процессом» (27: 103, 118-119).

Суть дела заключается в самой империалистической войне как самоупрезднении «загнивающего» капитализма: войну не следует ни поддерживать, как делают оборонцы, ни критиковать с пацифистскими лозунгами, как большинство участ-

ников конференций Циммервальда и Кинталя (24-30 апреля 1916 года), но необходимо качественно изменить характер самой войны. Государства-участники войны вынуждены централизовать и планомерно организовывать экономику, вооружать пролетариат и обучать его вооруженной борьбе: значит, рабочая партия должна агитировать за превращение империалистической войны в гражданскую; милитаризованные пролетарии должны захватить власть и переориентировать на социалистический манер плановую экономику, организованную капиталистами для военных целей.

Тем не менее в военные годы перспектива скорого перехода к социализму казалась Ленину весьма сомнительной: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв <...> грядущей революции» (30, 328), — говорил он в январе 1917 года. Февральская революция застаёт Ленина врасплох, но он немедленно направляет на нее все надежды и размышления. К свержению царя привели «совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления»: буржуазии Февральская революция нужна для успешного продолжения империалистической войны, в то время как для народных масс она — «глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу» (31: 16); эта двойственность выражается и в своеобразном двоевластии, образовавшемся в стране: с одной

стороны, буржуазное и империалистическое Временное правительство, с другой — Советы рабочих, солдат и крестьян, немедленно возродившиеся по модели 1905 года, но на несравненно более широкой основе.

Из этого следует главное положение известных «Апрельских тезисов», оглашенных Лениным по возвращении на родину: советы представляют собой более прогрессивную форму политического представительства, чем парламентская республика, так как в них демократия не является простой совокупностью индивидуальных мнений (каждое из которых может быть подчинено капиталистической власти всевозможными способами идеологического и психологического давления или физического принуждения), но осуществляется преимущественно в рабочем коллективе; советская власть же должна установить рабочий контроль над производством и распределением товаров, что другим фракциям российской социал-демократии казалось диким и преждевременным: «По сути, после апрельских тезисов <...> начинается процесс распада единой социал-демократической модели переустройства России» (Шелохаев 2006: 79).

Ленин, со своей стороны, отвергает обвинение в бланкизме — т.е. в стремлении взять власть путем заговора малочисленной группы против большинства — и признает, что, прежде чем осуществить задуманное, его фракции необходимо заполучить большинство в советах, пока контролируемых умеренными социалистическими партиями. По Ленину, при-

чина гегемонии социалистов-центристов в советах заключается в том, что с революцией «гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику» (31: 156): бороться с мелкобуржуазным влиянием на пролетариат — значит опровергать «революционное оборончество» во имя превращения империалистической войны в гражданскую. Что же касается «государства нового типа» (где государственная капиталистическая монополия должна обернуться социалистическим контролем над массами), в данный период Ленин постоянно ссылается на опыт Парижской коммуны, из которого следует заимствовать следующее:

1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват» <...>; 2) замена полиции и армии как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений прямым вооружением всего народа <...>; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в сменяемых по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных <...> (31: 146)³⁶.

---

36. Реакция Плеханова и меньшевика Бориса Богданова (не путать с Александром) на ленинские «Тезисы» показывает, какими неожиданными и тревожными они казались более умеренным социалистам: первый вскоре публикует статью «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает

Весь этот идейный комплекс изложен Лениным в более систематическом виде в брошюре «Государство и революция» (август-сентябрь 1917 года, опубликована в конце 1917 года), посвященной роли государства — т.е. характеру власти и формам ее осуществления — во время перехода к социализму: «на основе синтеза <...> истолкования Марксом локального опыта Парижской коммуны и собственной интерпретации результатов изучения либералами и социалистами новейшего капитализма Ленин пришел к предельно радикальным выводам. Сложившиеся в итоге длительного исторического развития институты и нормы европейской цивилизации объявлялись обреченными на уничтожение» (Розенталь 2010: 33). Во-первых, государство определяется Лениным как «продукт и проявление непримиримости классовых противоречий»; значит, государство есть организованное насилие, угнетение одного класса другим, «есть создание „порядка“, который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» (33: 7). Это весьма упрощенное представление о государстве, которое, несмотря на многочисленные цитаты из Маркса и Энгельса, не учитывает положительного определения государства, которое марксизм унаследовал от Гегеля, в значительной степени зависело от свирепствовав-

---

подчас интересен» («Единство», 9-12 апреля 1917 года), где «Апрельские тезисы» уподобляются классике «психиатрической» литературы вроде чеховской «Палаты № 6» и гоголевских «Записок сумасшедшего»; второй же прервал самого Ленина, излагавшего «Тезисы» в Петроградском совете, восклицанием: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье, — кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от гнева и презрения, — вы позорите себя! Марксисты!» (цит. по: Суханов 1991, 2: 16).

шей войны: по мнению Ленина, ядро государства — это, по сути, его аппарат принуждения, «особые отряды вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее» (33: 9). Мы в одном шаге от анархизма, но тут есть одно важное отличие.

В то время как анархисты заключают из всего этого необходимость немедленного упразднения государства, новая ленинская доктрина предусматривает замену одного механизма классового (буржуазного) насилия другим механизмом организованного принуждения: диктатурой пролетариата. Машину буржуазного государства нужно сломать, его структуры — армия, полиция, бюрократия — должны быть превращены (по образцу Парижской коммуны) «в нечто такое, что уже не есть собственно государство» (33: 42), что-то вроде комитета по ликвидации государства. Пролетарское государство по-гегелевски постепенно осуществляет «снятие» самого себя: армию следует заменить народной милицией, буржуазные парламентские институты — демократией, творимой рабочими коллективами (советы), управление инфраструктурой должно перейти под пролетарский контроль.

Речь идет о государстве «на время», необходимом, чтобы запустить социально-экономические изменения, которые приведут к исчезновению классов и, следовательно, самого пролетарского государства. Тут обычно весьма шероховатая ленинская проза начинает звучать почти визионерскими нотами, особенно при описании будущего коммунистического человечества:

Государство сможет отмерить полностью тогда, когда общество осуществит правило: «Каждый по способностям, каждому по потребностям», т.е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности» (33: 96-97).

Богданов: война и коллективизм

Весьма оригинальными являются и размышления над обоюдной зависимостью между войной и общественными изменениями, которые Богданов изложил в серии статей, собранных под общим названием «Вопросы социализма» (1918). Они направлены против максимализма не названных по имени Ленина и Троцкого, а также против иллюзий бывшего сподвижника эмпириомонистов Базарова (см. ниже) относительно возможности перехода от централизованной военной экономики к социализму:

Сущность этих взглядов сводится к той мысли, что осуществление социализма является исторически уже вопросом завтрашнего

дня, что переживаемый человечеством теперь кризис есть именно кризис перехода от капитализма к социализму и в своем последовательном развитии завершится социалистической революцией. Предполагается, что основные условия для такого перехода в передовых странах уже назрели и что там борьба пролетариата разовьется в борьбу против основ нынешнего строя. Одержав в ней победу, пролетариат Европы и Америки выполнит дело социализма сначала у себя; потом поможет рабочим отсталых стран, как наша Россия, сделать то же самое; и мировая организационная задача коллективизма будет завершена (Богданов 2009: 89).

Переход от войны к коллективизму кажется Богданову неосуществимым: еще не существует такой «мировой строительной науки», которая может придать экономике организационные формы, более совершенные, чем анархия капиталистической конкуренции; даже в случае, если бы эта «наука» существовала, ей не смог бы пользоваться дезорганизованный и идеологически дезориентированный войной международный пролетариат. Особенно бессмысленным кажется ему предположение, что регулирование экономики буржуазным государством в военное время может превратиться в коллективизм, т.е. в регулирование производства рабочими: в самом деле, в странах, втянутых в войну, «регулируется, в пределах возможного, идущее разрушение социального организма, а не выраба-

тывается социальный аппарат сознательного трудового творчества» (Богданов 2009: 102).

Итак, речь идет о процессе энтропии, а не организации: «организовывается» здесь лишь «потребление» в контексте разрушения и дезорганизации производительных сил. Матрица такого явления олицетворяется структурой армии, которая «представляет обширную потребительскую коммуну строения строго авторитарного. Массы людей живут на содержании у государства, планомерно распределяя в своей среде доставляемые из производственного аппарата продукты и довольно равномерно их потребляя, не будучи, однако, участниками производства» (Богданов 2009: 119). В военное время матрица армейской организации стала влиять на целое общественное устройство: отсюда талонная система распределения товаров, регламентация цен, государственный контроль над целым рядом товаров, производство которых — в режиме сниженных цен — стало нерентабельным для капиталистов, принудительное образование промышленных трастов и, наконец, всеобщая трудовая повинность. В этом процессе

<...> преобразование форм идет из области потребления, переходя через область сбыта в сферу производства. Это порядок совершенно противоположный нормальному — там развитием производства определяются изменения форм распределения и потребления <...>: там дело идет о процессах роста, усложнения, вооб-

ще о прогрессивных изменениях социального организма; тут о процессах упадка, разрушения, упрощения, т.е. о регрессивных явлениях. Толкающее действие прогресса производительных сил обнаруживается прежде всего именно там, где они накапливаются; давление регресса выступает непосредственно в области потребления и истребления того, что произведено предыдущим трудом (Богданов 2009: 121-122).

О гибельном характере военного коммунизма и его чуждости социализму можно судить и по его налоговой динамике, напоминающей «прежнюю винную монополию» — стержень царской системы налогообложения:

Государственные монополии сбыта тех или иных продуктов <...>, будучи стеснительными для отдельных только групп капиталистов, имеют все шансы удерживаться в качестве финансового источника для государства. Но в этой роли они представляют не что иное, как разновидность косвенных налогов, т.е. налогов, по существу, регрессивных, удорожающих жизнь и маскирующих истинное распределение финансового бремени. Против них поэтому должен будет вести борьбу пролетариат и передовые слои демократии вообще, стремясь заменить их налогами явными и прогрессивными. Результаты борьбы, надо полагать, будут различные, в зависимости от соотношения сил (Богданов 2009: 123).

Богданов в 1917 году считал устаревшей саму партийную структуру, в которую исторически облеклась русская социал-

демократия: «Группы литературные сейчас уместны; новые (и даже старые) организационно-партийные нежелательны, — читаем в письме от 16 мая 1917 года будущему организатору Пролеткульта П.И. Лебедеву-Полянскому. — Все равно снизу возьмут за шиворот и заставят объединиться <...> Результат дробления только тот, что о руководящей роли партии в жизни класса, а тем более в ходе революции нет и речи. Руководит то большинство Советов, которое представляет средний (отнюдь не высокий) уровень массы» (Бордюгова 1995: 186). Поэтому Богданов считает «не организационной» «точку зрения ленинцев» с их акцентированием руководящей роли партии: «классовое сознание» — или «идеология» — пролетариата может возникнуть лишь в спонтанном и молекулярном процессе, подобно тому как появляются языки или формы искусства. Ведь и те и другие являются составными частями идеологии, поскольку представляют собой формы организации:

Первичная форма идеологии — речь, элементами которой являются слова-понятия <...>. Речь возникла из коллективного труда первобытной общины, а именно из «трудовых криков». Это звуки, непроизвольно вырывающиеся при физических условиях в силу связи дыхательного и голосового аппарата с остальным нервно-мышечным организмом, вроде звука «ух-х», вырывающегося при поднимании большой тяжести, «га» при ударе топором, и т. под. Каждый такой звук был для членов общины естественным и понятным

обозначением того трудового акта, к которому относился. Из немногих таких «первичных корней», путем медленных, бесчисленных вариаций в ряду веков, развилось все богатство человеческой речи. Что же касается мышления, оно есть «речь минус звук», те же слова-понятия, только непроезносимые вслух.

Какова была функция трудовых звуков? Они служили средством объединения коллективных усилий, внесения в них ритмической правильности, затем средством призыва к труду, собирания работников для него. Все это — функции организующие. И во всем своем дальнейшем развитии, во всех своих последующих разветвлениях идеология сохраняет тот же характер и значение; это система организующих форм производства, иначе говоря — организационных орудий общественного бытия людей (Богданов 2009: 108).

Таким же образом возникает и искусство: «<...> трудовые крики были зародышем трудовой песни. Ее применение для регулирования и координации трудовых актов можно наблюдать и теперь. То же самое можно сказать о боевой песне. Музыка, танцы с самого возникновения реально служили определенной цели: создавать единство настроения в коллективе, важное или даже необходимое для выполнения какого-нибудь общего дела» (Богданов 2009: 109). Пускай трюизм то, что искусство является средством воспитания людей, но все же следует признать, что социальная сущность этого воспитания заключается

<...> в том, что человека, путем систематической обработки, делают пригодным к его жизненной роли — в обществе, в среде его класса, его группы. Другими словами, воспитание вводит человека в его общество, его класс, группу, приспособляет его к ним как нормального его члена. Но это, очевидно, организационная функция; воспитание организует коллектив из человеческих единиц, служащих его материалом. А если так, то искусство, как воспитательное средство, есть также орудие организации коллектива (Богданов 2009: 109).

Подобно тому, как составление таблицы расписания движения поездов определено наличием и развитием железнодорожной сети («генетическая связь»), но, как только таблица составлена, она начинает регулировать прибытие и отбытие поездов, тем самым организуя железнодорожное движение («телеологическая или результативная связь»), так же и идеология рождается из конкретных общественных отношений, чтобы потом содействовать их организации и укреплению. Поэтому пролетариат должен разработать свою идеологию, как инструмент оформления своего сознания и своей жизни, если он не хочет остаться в вечном подчинении:

Человек не всегда владеет своим орудием: иногда орудие господствует над ним. Это бывает тогда, когда он не знает или не понимает своего орудия, его природы, строения, свойств. Напр., работник

при машине, об устройстве которой не имеет ясного понятия, может быть только ее рабом, а не господином. Он служит при ней, а не управляет ею <...>. Неожиданно для него она отказывается служить или ломается по неуловимым для него причинам, нередко и калечит его самого. Ее стихийная, недоступная ему закономерность легко разрушает всю «плановость» его усилий.

В том положении находится и коллектив по отношению к своим организационным орудиям, если он не знает их природы, не понимает их. Тогда не он планомерно пользуется ими, а они стихийно господствуют над ним (Богданов 2009: 112)³⁷.

Подобным образом до тех пор, пока рабочий класс не поймет, что его призвание — быть «организационным орудием» нового мира, ему не избавиться от ветхих идеологических фетишей, навязанных извне (религия, национализм, слепая вера в авторитет «партийных» вождей и т.д.), и не перестроить общество: пролетариату следует немедленно «направить свои усилия к овладению своими организационными орудиями и к планомерной их выработке в

---

37. См. письмо Д.И. Опарину от 14 сентября 1919 года: «От марксизма я был не раз торжественно отключен Плехановым и другими, вообще — ортодоксом меня не считают, а сам я вопросом об этом мало интересуюсь. Но учение о социальной функции идеологических форм, как организационных орудий, полагаю, марксизму не противоречит, а заполняет его пробел: он как-то оставил без общего и принципиального выяснения вопрос о необходимой социальной функции идеологических форм, остановившись только на их генетической вторичности» (Бордюгова 1995: 196).

полном масштабе задачи. Это — его программа культуры» (там же: 116). Культурно-просветительская пролетарская организация — недостающее связующее звено, которое заполнит провал между программой минимум (реформизм в пределах капиталистического строя) и максимум (переход к социализму): «программа культуры означает прямую подготовку, в условиях старого строя, класса-организатора, творца нового строя. Это — необходимая динамика решения мировой задачи» (там же: 116).

Разумеется, это теоретическая основа будущего Пролеткульта, с его как сильными (палингенетический энтузиазм), так и слабыми сторонами: рабочий «сепаратизм», нежелание сочетать пролетарскую культуру с элементами культуры других классов. Парадоксальным образом между февралем и октябрём 1917 года (и далее) Богданов редко публично высказывался о развитии политических событий. Сколь бы ни было велико значение большевистского переворота, задача пролетариата остается прежней: «продолжая прежнюю борьбу и организацию, сознательно и планомерно собирать, развивать, стройно систематизировать возникающие зародыши новой культуры — элементы социализма в настоящем» (Богданов 2009: 134). Именно из этой акцентировки спонтанности и свободного пролетарского творчества разовьется — в результате сложной череды изменений — агрессивное сектантство РАППа и сталинская «культура два» (об этом речь пойдет ниже).

Меньшевики и большевики в 1917 году: от Февраля к «объединительному мень- шевистскому конгрессу»

В начале апреля 1917 года бывший эмпириомонист Юшкевич в правоменьшевистской газете «День» зафиксировал непредвиденность происходившего: «Не только неразумные девы либерализма, но и мудрые девы левых партий позабыли взять масло для своих светильников, и мы хорошо помним, как всего дней за 10-15 до громого удара революции представители рабочих удерживали народ от преждевременных выступлений» (1917: 3). Но если «стихийный» характер революционного взрыва не вызывает сомнений, то следующий за ним «творческий» этап создания нового общества рискует быть заторможенным излишней оглядкой на историю предыдущих революций и на «схему», извлеченную из них марксистской историографией: переворот якобы совершается объединившимися на время буржуазией и демократией, но такой союз бывает недолговечным; слабая в начале, новая буржуазная власть исподволь разъединяет трудовые массы, пока, привязав к себе мелкобуржуазную и крестьянскую часть демократии, она не изолирует и (чаще всего путем кровавого переворота) не лишит всякого влияния самый передовой класс — пролетариат. Такова «алгебранческая формула революции, несомненно правильная в своей алгебранческой

общности, но слишком навязчиво владеющая умами вождей нашей демократии и мешающая им подчас разобраться в арифметической конкретности данного исторического момента» (там же).

Из-за этого «ретроспективного» характера революции для социалистических вождей всех оттенков «кардинальный вопрос дня — вопрос о характере власти» (Галили, Ненароков 1995: 18), т.е. речь идет об опасности контрреволюционного исхода («Вандея», «Термидор», «18 брюмера» и т.д.) и о возможной и желательной тактике, которая позволит избежать такого исхода: сопутствовать «извне» буржуазной перестройке общества, бдительно следя за тем, чтобы она носила прогрессивный характер? Содействовать перестройке, принимая участие в правительстве? Сразу противопоставить себя буржуазии, чтобы она не укрепилась у власти? И какой конкретной программы потребует каждая из этих стратегий?

В первые послефевральские месяцы гегемония меньшевиков в новорожденных советах была безраздельной; точнее, лидирующую роль играла их «центристская» фракция, сплоченная вокруг Чхеидзе, председателя большого Петроградского совета (850 рабочих делегатов и 2000 солдатских). Линия, изначально продиктованная меньшевиками советам относительно «буржуазного» правительства, заключалась в том, чтобы не принимать в нем непосредственного участия, но поддерживать его действия постольку, поскольку они направлены на углубление революции, заключение общего

мира «без аннексий и контрибуций» и созыв подлинно демократического Учредительного собрания. Поначалу эта линия удовлетворяла и левых меньшевиков, поскольку утверждала первенство советов перед Временным правительством, и правых, поскольку утверждала якобы «буржуазный» характер данного революционного этапа: «Под покровом лозунгов социализма, в виде гегемоний пролетариата и крестьянства происходит у нас укрепление господства буржуазии, — одобрительно отмечает правый Юшкевич. —

Это в истории третье по счету превращение, третья — и надо думать последняя — личина буржуазной революции: за религиозной идеологией „железнобоких“ пуритан Кромвеля последовала насквозь рациональная, эгалитарная идеология сподвижников Дантона и Робеспьера, и как последнее звено в этой цепи мы имеем перед собой социалистическое облачение нашей собственной революции» (Юшкевич 1917б: 3).

Расплывчатость принятой стратегии придала меньшевикам видимость единства и закрепила за ними гегемонию в Советах, но не годилась для определения конкретных тактических ходов: чем дальше, тем больше становилось меньшевистское «одеяло», и партия начала терять внутреннюю сплоченность и контроль над советами.

Первыми потянули на себя это одеяло центристы, примыкавшие к И.Г. Церетели (1881-1959): бывший представи-

тель думской фракции и один из немногих социалистов с парламентским опытом, Церетели сразу начал решительную кампанию за то, чтобы социалисты из советов вошли в правительство, чтобы — пускай с второстепенных позиций — неразрывно связать власть с демократическим движением («демократией» в течение 1917 года называли низовые общественные слои, объединенные в своих органах самовыражения — в советах), с его требованиями углубления революции и достижения всеобщего мира. Присутствовавшие в Петрограде представители большевиков (Сталин, Каменев) сначала старались смягчить полемику с меньшевистским советским большинством и принять на себя роль конструктивной оппозиции; попытку договориться сорвал Ленин четырьмя «Письмами издалека», написанными еще в Цюрихе (из них только первое было опубликовано в «Правде»). Ленин требовал немедленного разрыва Советов с правительством, сплочения всех пролетарских сил и начала нового этапа революции.

Время работало на Ленина: ни одно из требований, выдвинутых Советами (мир, земля крестьянам, государственный контроль над экономикой и финансами), не было выполнено Временным правительством; впрочем, любое правительство, поддерживаемое западными союзниками, — сколь бы «социалистическим» оно само себя ни называло — просто не смогло бы «социализировать» землю: хозяевам-помещикам давно пришлось ее заложить и перезаложить, и отчуждение земли разорило бы банки, которые, в свою очередь,

почти целиком находились в иностранных руках; притом известие, что «господские» земли передаются даром сельским общинам, окончательно бы распустило то, что еще оставалось от фронтовой армии, поскольку солдаты-крестьяне немедленно дезертировали бы в массовом порядке, чтобы вернуться домой и принять участие в дележе (что на самом деле и произошло осенью)³⁸. Вскоре несостоявшаяся реализация общесоциалистической программы-минимума привела к постепенному обострению социальных конфликтов: вооруженные демонстрации солдат и рабочих столицы 3 и 5 июля положили начало первому Временному правительству и оказались серьезной помехой как для меньшевистского большинства Петроградского совета, так и для самих большевиков, кото-

---

38. Назначенный министром сельского хозяйства Чернов пытался пойти навстречу требованиям крестьянских комитетов и провести закон о прекращении земельных сделок и упразднении столыпинских землеустроительных комиссий (таким образом «заморозив» имущественные отношения в деревне до поры до времени в ожидании Учредительного собрания), но кадеты оказали ему ожесточенное сопротивление и 20 июля сорвали принятие законопроекта, который называли «факелом, брошенным в страну, чтобы зажечь ее изнутри». Чернов стоял на своем, возражая, что революция не может «ждать выполнения формальных норм права». Она сама есть «прорыв в праве». Революция и заключается в нахождении новых «источников права» и «преобразующих сил» (заметим здесь типичный эсеровский эклектизм: марксист — пусть и самый умеренный — игнорировал бы вопрос о праве и говорил бы о классах). Исходя из этого, Чернов предлагал передать землю в ведение земельных комитетов, пытался отстоять в правительстве принцип «низового правотворчества». После срыва законопроекта министр попытался действовать непосредственно и пошел на публикацию «Инструкций» земельным комитетам за своей подписью. Крестьяне, конечно, ухватились за предлагавшиеся Черновым законопроекты, как будто они уже стали законами, и начали применять их на деле. Кадеты же обвинили министра в самоуправстве, распустили слухи о его сговоре (подобно Ленину!) с германским правительством, и в августе добились его отставки (см.: Коновалова 2006: 61-63).

рые были еще не готовы к насильственному захвату власти. После июльских событий углубились разногласия в меньшевистском руководстве, прежде всего по поводу основного вопроса о власти: продолжать ли политику коалиции с «буржуазными» партиями или добиваться полностью «советского» правительства, составленного из одних социалистических партий. Второй вариант был неприемлем для большинства меньшевистских лидеров, поскольку в «советском» правительстве без «буржуазных» представителей превалировали бы более радикальные позиции, «от Мартова до Ленина»³⁹. Сильные в Петроградском совете, но слабые в остальной России, такие позиции — в случае их преобладания в правительстве — поставили бы под угрозу и без того распатанное государственное единство.

Как обычно, особую позицию занимал Троцкий. После июльских событий он окончательно убедился в том, что Временное правительство и Советы не могут стать элементами единой политической диалектики, поскольку они представ-

---

39. Широко распространенное в 1917 году отождествление «максималистов» Мартова и Ленина позволяет нам здесь обозначить основное различие между ними: «Ленин осознавал почти с самого начала политической деятельности, что завоевание и использование политической власти во всей ее полноте и потенциале представляли сами по себе решительный рычаг в процессе более глубоких трансформаций структуры общества и во взаимоотношениях ее разных социальных и политических групп <...>. Для Мартова, наоборот, политическая власть сама по себе представлялась только как отражение более глубоких перемен в социальном и политическом самоопределении, мобилизации и организации разных социальных групп, во взаимодействии этих групп в течение революционного процесса» (Меньшевики 1997: 57). Несмотря на постоянную полемику, оба они следили друг за другом на расстоянии, и каждый из них всегда учитывал мнение другого.

ляли собой «два разных режима, опиравшихся на разные классы»; в Советах же Троцкий усматривал перевоплощение своих старых теорий:

В то время как имущие классы стремились через Временное правительство установить режим «крепкой» капиталистической республики, — полновластие Советов, отнюдь еще не означая «социализма», сломило бы во всяком случае сопротивление буржуазии и — в зависимости от наличных производительных сил и положения на Западе — направило бы и преобразовывало экономическую жизнь в интересах трудящихся масс. Сбросив с себя оковы капиталистической власти, революция стала бы перманентной, т.е. непрерывной, она применяла бы государственную власть не для того, чтобы упрочить режим капиталистической эксплуатации, а наоборот для того, чтобы преодолеть его. Ее окончательный успех на этом пути зависел бы от успехов пролетарской революции в Европе. С другой стороны, русская революция способна была дать тем более могущественный толчок революционному движению на Западе, чем решительнее и мужественнее она преодолевала сопротивление собственной буржуазии. Такова была и остается единственно реальная перспектива дальнейшего развития революции (Троцкий 1917: 6, 7).

Разумеется, Троцкий в 1917 году уже не имел ничего общего с меньшевиками: о бездействии Советов, руководимых представителями «поддельного, дановизированного марксиз-

ма» (там же: 8), и об их поддержке правительства Троцкий говорит, что «не только эсеры, привыкшие плавать в волнах демократической фразеологии, но и меньшевики совершенно отбросили в сторону классовый критерий, как только он начал слишком явно уличать мелкобуржуазный характер их политики» (там же: 7).

Однако говорить о какой-то единой меньшевистской политике можно было только в полемических целях. Раскол между меньшевиками, который парализовал действия партии и разрывал товарищеские связи, проверенные годами борьбы, был вызван не только расхождением в анализе ситуации, но и противоположностью психологических складов: «революционные оборонцы» Церетели и Дан (от фамилии которого образован высмеянный Троцким «дановизированный марксизм») — и тем более «оборонцы без оговорок» типа Потресова — воспринимали себя в первую очередь как «государственных людей», ответственных за территориальную целостность страны и создание единой, всеми признанной юридической и управленческой системы; «интернационалисты» же считали себя больше революционерами, продолжателями и завершителями пути, открытого человечеством в 1789 году, и больше всего опасались реакционного «термидора». Раздор касался и отношения к большевикам: оборонцы считали «ленинский штаб» ответственным за июльские погромы и за хаос, предвещающий гражданскую войну; интернационалисты же ставили июльские дни в вину буржуазным «предателям» и агити-

ровали за образование общесоветского правительства. Тем не менее и те, и другие боялись политической изоляции рабочего класса по образцу 1905 года: одни хотели избежать этого вовлечением несоциалистических «буржуазных» партий в правительство, другие — блоком с социалистами-революционерами, представителями широких крестьянских масс и по мере возможности с более разумным крылом большевиков.

Компромиссом, пока приемлемым для всех меньшевиков, стало образование после июльских событий нового правительства с преобладанием социалистов (два меньшевика и два эсера), с меньшинством «буржуазных» министров и под председательством Керенского, т.е. единственного лица, которое и те, и другие воспринимали как гаранта. Формально правительственная программа была проявлением воли Советов, но на самом деле диктовалась тем же Советам социалистическими вождями, которые и вошли в новое правительство; программа включала в себя ключевые советские требования: созыв Учредительного собрания, замораживание имущественных отношений в деревне до общей аграрной реформы (принципы которой должны разрабатываться тем же Учредительным собранием), вовлечение Советов в промышленные и торговые дела; но, с другой стороны, программа предусматривала также решительные меры против «анархии», введение смертной казни в прифронтовой полосе, приказ о сдаче оружия невоенными лицами; не было ссылок ни на республиканский характер будущей России, ни на формальный роспуск

царской Думы (которая в контексте 1917 года представлялась потенциальной угрозой реставрации).

13 июля Советы, очищенные от вновь ушедших на полуправильное положение большевиков, проголосовали за программу, вызвав протест левых меньшевиков: «По-видимому, настало время, когда декларации правительства не подлежат обсуждению, а лишь принимаются к сведению, — констатирует Мартов. — Над революцией, по-видимому, поставлена точка <...>. Вам ясно сказали, что это Правительство порядка, и только порядка. И хотя нам говорят, что мы отмежемся, мол, от контрреволюции, но это отмежевание похоже на то, когда, спасаясь от дождя, бросаются в воду» (Меньшевики 1995: 132-133). Разумеется, совершенно противоположной была оценка Потресова, данная в правоменьшевистской газете «День». Временному правительству «нужно, как легендарному Антею, прикоснуться к матери-сырой земле, чтобы обрести недостающую силу. Ей нужна почва под ногами — твердая почва, в виде организованных сил всей революционной России» (Потресов 1917а: 3). Напротив, на партийной конференции несколько дней спустя Мартов настаивал, что правительство стремится «поставить <Советы> на запятки власти» и что Советы должны взять власть сами (Меньшевики 1995: 158).

Как всегда, разные позиции подкреплялись примерами из истории предыдущих революций: по мнению потресовцев, управляемый Советами «ультрареволюционный» Петроград рискует отделиться от остальной России, противопоставить

себя ей и провалиться, как Парижская коммуна; напротив, необходимо «протянуть нити между Петроградом и страной и в организованной поддержке страны <т.е. в коалиционном правительстве — Г.К.> искать противоядие отравленным газам столичной анархии» (Потресов 1917а: 3). Мартов, наоборот, призывал призрак «термидора» и «18 брюмера»: «или революционная демократия берет на себя всю ответственность за революцию, или она теряет свой голос в решении дальнейшей судьбы ее» (Меньшевики 1995: 158). На петроградской меньшевистской конференции середины июля голосование зафиксировало почти полное равновесие (с легким преобладанием оборонцев), так что пришлось отложить официальное заявление от лица всей партии.

Если в марте-апреле большинство прогрессивно настроенной интеллигенции усматривало в союзе с социалистами гарантию социального мира и укрепления завоеваний революции, то после июльских дней и военных поражений, при постепенном расщеплении общественной и государственной ткани, той же интеллигенции страна казалась невозвратно расколотой между образованным и ответственным меньшинством и анархической массой, что делало невозможным любое сотрудничество с Советами. Как бы Церетели ни настаивал на том, что «идеалы демократии, политика, ею воспринятая, вместе со всеми живыми силами страны, это тот компас, который лежит перед нами и по которому мы будем направлять государственный корабль» (там же: 162), деятель-

ность министров-социалистов оказалась между двумя огнями — максималистов, с одной стороны, и, с другой, нормализаторского давления «живых сил»: предпринимательские, торговые и финансовые круги, требующие немедленного восстановления «порядка» и освобождения правительства от любой ответственности перед «демагогами» из Советов. Даже несокрушимый приверженец «буржуазного пути к революции» Потресов в середине июля вынужден был признать, что «разрыв между буржуазией и революционной демократией зрел уже давно, и что его только прорвало, как гнойный нарыв, в эти тяжелые, последние дни» (Потресов 1917б: 3). Ему вторил другой правый меньшевик: «подобно тому, как нельзя теперь никаким „социально-химическим“ анализом отделить плодов деятельности большевизма от того, к чему стремились шедшие под его флагом черносотенцы, провокаторы и немецкие агенты, так скоро нельзя будет отличить работы вождей партии народной свободы <кадетов — Г.К.> от работы разных явных или скрытых контрреволюционеров» (Юшкевич 1917в: 4).

Тем не менее, по мнению потресовцев, сколь бы ни уклонялась вправо буржуазия, политический компромисс необходимо искать именно с ее «представительствам реальным, а не бутафорским», а контрреволюционный дрейф буржуазии можно остановить лишь «будучи неумолимыми в нашем отказе политическому и экономическому максимализму широких народных масс»; одним словом, «революционная демократия

должна свести самые решительные счета со всеми остатками своего циммервальдского заболевания» (Потресов 1917в: 3, 4). Противоположный анализ разрабатывается — как и следовало ожидать — в лагере социалистов-интернационалистов: буржуазные министры, подчиняясь «негласной верхней палате», состоящей из ЦК кадетов и Совета съезда промышленников, дезорганизуют революционную власть, сопротивляясь прогрессивным экономическим начинаниям правительства (см. Базаров 1917к). Бесцеремонность Потресова вызывает протесты также со стороны меньшевиков-центристов, пока еще преобладающих в Советах: если ставить вопрос о коалиционном правительстве с буржуазией «вне всякого отношения к осуществлению <...> минимальной программы», выдвинутой массами, — читаем в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в редакционной статье «Реорганизация власти» (15 июля), — то не только не получится никакого расширения базы, а, наоборот, получится ее сужение или ее передвижка. И то и другое грозит гибелью отечества и гибелью революции». Но необходимая «урезка» социалистической программы — настаивает Потресов — это не уступка по принципиальным вопросам, а лишь пересмотр «практики демократии»: это «не „урезка“ в „программе“ революционной демократии, это только выпрямление в его практике, соответствующее выпалыванию из ее мирозерцания сорной травы утопизма, взошедшей на лугах Циммервальда и буйно разросшейся на черноземе нашей культур-

но-политической отсталости» (Потресов 1917г: 1). Прогнозы Потресова словно бы подтверждаются конференцией петроградских меньшевиков (15, 16 июля), перевернувшей соотношение сил в столичной партии в пользу «оборонцев»; в полемике с побежденными меньшевиками-интернационалистами (призывающими к немедленному захвату власти Советами) Потресов вновь уточняет свое понятие классовости, вводя различие между примитивным и разрушительным «классовым инстинктом», с одной стороны, и, с другой, более развитым и гибким «классовым сознанием», не только допускающим, но и предполагающим широкие социально-политические союзы во имя общественной «гегемонии» и общенациональных задач:

Для классового инстинкта есть только враги, которых надо крушить, есть только зло, которое, разумеется, следует изничтожить. И против зла, которое представляется единым недифференцированным черным пятном, и против врагов, которые все на один образец, идет сплошная рукопашная: добрый молодец разит своею дубиной направо и налево, расчищая вокруг себя пространство и, стало быть, — изолированность. Разит до тех пор, пока не выдохнется и подъем не сменится апатией. Апатией тем более глубокой, чем был выше подъем.

И совершенно другое, классовое сознание. Оно настолько же отлично от своего классового эмбриона — примитивного инстинкта, насколько стратегия современных войн не напоминает вот этого самого доброго молодца, разящего дубинкой. Оно знает обходные

движения. Оно знает позиционную борьбу. Оно знает тысячи сложных комбинаций, и прежде всего оно научалось, различая, комбинировать самих врагов таким образом, чтобы, пользуясь одними против других, достигать весьма важных результатов, недостижимых одними силами пролетариата.

И оно знает в особенности те случаи комбинированного действия класса с другими общественными силами, которые вызываются так называемыми общенациональными задачами. Оно прекрасно понимает, что отличие одного класса от другого и соответственная «непримиримость» их взаимных интересов при данном общественном строе не исключает, однако, таких положений, когда у всех этих классов <...> могут встать общие цели. Такою целью может быть защита страны, когда ей угрожает разгром. Такою целью для всех прогрессивных элементов государства является защита и укрепление достояний революционного переворота... (1917д: 3)

Но потресовское утверждение о необходимости широкого социополитического фронта, сплоченного вокруг общенациональных задач, идет наперекор имманентной логике развития, ведущей к столкновению оголенных «классовых инстинктов», а не к мирному разворачиванию «классового сознания». Сам Потресов в конце июля вынужден был признать, что афишированная непреклонность кадетов, их нежелание ни в чем уступать социалистам, является как бы неким «большевизмом наоборот», способным лишь погубить завоевания Февраля и сравнить имущие классы с народными массами, тем

самым расчистив дорогу контрреволюционной диктатуре: «Из-под обломков выйдет коллективный Пуришкевич, может быть, какая-то новая, еще неизвестная звенящая шпора <...>. Это будет, во всяком случае, происходить на кладбище революции...» (1917е: 3).

Для сторонников компромисса между советами и буржуазией проблемы, разумеется, исходили не только справа. В начале лета меньшевики-интернационалисты Мартова печатают свои программные тезисы под названием «Кризис власти», согласно которым буржуазия — в лице всех ее организованных сил — связала себя с реакционным империализмом союзных держав: ведь «англо-американский империализм» непосредственно заинтересован «в скорейшей ликвидации революции для успешного продолжения войны»; согласно левоменьшевистской программе, в России могут еще быть «промежуточные колеблющиеся буржуазные элементы» (объединенные в партии социалистов-революционеров), но нет уже организаций буржуазного политического представительства, которые бы не были контрреволюционными. Итак, отвергнув союз с буржуазией, подвластные меньшевикам Советы должны подчинить себе «мелкобуржуазную массу демократии» и вместе с ней закончить революционную перестройку страны. Реплика Потресова не заставила себя ждать:

Пролетариат верхом на мелкой буржуазии, — боже мой, какая это старая утопия, какая это ветхая и вконец изношенная жизнью

утопия! Это — старая идея большевизма, или формула Троцкого и Парвуса 1905 года <...>. Пролетариат верхом на мелкой буржуазии! — увы, мы знаем обратное и только обратное в истории русской общественности, в истории ее идей, ее политических партий. Не пролетариат оседлывал мелкую буржуазию, а мелкая буржуазия, вернее мелкобуржуазность русской жизни, оседлывала пролетариат и продельвала удивительные фокусы с идеологией пролетариата <...>. И это в момент, когда все отчетливее вырисовывается подлинная суть русской общественности. Когда прокатилась по всей России на муниципальных выборах волна социально-революционного поветрия, когда скоро, очень скоро, в Учредительном собрании заявит себя многомиллионное крестьянство и заявит себя, конечно, не подголоском городского населения — тем менее городского пролетариата, а так, как это соответствует его крестьянским интересам и крестьянскому пониманию (1917ж: 3).

В конце июля Россия снова осталась без правительства, и несогласие кадетов поддерживать любое правительство, целиком или частично ответственное перед советами, обесмыслило стремление меньшевистского большинства к политике «широкого согласия», что окончательно парализовало деятельность партии. С одной стороны, Церетели, верный девизу о «союзе всех живых сил страны» и убежденный, что выход из кризиса необходимо искать ценою уступок, писал: «Мужество наших товарищей должно состоять в том, чтобы не только чужие классы, но и свой класс призвать к жертвам.

Мы считаем, что тот класс, который не умеет сочетать свои классовые интересы с общенародными, есть мертвый класс; во имя «союза живых сил» Церетели готов даже поддержать новое «правительство спасения», не ответственное перед советами, если и кадеты избавятся от своих непримиримых членов: классы, неспособные стать носителями общегосударственных интересов, «выброшены нами, исключены из коалиции, и если в составе коалиции обнаружатся представители этих мертвых классов, они тоже будут брошены» (Меньшевики 1995: 207).

Мартову легко было иронизировать над риторикой Церетели: «К чему привела вас эта осторожность? К тому, что вы, назвав мертвецов живыми силами, бросились в объятия мертвецов?» (там же: 211). Новое коалиционное правительство, по мнению Мартова, раскалывало рабочее движение, и напрасно министры-социалисты так легко отказались от принципа ответственности перед советами. Тем не менее и Мартов оставался верен меньшевистскому представлению о демократическом характере революции: ни в коем случае, заявил Мартов на открытии VI большевистского конгресса, нельзя «допустить подмены задачи завоевания власти большинством революционной демократией задачей завоевания власти в борьбе с этим большинством и против него» (там же: 223). Между двумя течениями — но ближе к Церетели — находился Дан, которому свежееиспеченное правительство казалось отнюдь не идеальным, но он поддерживал его ради спасения страны,

если министры-социалисты готовы в какой-то степени учитывать мнение советов по ключевым вопросам. Но уже с августа усиливаются трения советов с правительством, отнюдь не намеренным следовать их указаниям; для большинства же меньшевиков кабинет Керенского уже не был средоточием «живых сил страны», но лишь наименьшим злом, единственной альтернативой откровенной контрреволюции.

Пока еще доминировавший в Советах «формально единый» меньшевизм как партия «представлял в действительности конгломерат друг с другом органически не связанных частей»; его «оборонческая» и «интернационалистская» части «достигли, можно сказать, изумительных результатов во взаимной нейтрализации друг друга» (Потресов 1917з: 3). В «объединительном» конгрессе конца августа разные направления меньшевизма проявили себя в законченном и нередко взаимоисключающем анализе пройденных этапов революционного процесса: Церетели стремился прежде всего к оправданию линии, проводимой большинством партии, и представлял ее как единственно возможную в ситуации совпадения революции и разорительной войны, когда необходимо прежде всего избежать изоляции рабочего класса. Мартов считал, что уже в феврале русская буржуазия исчерпала ту роль, которую ей всегда приписывали меньшевики, — запустить революцию, но оказалась неспособной к углублению социальных и гражданских завоеваний, продиктованных самой революцией; участие социал-демократов в коалиционном правительстве с

буржуазией мешало привести революцию к ее естественному результату — переходу к социализму.

Потресов во главе с «правыми» заявил, что, наоборот, русская буржуазия не может быть контрреволюционной, поскольку переход от феодализма к капитализму в России еще не вполне завершен; поэтому глава оборонцев настаивал на тесном союзе пролетариата с буржуазией: «Несомненно, что в эти 6 месяцев мы немного видели от прогрессивного лица буржуазии, верно, но я вам отвечаю: мы потому не видели прогрессивного лица буржуазии, что мы не видели государственного лица пролетариата. Чем больше пролетариат проявил бы свое государственное лицо, тем более он заставил бы буржуазию идти за собой и выполнять свою историческую миссию». По мнению Потресова, рабочий класс не сумел достичь общей политической гегемонии не из-за козней «буржуев», но по причине культурной отсталости и идеологической аморфности:

Мы должны сознаться не только в том, что мы в теории представляем собой великолепный материал прекрасного двигателя истории, но и в том, что на нас висит проклятие всех классов в истории России, все они вышли проклятыми — буржуазия вышла бессильной, но и пролетариат в XX веке многими своими чертами напоминает вольных людей XVII века, тех людей, которые еще в XVII веке были «героями смутного времени»: нам не хватает той западноевропейской выучки, того громадного, веками, еще до истории пролетар-

ского развития, выработанного умения организованно действовать и думать о безвещественном государственном целом, какое мы наблюдаем в Западной Европе (там же: 357).

Вскоре на меньшевистском конгрессе атмосфера предельно накалилась: оборонцы обзывали «политическими младенцами» интернационалистов, а те обвиняли первых в «криминальной» поддержке войны. В конце концов политика широкого согласия была подтверждена: провинциальные делегаты боялись, что малейшая уступка левому флангу скомпрометирует возможность сотрудничества местных советов с несоциалистической интеллигенцией. Эта последняя, однако, все более клонилась направо и уже воспринимала как угрозу социалистический лагерь целиком: «Грызня „умеренных“ с большевиками не должна обманывать, — писал сын Амфитеатрова, — при всех „постольку-поскольку“ „умеренные“ столь же расположены съесть нас, как и большевики. Здесь вопрос „не о вере, а о мере“ — под каким соусом мы окажемся вкуснее» (Амфитеатров-Кадашев 1996: 464).

Интермедия: внефракционные марксисты «Летописи» и «Новой жизни»

В предреволюционные годы основанный в 1915 году благодаря усилиям Горького ежемесячник «Летопись» был единственным легальным изданием, выступавшим против войны

и призывавшим всех марксистов, не относившихся к числу оборонцев, к единству мысли и борьбы. Особенно интересны немногочисленные номера «Летописи», выходившие в бесцензурном 1917 году, когда сотрудники ежемесячника могли свободно заниматься анализом революционного процесса и давать оценки возможного его развития.

Первым высказывается Базаров. По его мнению, неучастие ценовых слоев России в политической жизни в момент падения царизма и солидарность солдатской массы с пролетариатом ради общего отказа от войны пока страхует русскую революцию от общего исхода парижских революций XVIII и XIX веков (разгром демократического движения и торжество буржуазной реакции); но хроническая дезорганизация революционного движения рискует парализовать ее развитие и предоставить идеологам и политикам большого капитала гегемонию над промежуточными классовыми прослойками, что неизбежно приведет к расколу демократической массы:

Не надо скрывать от себя, что сила Совета рабочих и солдатских депутатов покоится не на прочном фундаменте сознательного, организованного единства демократических слоев народа, а на стихийной симпатии между рабочими и солдатами, сблизившимися в революционные дни, и на стихийном же недоверии этой, все еще очень хаотической массы, к «буржуям», т.е. к барской чистой публике. Пока эта подсознательная спайка еще достаточно крепка, она еще

легко выдерживает напор контрреволюционной агитации. У нас еще невозможно направить против рабочих штыки солдат, и новоявленные «республиканцы» кадетско-октябристского блока тщетно мечтают об инсценировке на улицах Петербурга парижских июньских расстрелов. Но ведь до июня еще далеко, нашей революции всего два месяца от роду, — и, если за это время сильно вырос и упрочился в массах авторитет Совета рабочих и солдатских депутатов, то и оппозиция ему, бесспорно, растет и крепнет. Под империалистскими знаменами «войны до полной победы» выступают в настоящее время не только те сливки финансовой, промышленной и аграрной аристократии, которые непосредственно заинтересованы в торжестве империализма, не только связанные с ними круги высоко квалифицированной интеллигенции, но и вся широкая масса мелкой «беспартийной» интеллигенции, все те, кто хотя бы по внешности носит более или менее «господский» облик, вплоть до таких несомненных пролетариев, как многие банковские служащие, конторщики, телефонистки и машинистки и т.п.

Словосочетание «несознательный интеллигент» звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину. Политическая сознательность массового интеллигента наших дней не выше, чем массового рабочего и крестьянина. Великолепным символом политической идеологии нашего воинствующего патриотизма были те плакаты, которые несли перед собой толпы правительственных манифестантов 20 и 21 апреля, «Война до полной победы», «Долой германский милитаризм!» — на

лицевой стороне, обращенной вперед, и, так сказать, к истории; «Долой ленинцев, арестовать Ленина!» — на тыльной стороне, обращенной к самим манифестантам. Тщетно пытались бы вы узнать, что собственно понимают манифестирующие под «полной победой», почему они предпочитают торжество английского или американского империализма торжеству немецкого, как представляется им роль нашей экономически разоренной родины в кругу победоносных стран высокоразвитого капитализма. На все эти вопросы вы получили бы один стереотипный ответ: «долой ленинцев, долой большевиков!» Причем, эти злокозненные большевики рисуются напуганному бульварной прессой воображению интеллигента чем-то вроде китайских «больших кулаков», которые в добрые имперские времена поднимали восстание против европейцев. Чего собственно хотят эти «большие кулаки», европейские газеты не сообщали, — известно было лишь одно: что они стоят в какой-то связи с вооруженными отрядами так называемых «тигров», которые носят для устрашения противников свирепые размалеванные маски и бросаются на врага гигантскими скачками, перепрыгивая через свои собственные копыя (Базаров 1917а: 384-385).

Установка на организованность революционного движения является наследием долгой близости с Богдановым и отголоском полемических схваток 1908-1909 годов; но это организованность спонтанная, низовая, способная переводить смутные стремления масс в сознательное дело социального строительства:

Многие видят в событиях текущих дней процесс обостренной классовой дифференциации нашего общества. К сожалению, это не так. Отчетливое сознание классовых интересов, воплощение этих интересов в строго продуманные, планомерно осуществляемые программы и платформы было бы действительным преодолением той анархии, на которую в настоящее время столько жалуются и справа, и слева. На деле — перед нами не сознательный процесс классовой организации общества, а стихия беспорядочных сплочений на основе подсознательных инстинктивных чувств: инстинктивное недоверие к человеку в котелке с одной стороны, инстинктивный страх перед человеком в картузе — с другой (там же: 385).

Как и Потресов на противоположном конце идеологического спектра русской социал-демократии, Базаров также призывает преодолеть стихийность сознательной и созидательной работой, но, по мнению Потресова, стихийность — это исключительно классовый инстинкт, а сознательность — это способность «комбинированного действия класса с другими общественными силами» во имя общенациональных задач; по мнению же Базарова, стихийность народных масс в начале революции преодолевается «сознательным процессом классовой организации общества», т.е. рациональным, планомерным коллективистским переустройством хозяйства. Политические же партии в их теперешнем виде не являются двигателем этого процесса, с чем так или иначе соглашались и большевики, и меньшевики; из-за анахроничной структуры,

которую они унаследовали от дореволюционных движений, осколки социал-демократии, наоборот, представляют собой препятствие развертыванию демократического творчества масс:

<...> деятели левого фланга несут немалую долю ответственности за то, что группировка инстинктов так туго поддается у нас оформлению и закреплению силами ясной организующей мысли. Советы рабочих и солдатских депутатов, бесспорно, главная опора нашей демократической революции, единственная надежда, что революция действительно будет доведена до конца. Но авторитет Советов прочен лишь постольку, поскольку они опираются на сознательную поддержку политически организованных народных масс — это, казалось бы, аксиома. Между тем политические организации нашей демократии все еще пребывают в состоянии какого-то первозданного хаоса. Старые фракционные и партийные деления в рядах русских социалистов явно отжили свой век. Огромное большинство наших социалистов признает, что в современной России, как и во всем культурном мире, единственное правомерное деление проходит по линии, отграничивающей националистический социализм от интернационалистического. Совершенно очевидно, с другой стороны, что линия этого водораздела не совпадает с партийными группировками, завещанными нам историей, но рассекает их в совершенно новом направлении. И однако «большевики», «меньшевики», «социалисты-революционеры» — термины, потерявшие всякое определенное содержание, — продолжают еще гипнотизировать умы. Единомышленники, рассаженные по этим обветшавшим клеткам, не

могут объединить свои силы в общей организованной работе; принципиальные противники, запертые в стенах тех же клеток, изнемогают в тщетных поисках невозможной общей платформы, взаимно парализуют и нейтрализуют друг друга.

Мы способны в два дня пересмотреть программные и тактические лозунги, но у нас не хватает смелости предать забвению «повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Между тем революция не ждет. Революцию нельзя «укреплять», топчась на месте. Кто не двигает революцию вперед, тот тащит ее назад. Одним из неотложнейших, насущнейших шагов, способных закрепить революцию, подвигая ее вперед, является европеизация и реорганизация наших социалистических партий (там же).

О том, какие вопросы экономической политики и социального переустройства должны решать «европеизированные и реорганизованные» социалистические партии, немало писали другие сотрудники «Летописи». Например, вопрос о ценах на продовольствие, от искусственного снижения которых по декрету пострадают крестьяне (по экономическому состоянию которых уже бьет военная мобилизация всех годных к несению службы мужчин), но от полной либерализации которых пострадают рабочие. Единственное решение, пишет Н. Орлов в статье «К вопросу о продовольствии», — это частичная либерализация цен при одновременном повышении платежеспособности трудящихся с помощью налоговой политики, направленной против цензовых классов:

Возможно, что твердые цены на хлеб подлежат увеличению. Однако необходимо помнить одно: никакое увеличение цен на продукты первой необходимости не страшно, если, с одной стороны, исправно, как хороший барометр, действует прогрессивно-подходный налог, с другой стороны прочны и широко разветвлены профессиональные организации служащих и рабочих и кооперативы потребителей. Недопустимо, чтобы хлебная монополия послужила новым налогом для трудового крестьянства, но недопустимо и то, чтобы в демократической стране имели место бешеные спекулятивные прибыли на капитал. Необходимо позаботиться, чтобы увеличение хлебных цен компенсировалось уменьшением прибавочной стоимости капиталистов... (Орлов 1917: 403)

С другой стороны, хозяева капитала и представляющие их политические партии восприняли бы прогрессивный подходный налог как прямое посягательство на принцип собственности, тем более что промышленникам уже пришлось смириться с введением восьмичасового рабочего дня. Не сложно было предвидеть, что после окончания войны фронт социальных требований расширится, а рабочее движение займет оборонительную позицию: «Кончится война. В связи с этим прекратятся военные заказы, приостановят или даже прекратят свою деятельность многие заводы и придется производить демобилизацию промышленности». Ясно, каковы будут последствия для рабочих: «С фронта хлынут миллионы рабочих, которые будут искать приложения своего труда на

заводах. Они составят миллионную армию безработных, продающих свой труд за бесценок... Тогда будет возможно покушение промышленников на восьмичасовой рабочий день» (Арский 1917: 407).

Во всяком случае, прогрессивный подоходный налог не покроет военные или связанные с демобилизацией расходы: при 8-10 млрд. годовых военных расходов (против довоенного ВВП около 12-15 млрд.) «система подоходных налогов здесь не поможет; таких сумм нам не получить» (Далин 1917: 414). Чтобы найти выход, следует проанализировать тот тупик, в который попали перед революцией царские финансы: «Налогов не хотели вводить, займов не могли проводить <результат был только краткосрочный. — Г.К.>, и бумажные деньги сделали универсальным решением всех финансовых проблем» (там же).

Последовавшая за тем инфляция (усиленная краткосрочными займами, которые необходимо было погасить печатанием новых денежных купюр) носила явный классовый характер: от нее выпрыгивали только финансовые спекулянты, но особо не пострадали и те, у кого было что продавать (в том числе землевладельцы, особенно после либерализации сельскохозяйственных цен в 1916 году); зато из-за девальвации разорились те, кто продавал свой труд, т.е. рабочие. Чтобы остановить (и, возможно, обратить) процесс перераспределения богатств, вызванный войной и девальвацией, необходимо, по мнению левого меньшевика Давида Далина, прибег-

нуть к «принудительному заему» на капиталах (там же: 421): в отличие от прямого отчуждения (например, в виде налогов) заем не оттолкнет прилив иностранных капиталов в Россию и позволит социалистическому правительству сообразовать послевоенную реконструкцию с интересами трудящихся.

Базаров же в июньской статье «Куда мы идем?» рисует куда более смелые перспективы социалистической перестройки общества. Следуя анализу, не столь уж далекому от ленинского, Базаров считает путем к новой экономической организации войну:

Мировая опустошительная война есть неизбежный результат войны торгово-промышленной, попытка разрубить мечом тот узел экономических противоречий, который безнадежно затянулся под влиянием основных неустраимых тенденций новейшей и последней фазы капиталистического развития. Задача, преследуемая империализмом — организация мирового хозяйства — диктуется объективной необходимостью, — она должна быть разрешена во что бы то ни стало. Но империализм органически неспособен разрешить ее; его методы приводят не к созданию, а к опустошению, не к организации, а к дезорганизации экономической жизни, и притом не только в международной области, но и внутри каждой отдельной страны. Капиталистический способ производства практически, на деле пришел к самоотрицанию, к самоуничтожению. Началось то восстание общественно организованных производительных сил против их индивидуального присвоения, о котором пророчествовал

Маркс, говоря о грядущей социальной революции. Перед культурным человечеством встает альтернатива: или безвыходный тупик всепожирающего милитаризма, длинный ряд нелепых, ничего не разрешающих и в то же время неслыханно опустошительных войн, т.е. в конечном итоге полная анархия, полный распад всей материальной и духовной культуры, — или решительное преодоление империализма путем планомерной общественной организации мирового хозяйства, т.е. социализм.

Текущая война не только «дискредитировала» империализм, не только отрицательно показала его всестороннюю несостоятельность, но и положительно подготовила к будущему строю, заложила некоторые материальные основы социализма (Базаров 1917б: 236).

Отсюда ясно, почему полемика Богданова с теоретиками военной экономики как подготовка «некоторых материальных основ социализма» была направлена не только против Ленина, но особенно против бывшего союзника Базарова. Как и Ленин (занятый в то время прежде всего тактическими вопросами захвата власти), Базаров в середине 1917 года предсказывает целый ряд переходных форм экономической организации — от государственной монополии распределения до обобществленной организации производства — стимулируемых военным хозяйством и приближающихся постепенно к социализму:

Частно-хозяйственный капитализм смог провоцировать войну, но оказался совершенно бессильным с ней справиться. Для того,

чтобы обеспечить достаточное удовлетворение потребностей как и самой войны, так и мирного населения, всем воюющим, а за последнее время и большинству нейтральных стран пришлось прибегнуть к государственному или общественному регулированию производства. Виды этого регулирования чрезвычайно разнообразны. Самым распространенным, примитивным и по существу несовершенным способом государственного контроля над народным хозяйством военного времени является «организация снабжения», т.е. сосредоточение в руках государства снабжения предприятий сырыми материалами (система «нарядов»), а потребителей продовольственными продуктами (карточная система). Этот вид государственного вмешательства, практикуемый в той или иной степени во всех европейских странах, сам по себе совершенно недостаточен и без содействия более решительных мероприятий не достигает поставленных целей. Следующим шагом является введение государственных торговых монополий на распределяемые продукты, но и эта мера без регулирования самого производства не приводит к цели, как показывает хотя бы опыт нашей хлебной монополии. Действительное упорядочение снабжения становится возможным лишь с того момента, когда государство берет под свой контроль всю систему народного хозяйства, вплоть до организации наиболее развитых отраслей производства по определенному плану (там же: 236, 237).

Затем Базаров детально излагает меры, принятые немецким правительством для организации военной экономики, и заключает: «Трудно быть пророком в социально-политиче-

ской области, но не надо обладать пророческим даром, чтобы констатировать, что государственная трестификация народного хозяйства знаменует собой начало конца капитализма, что это первое из тех социальных новообразований — новообразований весьма несовершенных, убогих и уродливых, — через которые придется в ближайшие годы пройти культурному миру по дороге к социализму» (там же: 238).

Как и в апрельской статье, Базаров утверждает, что главной помехой постепенному переходу к социалистической организации народного хозяйства являются партии в их наличном состоянии, вернее, обветшалый фракционизм их руководящих групп:

Существует, однако, целый ряд психологических препятствий, мешающих многим из современных социалистов стать на эту, казалось бы, столь естественную точку зрения. Маркс представлял себе социалистический переворот как более или менее продолжительный период интенсивной революционной борьбы пролетариата с буржуазией. Очевидно, что в этом длительном процессе пролетариату суждено заключить целый ряд неустойчивых компромиссов, испытать не только победы, но и частичные поражения, проявить не только доблести, но — в особенности на первых порах — многие пороки, унаследованные им от его прошлого рабского существования. Между тем большинство теперешних социал-демократов привыкло рисовать себе социалистический переворот как какую-то оперную

феерию, как блистательную диктатуру пролетариата, сразу водворяющую на земле царство небесное.

Не удивительно, что подлинное лицо социалистической революции, далеко не столь эффектное и лучезарное, отталкивает от себя эту группу социалистов, заставляет, для спасения мечты, придумывать всевозможные аргументы, доказывающие, что переживаемый нами общественно-политический переворот не включает в себе никаких элементов социализма, что это революция чисто буржуазная. <...> До сих пор дело шло лишь о том, чтобы отстаивать классовые требования пролетариата, теперь — по крайней мере, у нас в России, где буржуазия не сумела или не захотела создать собственными усилиями государственной организации производства, — это традиционное занятие социал-демократов становится все более и более бессмысленным, ибо дезертирует с поля сражения тот, к кому обращены классовые требования рабочих (там же: 238).

Переход социалистического движения от «оборонительного» требования прав и защиты для рабочих к «наступательной» реализации новых форм организации труда тем необходимее, чем более пассивной и паразитической выказывает себя русская крупная буржуазия. Лишенные традиционной опеки царского правительства, предприниматели прибегают даже к саботажу производства, чтобы ослабить рабочее движение, усугубляя таким образом дезорганизацию народного хозяйства: «В современных русских условиях организация производства под государственным контролем есть прежде

всего пролетарское требование — неисполнение его грозит смертельной опасностью не только всем классовым завоеваниям пролетариата, но самому существованию его как класса» (там же: 239).

Тем не менее по психологической инерции социалистические вожди не понимают необходимости этого изменения перспективы: «Уклонение от практической постановки вопроса об организации нашего народного хозяйства принимает различные формы в зависимости от того, имеем мы дело с левыми или с правыми социалистами». Умеренные, т.е. большинство меньшевиков и социалистов-революционеров, «отстаивая чисто буржуазную природу русской революции, отрицают самую правомерность государственного вмешательства в организацию народного хозяйства»; более радикально настроенные социалисты (меньшевики-интернационалисты и левые эсеры), «признавая революцию социалистической, или по крайней мере, полусоциалистической, находятся в более затруднительном положении. Они не отвергают необходимости организации производства, напротив, энергично отстаивают эту необходимость, но пытаются доказать, что в настоящий момент еще не имеется политических предпосылок для практической работы в этом направлении».

По мнению Базарова, самая бесплодная позиция — большевистская, изложенная в газете «Правда»: «Коалиционное министерство, где на 6 социалистов приходится 10 буржуа,

ничего путного сделать не может; мы будем поэтому беспощадно разоблачать коалиционное правительство и вместе с тем „терпеливо, упорно, настойчиво“ агитировать за переход всей власти в руки рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов» (там же: 240). Классовая большевистская «непримиримость» бесплодна тем, что она сосредоточена исключительно на вопросе о захвате и сохранении политической власти (ленинская «диктатура пролетариата»), нисколько не заботясь о новых организационных и административных задачах, которые предстоит решать поднимающимся общественным слоям:

Что коалиционное министерство бессильно сделать что-нибудь толковое в деле организации хозяйства — это не подлежит спору. Но столь же бессильно было бы в данный момент и всякое другое, даже что ни на есть «батрацкое» министерство. Ибо в обстановке русской революции, при отсутствии внешней силы материального принуждения, министерство может проявить плодотворную инициативу, только опираясь на сознательное и организованное содействие заинтересованных слоев населения. Какие же слои населения наиболее заинтересованы в государственном регулировании промышленности? Прежде всего, конечно, рабочие, а затем и весь руководящий технический персонал, начиная мастерами и кончая директорами-распорядителями. Рабочие в значительной своей части сознают необходимость регулирования промышленности; в отдельных случаях они через заводские комитеты и другие выборные ор-

ганы пытались даже на практике регулировать производство. Но, конечно, такие единичные попытки, ничем не связанные между собой и далеко не всегда свидетельствующие о достаточном знании дела, отнюдь не помогают разрешению экономического кризиса, а, скорее, еще более осложняют государственную путаницу (там же: 240).

Итак, рабочий класс и инженерно-технический персонал должны объединиться в великом деле перестройки народного хозяйства: только вместе они могут превратить тресты военной промышленности в систему социалистического производства, даже не нуждаясь в формальном отчуждении собственности. Богдановская утопия (в форме, не принятой самим Богдановым) снова возникает в контексте продолжающейся войны как результат, альтернативный и меньшевистской умеренности (пусть разбирается буржуазия, а там будет видно), и большевистскому максимализму (возьмем власть, а там будет видно): коллективная организация хозяйства возникнет спонтанно, когда две составляющие трудового процесса — рабочий и инженер-техник — уже не будут разделены преградой присвоения капиталистом добавочной стоимости, но сольются в единый производственный коллектив.

При правильной постановке государственного трестирования фабричным комитетам должна принадлежать очень почтенная роль в организации производства, но, само собой разумеется, не в области технического руководства предприятиями, а в области контроля

за выполнением тех сторон общего плана, которые непосредственно касаются интересов рабочих. Руководящие функции должны остаться за теперешним персоналом технических организаторов, которые с превращением предпринимателя в государственного рантье поступают в непосредственное распоряжение государства. Но, к сожалению, именно руководящий персонал нашей промышленности в значительной своей части обретаётся до сих пор, подобно промышленникам, «в нетех», объят паникой, и вместо того, чтобы порвать с постыдной дезорганизаторской политикой капитала и открыто выступить в качестве защитника общегосударственного интереса, всем своим поведением поддерживает убеждение темных рабочих масс в том, что инженер по самой природе своей прислужник хозяина. Только за самое последнее время появились признаки пробуждения сознания среди инженеров. Так, инженеры и служащие предприятий Донецкого бассейна объединились в общий союз, который решительно стал на точку зрения государственной организации промышленности. Аналогичные тенденции наблюдаются и в некоторых других союзах и корпорациях. Если это движение будет иметь успех, если сознательные рабочие и технические руководители промышленности сплотятся для дружной совместной работы, образовав те кадры, опираясь на которые государство сможет осуществить новую организацию производства, то заменить непригодных для этого дела членов правительства более подходящими будет очень легко и просто, и вовсе не потребует особенно «упорной, терпеливой, настойчивой» и т.д. агитации. Без этого условия и чисто демократическое правительство, правительство Совета

рабочих и солдатских депутатов повиснет в воздухе, окажется таким же беспомощным, как и коалиционное министерство. План государственного регулирования промышленности должен проводиться сверху, но самая возможность его проявления в жизнь предполагает обстоятельную подготовку снизу — широкую пропагандистскую, агитационную и организационную работу как среди пролетариата в тесном смысле слова, так и среди промышленных служащих. Это и есть та практическая задача, которая прежде всего встает перед социалистом, рискнувшим разделаться с традиционным абстрактным противопоставлением буржуазной и социалистической революции. Выполнение этой задачи требует радикального изменения как самого содержания, так и внешних приемов агитации, практикуемой левой, «большевистской» частью социал-демократии. Дело идет не о повышении классовой требовательности, не о поддержании кипения революционных чувств краткими лозунгами непримиримости, «недоверия» и т.п., но о формировании ясной, дисциплинированной революционной мысли и воли. Боевое настроение пролетарской армии в настоящее время чрезвычайно высоко, но ее практическая «боеспособность» — ничтожна, ибо вместо стройных рабочих батальонов мы имеем перед собой хаотически волнующую массу, почти не организованную внутренне, бредущую в разброде, сплошь да рядом нарушающую постановления своих собственных выборных органов. Рабочей армии еще предстоит выработать и провести в жизнь ту декларацию прав и обязанностей солдата национальной промышленности, тот «Приказ № 1», с которого началось революционное преобразование наших войсковых частей. Из бунтующей про-

тив угнетателей толпы, способной только выставлять «требования» и ожидать их выполнения от кого-то другого, рабочий класс должен преобразоваться в строго организованные кадры ответственных перед нацией работников, твердо, последовательно и дисциплинированно проводящих в жизнь свои собственные директивы. Трудной работе этого внутреннего перевоспитания, безусловно необходимого для успешной организации народного хозяйства в обстановке революции, теперешние приемы социал-демократической проповеди не только не содействуют, но скорее противодействуют. И нелегко будет исправить это зло. Как я уже сказал, все прошлое, все навыки партийной работы предыдущих лет привели к тому, что наши социалистические деятели психологически приспособлены только к той поверхностной агитации, которую они ведут в настоящее время — к агитации, льстящей инстинктам толпы, скользящей по верхушкам чувств и настроений, — причем этот недостаток присущ не только левому, но и правому крылу русского социализма. Разница лишь в том, что одни демагогически используют ультрареволюционные чувства, — другие разводят столь же поверхностную демагогию на чувствах мещанских, эксплуатируют стихийный страх перед «эксцессами» революции, перед грядущей «анархией» и т.п. Для того, чтобы помочь социалистическому перевоспитанию пролетариата, руководителям его надо еще перевоспитать себя самих. «Врачу, исцелися сам» (там же: 240, 241).

Начиная с весны пространные теоретические статьи в «Летописи» Базаров сопровождает частыми выступлениями

более специфического характера на страницах ежедневной газеты «Новая жизнь» (еще одно начинание Горького, который опубликовал в ней известный цикл «Несвоевременные мысли»). Газета могла оказывать гораздо более широкое влияние на быстро изменяющийся политический контекст, чем ежемесячный журнал, притом крайне нерегулярно выходивший.

С самого начала Базаров призывает Временное правительство «первого созыва» осуществить планомерную централизацию народного хозяйства при участии технической интеллигенции и советов, но предостерегает эти последние от призыва ленинской «Правды» немедленно взять власть: в случае советского переворота «интеллигентская паника достигла бы своего апогея. В распоряжении Совета не оказалось бы никаких технических сил, кроме кучки старых партийных работников, и никакой пролетарский энтузиазм не спас бы его политику от неминуемого краха. При таких условиях не только провести в жизнь, но и выработать толковый план преобразования промышленности представлялось бы невозможным» (Базаров 1917в: 3).

Привлечь интеллигенцию в коллективистскую перестройку экономики (Грамши назвал бы это «осуществлением гегемонии») должен пролетариат и его представители, советы. Делать это нужно постепенно, пользуясь противоречиями между самой технической интеллигенцией и капиталистами, готовыми на все — даже на откровенное вредительство и под-

рыв производства, — чтобы избежать прогрессивной реформы трудовых отношений: примером тому — борьба шахтеров Донбасса за улучшение трудовых условий и повышение зарплаты со стороны предприятий, чей доход существенно увеличился в военное время; «характерно, что революция не только не задержала процесса возрастания капиталистической сверхприбыли, а, напротив, придала ему неслыханный дотоле размах» (цены на сталь и на уголь более чем удвоились в первые месяцы 1917 года); тем не менее при поддержке некоторых видных правительственных лиц «капиталисты Донецкого бассейна ведут в настоящее время систематическую итальянскую забастовку, сознательно запускают и дезорганизуют производство» (Базаров 1917г: 3).

Базаров так характеризует объективные причины дезорганизующей деятельности промышленников на данном экономическом этапе:

Война и вызванная ею экономическая и финансовая разруха создали такое положение вещей, при котором частный интерес частного предпринимателя направлен не к укреплению и развитию производительных сил страны, а к их разрушению. В настоящее время выгоднее — в ожидании повышения цен — держать в бездействии материальные составные части капитала, нежели пускать их в оборот; выгоднее производить на самых разорительных для страны условиях никуда не годные предметы военного снабжения, нежели

добросовестно обслуживать насущные потребности народных масс; и всего выгоднее строить новые оборонные заводы, которые никогда не будут использованы, которые смогут начать работу лишь через 2-3 года. Можно ли удивляться, что так называемое «народное хозяйство» превратилось у нас в разухабистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния?.. (Базаров 1917д: 3)

Единственный выход, неустанно повторяет Базаров, — это планомерное общественное и государственное регулирование всего народного хозяйства: «из беспорядочного конгломерата „частных интересов“, направленных к расхищению производств по кусочкам, кускам и кусищам, надо создать единое, общим интересом спаянное целое, зорко охраняющее производительные силы страны». Точно так же великий князь Кирилл — в адресе на высочайшее имя, чье вручение не состоялось из-за Февральской революции, — советовал «путь обобществления (социализации) государственного хозяйства»; даже в случае если наступит диктаторство того «Наполеона», которого ждала часть цензовой России, дабы «восстановить порядок» против «притязаний» пролетариата, он «постыдно провалился бы через две-три недели после своего торжества, если бы он ограничился одной только военно-политической диктатурой и не ввел вместе с тем диктатуры экономической»; в этом случае государственная централизация хозяйства осуществилась бы

«из-под палки», в интересах элиты, а не как «свободный национальный подвиг» (там же).

Тем не менее логика фактов толкала страну в противоположном направлении, к все большей хозяйственной дезорганизации и социальной фрагментации. Раздробление страны продолжалось и в геополитическом плане: Польша и Финляндия уже отделились; Прибалтика, Украина, Закавказье, Донская область и Кубань, мусульманская Азия и, возможно, Сибирь вот-вот могли отъединиться; особенно тяжким казалось Базарову отделение Украины из-за отнюдь не демократического «снизу» — но сугубо военного «сверху» — характера украинского сепаратизма (Базаров 1917з: 3). Но разделение продолжалось и в экономической области: «Временным правительством и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, — отмечает Базаров в конце мая, — ежедневно получают десятки телеграмм из провинции, из коих явствует, что на местах тысячи революционных организаций демократии соединяют в своих руках всю полноту законодательной и исполнительной власти в области многих вопросов общегосударственного значения»; местные власти утверждают максимальные цены на продовольствие, конфискуют и перераспределяют имущество и даже пытаются регулировать производство совместно с фабричными комитетами: «из всех этих разрозненных, непродуманных, противоречащих друг другу попыток внести хоть какой-нибудь порядок в жизнь не

выходит ничего путного. Вместо организации получается еще горшая дезорганизация» (Базаров 1917е: 3).

В подобном контексте призыв Ленина к «рабочему контролю» над фабриками (к которому большевистский вождь еще решительнее призвал рабочих в своем выступлении на конференции заводских комитетов в начале июня в Петрограде) представляется Базарову бесполезным, если не вредным: сторонники Ленина «не предлагают никаких коренных преобразований в самом строе современной промышленности, хотят по существу дела оставить все по-старому и только отдать каждого капиталиста под надзор группы революционных рабочих», — возражает Базаров Ленину в статье от начала июня. Серьезная борьба с разрухой, напротив, «требует отстранения капиталиста от руководящей роли в производстве, превращения его в рантье», равно как и регулирования промышленности в общенациональном масштабе, по целым отраслям производства, а не отдельным фабрикам (Базаров 1917ж: 3).

Не меньше сомнений вызывает у Базарова ленинское требование исключительно рабочего контроля на каждой фабрике, т.е. чтобы «во всех решающих учреждениях было обозначено большинство за рабочими не менее 2/3 голосов», в то время как участие промышленно-инженерной интеллигенции в управлении и регулировании производства отвергается ленинцами как «мелкобуржуазное». Но, снова возражает Базаров,

<...> с каких же это пор марксизм стал требовать передачи промышленности в распоряжение одних только промышленных рабочих? Если память меня не обманывает, и сам Маркс, и все его последователи формулировали конечную цель социализма как «обобществление» производства, как передачу его в руки общества. В вашем требовании нет ни грана марксизма, это — не классовый, а цеховой, узкопрофессиональный социализм: это — лозунг блаженной памяти «революционного синдикализма», над которым в свое время так жестоко подсмеивался т. Ленин: «железные дороги — железнодорожным служащим»! (там же)⁴⁰

---

40. 9 июня Борис Авилон — бывший меньшевик, докладчик от имени группы «Новой жизни» на конференции заводских комитетов — также отвечает «товарищам из „Правды“»: «В чем же наше разногласие? А вот в чем. Во-первых, мы утверждаем, что “контроль”, хотя бы и “рабочий”, нисколько не решает проблемы; необходимо прямое руководство не только распределением, но и производством продуктов, — планомерное использование наличных средств и максимально-возможное развитие производительных сил.

Во-вторых, регулирование экономической жизни при предоставлении рабочим “2/3 голосов” неосуществимо. На это не согласится революционная демократия, и это невозможно при существовании буржуазного государства. Если рабочие так сильны, что в состоянии отстоять преобладающее положение во всех решающих органах регулирования, то они могут и должны взять в свои руки политическую власть и осуществить более радикальные реформы. Если же рабочие не могут пока овладеть политической властью, то все их попытки против воли большинства населения захватить руководящую роль в промышленности обречены на неуспех.

В-третьих, регулирование распределения и производства продуктов только в том случае окажется успешным, если оно будет производиться в общегосударственном масштабе, для всей совокупности каждой категории товаров и для целых отраслей промышленности. Регулирование промышленности местными или районными союзами заводских и фабричных комитетов ни к каким положительным результатам привести не может, но зато способно привести к крупным конфликтам.

Что касается осуществления всего этого плана, то мы отнюдь не заблуждаемся насчет того, что без энергичного классового давления рабочих и напряженной самостоятельной революционной демократии не сделает ничего даже архи-революционная государственная власть» (Авилон 1917: 3).

В июле Базаров посвящает многочисленные выступления попытке скрепить отношения между разными течениями социал-демократии (разумеется, не между «лидерами», а между «товарищами-практиками» на местах, при поддержке около сотни делегатов всероссийского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов); главный идеолог «Новой жизни» предлагает социологическое истолкование большевистской «аберрации»:

<...> любопытно, что как раз самые резкие тактические призывы <...> находят особенно восторженный прием не в среде сознательно-революционных рабочих, а в той полупролетарской массе, которая теперь, в военное время, переполняет фабрики. Работающий на заводе «мелкий буржуа» — какой-нибудь разорившийся лавочник или уклоняющийся от воинской повинности дворник — всегда первый высказывается за сепаратную стачку, ибо его совершенно не интересует «классовая борьба пролетариата», закрепление его завоеваний и т.п.; все, что ему надо, — это нахватать поскорее побольше денег, чтобы при первом же удобном случае начать снова свое собственное маленькое дельце. Эти же неустойчивые, мелкобуржуазные элементы наиболее податливы и на всякого рода политический авантюризм, причем величайшая революционность сочетается у них нередко с антисемитизмом и другими чертами самого озлобленного черносотенства (Базаров 1917и: 3).

Но максимализму слева соответствовало доктринерство справа. Умеренное большинство Советов занималось, глав-

ным образом, риторическими турнирами на Государственном совещании и не принимало во внимание «организационные» требования новожиизненцев, несмотря на то что их поддерживал экономический отдел самого ЦК Советов, как писал Базаров в конце июля (1917л: 3). С другой стороны, Экономический совет при Временном правительстве, действовавший с первых чисел августа, с самого начала контролировался предпринимательскими кругами, вел интенсивную агитацию за полное «восстановление дисциплины» на рабочих местах и против внедрения государственного регулирования промышленности: «Представителей наших ведомств больше всего озабочивала мысль, как бы излишними стеснениями не отбить у избалованного русского капиталиста всякую охоту к промышленной деятельности» (Базаров 1917м: 3).

С опровержением тезисов Базарова о грядущей гегемонии общественно организованных производительных сил и о необходимости планомерной общественной организации мирового хозяйства путем создания «прочной диктатуры демократии» (т.е. Советов) в сентябре выступил меньшевистский экономист Петр Павлович Маслов (1867-1949), который в статье «Пораженцы революции» напомнил, что на четвертый год войны при нехватке капиталов, разрушении инфраструктуры и технической базы количество продуктов индустрии постоянно сокращается и товарообмен с деревней сведен почти на нет; в таком положении «диктатура <Со-

ветов> поведет к разгрому рабочего класса и разгрому социализма прежде всего, а вместе с тем и к разгрому революции».

Чтобы дать толчок развитию производительных сил, нужно увеличить средства производства в индустрии, т.е. количество угля, железа, машин и т.д. Так как производительные силы страны ограничены, то увеличение средств производства в первый период может произойти только за счет сокращения предметов непосредственного потребления или ввоза иностранного капитала. Так как производство находится в руках частных собственников, то увеличение производительных сил предполагает увеличение в их руках основного капитала (Маслов 1917в: 3).

Иными словами: поскольку, согласно главному меньшевистскому догмату, «буржуазный» этап революции еще отнюдь не исчерпан и революция не может принять социалистического характера, захват власти Советами приведет к дискредитации последних.

Демократия для организации производства и развития производительных сил должна бы заботиться в первый момент об увеличении контроля за счет непосредственного потребления или за счет иностранного капитала. Но иностранный капитал имеет все основания не доверять «диктатуре демократии». Остается другой путь, совсем не подходящий для демократии, — заботиться об увеличении средств производства в руках капиталистов за счет демократии. Ибо

мы все еще не живем в социалистическом строе, при котором увеличение средств производства является увеличением общественного достояния, а не достояния частных лиц.

При таких условиях «диктатура демократии» будет раздавлена не только буржуазией, которая толкнется в реакцию, но и самой демократией, которая увидит себя обманутой (там же).

Группе «Новой жизни», зажатой между большевистским максимализмом, меньшевистским доктринерством и циничным аферизмом промышленников, постепенно становится все сложнее осуществлять политический синтез: «Атмосфера военного коммунизма породила максимализм, — напишет уже после событий Октября не кто иной, как Богданов, бывшему союзнику Луначарскому (а теперь большевистскому наркому просвещения), — ваш, практический, и „Новой жизни“, академический. Который лучше, не знаю. Ваш открыто противонаучен; тот псевдонаучен. Ваш лезет напролом, наступая, как Собакевич, на ноги марксизму, истории, логике, культуре; тот бесплодно мечтает о социал-революции в Европе, которая поможет и нам, — Манилов» (Бордюгова 1995: 189).

Меньшевики и большевики в 1917 году: от VI большевистского конгресса до Октября

Изгнание большевиков из легальной жизни в начале июля ничуть не уменьшило ни политическое, ни социальное

напряжение; напрасно Маслов на страницах потресовского «Дня» старался доказать, что продолжающаяся война отнюдь не обогатила буржуазию за счет пролетариата: если домовладельцы и землевладельцы (и металлургические промышленники) действительно обогатились во время войны, то другая часть буржуазии — владельцы денежных капиталов, ценных бумаг, их кредиторы и т.д. — потеряла до трех четвертей своего имущества; вместо того чтобы раздувать вражду между пролетариатом и разными слоями буржуазии, одинаково разоренными войной, социалистам следовало бы укреплять их политический союз внедрением подоходного налога и обещанием отчуждения земель крупных землевладельцев в пользу крестьянства после окончания войны (Маслов 1917а: 3). Ситуация, по мнению меньшевистского экономиста, требует широкого политического согласия, а между тем «мы видим, что в области экономики логика масс находится в противоречии с объективными задачами революции: каждый класс надеется и стремится получить немедленно ту долю благ, на которую он рассчитывает как на результаты революции. Между тем, во имя ее завоеваний, при существовании войны революция требует отдать и ту часть благ, которая имеется у каждого класса» (Маслов 1917б: 3).

Несмотря на призывы к примирению со стороны Базарова (между социалистами) и Маслова (между «демократией» и буржуазией), на 6-м полулегальном съезде конца июля большевики, значительно укрепившись в провинциальных Сове-

тах, решили, что время мирной конфронтации окончено. Для них война стала не только и не столько инкубатором новой плановой организации хозяйства (как полагали «полубольшевики» «Новой жизни»), но прежде всего кузницей огромной массы вооруженных пролетариев (фабричных и сельских), организованных в Советы, которые под руководством революционной партии получают монополию на вооруженное насилие и смогут утвердить диктатуру пролетариата: «Русская революция непосредственно выросла из войны, — пишет Троцкий, окончательно перешедший в ряды большевиков. —

Война создала ей свойственную форму общенародной организации: армию. Главная масса населения, крестьянская, оказалась принудительно организованной в момент революции. Советы солдатских депутатов призвали армию к политическому представительству, причем крестьянская масса автоматически посылала в советы полу-либеральных интеллигентов, которые бесформенность ее ожиданий и надежд переводили на язык самого жалкого крохоборства и приспособленчества. Мелко-буржуазная интеллигенция, сама кругом зависимая от крупной буржуазии, получила руководство над крестьянством. Советы солдатско-крестьянских депутатов получили численный перевес над рабочим представительством» (Троцкий 1917: 19-20).

Учитывая характерное для Троцкого недоверие к крестьянству, стратегия ясна: рабочие должны сплотиться во-

круг «централизованной организации в общегосударственном масштабе» — большевистской партии, которая поможет им «завоевать для своей тактики солдатскую и деревенскую бедноту» (Троцкий 1917: 21) и противостоять Центральному Исполнительному Комитету Советов, целиком контролируемому правыми «мелкобуржуазными» социалистами. «Все прошлое развитие, — продолжает Троцкий со все большим воодушевлением, —

тысячелетия человеческой истории, классовой борьбы, культурных накоплений, уперлось теперь в одну проблему: и это есть проблема пролетарской революции. Нет другого решения и иного выхода. И в этом состоит огромная сила русской революции. Это не „национальная“, не буржуазная революция. Кто оценивает ее так, тот живет в мире призраков XVIII и XIX столетий. А нашим „отечеством во времени“ является XX век. Дальнейшая судьба русской революции непосредственно зависит от хода и исхода войны, т.е. от развития классовых противоречий в Европе, которому эта империалистическая война придает катастрофический характер» (Троцкий 1917: 26).

Аналогичные цели — но в более практическом ключе — преследовал и Ленин. 24 июля возникло правительство Керенского, по преимуществу кадетское, где эсерам и меньшевикам были предоставлены самые «неудобные» портфели (сельское хозяйство, транспорт и т.д.): «Дурачки эсеровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно

в лучах министерской славы их вождей, — так Ленин, скрывшийся после июльских дней, комментировал возникновение правительства. — Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице „вождей Советов“» (34: 63).

Новая ленинская тактика была изложена в статьях «О конституционных иллюзиях», «Начало бонапартизма», «Уроки революции»: текущая политика является имитацией демократии, поскольку отсутствует конституция (ее разработка отложена, ибо при данном соотношении политических сил она оказалась бы слишком «левой» для правящего класса); поэтому новое правительство с участием социалистов является отнюдь не шагом вперед, но, наоборот, попыткой предотвратить углубление революции: «С землей подожди до Учредительного собрания. С Учредительным собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит!» (34: 57) Меншевистское и эсеровское большинство советов своими колебаниями между радикальными лозунгами и поддержкой правительству обнаруживает мелкобуржуазный характер своего состава: «Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной „линии“ у него экономически быть не может. Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату. Его рассудок — тяготеет к последнему, его

предрассудок (по известному выражению Маркса) к первой» (34: 40. Цитата из статьи «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Пока положение представляется Ленину застойным: «буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их, а они уже бессильны, prostituiрованные господами Церетели, Черновыми и К°, оказать серьезное сопротивление буржуазии» (34: 49). Отказываясь от лозунга передачи «всей власти» уже бессильным Советам, вождь большевиков призывает к вооруженному перевороту, т.е. к низвержению правительства Керенского — «ширмы для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках» (34: 51).

На 6-м съезде новая тактика находящегося в розыске Ленина излагается Сталиным и вызывает возражения нескольких делегатов, недоумевающих относительно того, «что же теперь следует поставить на место Советов» (Шестой съезд 1958: 244). Итоговая резолюция отражает эти колебания: призыв к защите Советов сопровождается намеками на то, что пролетариат «должен направить все усилия на организацию и подготовку сил <к решительному бою>» (последние слова были затем вычеркнуты из документа) (там же, 249). Пусть в пока неясной и нерешительной форме, но перспектива восстания становится стержневой линией большевистской программы; впрочем, это не мешает большевикам сотрудничать с братьями-соперниками меньшевиками как в советах, так и в

профорганизациях, вплоть до общих партийных социал-демократических организаций (13 организаций, около 20 тыс. членов).

Ленинская установка (класс против класса, захват власти в целях обеспечения интересов не только пролетариата, но и общенародных) представлена как единственно возможная прогрессивная реакция на процесс экономического разложения: в этой связи лидер большевиков сочувственно цитирует Базарова, заявляющего в «Новой жизни» (Базаров: 1917А) о «вакханалии мародерства», вызванной тем, что война делает более прибыльным для предпринимателей «не укрепление и развитие производительных сил страны, а их разрушение» (см. выше). «Вакханалия мародерства, — вторит Базарову Ленин, — нет иного слова для поведения капиталистов во время войны. Эта вакханалия ведет к гибели всю страну. Нельзя молчать. Нельзя терпеть» (32: 203). Анализируя «приближение катастрофы», Ильич охотно цитирует высказывания левых меньшевиков и представителей «Новой жизни», требующих государственного регулирования хозяйства, твердых цен, монополии на распределение товаров, контроля над кредитными учреждениями, трестирования промышленности и т.д. Все правильно — заключает Ленин, — но те, кто выдвигает эти предложения от имени временного правительства (вернее — от имени его представителей-социалистов), «как будто забыли <...> о том, что „государство“ есть машина, которую рабочий класс и капиталисты тащат в разные стороны. Ка-

кой класс способен теперь осуществлять государственную власть?» (32: 206). Опять же, кардинальный вопрос об исполнительной власти исходит из того, что буржуазное государство, машину социального насилия, следует сломать: «не ясно ли, что вопрос об аппарате государственной власти есть лишь частичка вопроса о том классе, в руках коего власть находится? <...> „Принудительность“ — хорошая вещь, но вопрос весь в том, какой класс будет принуждать и какой должен быть принужден? <...> Все признают, что неслыханная катастрофа неминуема. Но не понимают главного: вывести страну из нее способен только революционный класс» (32: 207-208).

После неудачного корниловского переворота правительство Керенского сохранилось — хотя и в слегка измененном составе — благодаря упорству меньшевиков-центристов Церетели, но выборы в советы (1-9 сентября) привели к резкому изменению соотношения сил в пользу большевиков и вообще элементов, решительно требующих перехода власти к тем же Советам. Петроградский совет, председательство которого переходит от Цхеидзе к Троцкому, вместе с московским и другими 80 местными Советами принимает соответствующую резолюцию, что приводит в ужас публицистов-меньшевиков: по мнению Потресова, с момента их «большевизации» Советы «уже вычеркнуты из списка прогрессивных созидательных элементов русской общественности»; радикализация советского представительства предопределена «тем процес-

сом, который неуклонно в течение всех истекших месяцев революции шел в среде рабочих масс России, все резче отделяя эти массы от общенациональных задач революции, все полнее вовлекая их в водоворот анархо-синдикалистского умонастроения, вернее — в максимализм бунтарства старорусского типа, известного нам еще от Смутного времени» (Потресов 1917г: 3).

Но время работает на Ленина. 14 сентября он еще зовет к мирному развитию революции под эгидой Советов, но ставит такие условия (рабочий контроль, отчуждение земель, цензура против реакционной пропаганды «буржуазии»), которые заведомо неприемлемы для других социалистических партий. В самом деле, как явствует из писем к ЦК и к петроградскому, и московскому комитетам РСДРП(б), озаглавленным «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», по мнению Ленина, уже настала пора действовать насильственным путем: «восстание есть искусство» — повторяет он тезис из статьи «Революция и контрреволюция в Германии» (1851-1852, подп. К. Маркс, наст. автор Ф. Энгельс). В русских условиях это означает:

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых

рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма. Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции (34: 242, 243).

Ленинские письма вызывают оживленные споры в петроградском комитете большевиков (Куделли 1927), а временно управляющие партией (за отсутствием Ильича) Каменев и Троцкий решают до поры до времени не предавать их огласке (см. Протоколы 1958: 55), но установка Ленина на восстание не является тайной ни для кого: «Да, если бы дело шло о химическом эксперименте, то тогда можно было бы так рассуждать, — комментирует большевистскую тактику Дан. —

Но мы, несущие ответственность за русскую революцию, мы, взявшие на себя представительство не сегодняшних предрасудных масс, а их классового исторического разума, мы могли бы спокойно сказать этим массам: сделайте этот эксперимент, и вы сами убедитесь, что мы не в состоянии его провести. К сожалению, сделать такой эксперимент — значит лишить массы возможности использовать плодотворный урок, потому что этот путь ведет к кровавому поражению народа и к гибели русской революции» (Меньшевики 1996: 353).

Но, единодушно отвергнув линию большевиков, меньшевики никак не могут выработать свою собственную: коалиционное правительство с буржуазией? Однородное социалистическое правительство? А если так, то с большевиками или без них? Неслучайно умеренные эсеры критикуют соперников-марксистов меньшевистской партии при помощи их же «объективного» экономического анализа: «Мы здесь только и говорили, что, с одной стороны, коалиция — гибель России, а с другой стороны, коалиция не гибель России. Больше никаких доказательств не приводилось. Куда девались история и собственные взгляды?» — Так иронизирует эсер Осип Минор в ходе очередных прений на государственном совещании. —

Ведь здесь находится большинство соц<иал>-дем<ократов>, стоящих всегда на определенной точке зрения, что известные формы политической жизни есть результат известных условий экономической жизни и производственных отношений. Неужели все это забыто и вы думаете, что из пределов существующего можно прямо перескочить к новым формам, не соответствующим данным экономическим отношениям? («День», 20.09).

И экономист-эсер Питирим Сорокин в ответ на призыв «взять власть в свои руки, создав однородное правительство или дать власть исключительно Советам» спрашивает: «предложен ли какой-нибудь реальный план, сказано ли, где и как добыть те 15 миллиардов, которые нужны государству до кон-

ца года?» Он же возгласам с мест («из карманов буржуазии!») отвечает: «Из карманов буржуазии вы добудете не более миллиарда» (там же).

Екатерина Кускова — «легальная» марксистка первого призыва и вдохновительница кооперативного движения — поет лебединую песню умеренного реформистского социализма в своем последнем выступлении перед Временным советом Российской республики меньше чем за неделю до большевистского переворота:

С той анархией, которая сейчас развивается в стране, мы, безусловно, не можем не только оборонять страну, но и оборонять революцию. Одну революцию гораздо меньшего масштаба — революцию 1905 г. — мы на этой анархии уже проиграли. И вопрос о борьбе с анархией для нас всех стоит совершенно одинаково. В данный момент ни один вопрос не может быть решен без водворения порядка в стране, — называйте его как хотите, порядком корниловским или революционным. Если мы видим, что массы действительно несчастные, замученные еще при самодержавном строе, разнуздались, то мы должны сказать, что немедленно должны быть исчерпаны все средства, вплоть до принуждения, чтобы ввести эти массы в русло организованной защиты своей родины. Говорить о необходимости принуждения для борьбы с анархией не значит обуздать революцию. Мы сюда собрались для выявления той средней линии, которая дала бы власти возможность ориентироваться, с какими силами она имеет дело и какой договор возможен между различными, раздираю-

щими страну, интересами <...>. Мы должны вместо того, чтобы вести спор на такой бесплодной почве, как реформа или оборона, сделать все, чтобы массы и армия не страдали от разрухи и от разрушения войны настолько, чтобы они уже только с проклятием шли на фронт. Советы рабочих депутатов должны обратить серьезное внимание на производство труда. Московский отдел министерства труда имел возможность последнее время зарегистрировать, что из 150 предприятий московского района, который он обследовал, лишь четыре могут существовать без убытка, благодаря страшному повышению цен на рабочие руки, сырые материалы, топливо и т.д. Рабочие комитеты должны точно определить те цели, ради которых они поставлены. Ничто так нас не объединит, как минимальная доза правового элемента в наших отношениях («День», 13.10).

Из выступления Кусковой явствует, как мало шансов оставалось для мирного решения социальных конфликтов. 7 ноября — переворот. Но история движется дальше, и кто-то должен ее творить...

Поздний Ленин

История послереволюционных лет служит отличным примером того, что принято называть «гетерогонией целей», т.е. расхождением между целями, которые сознательно преследует субъект, и объективными результатами его поведения. Сам Ленин вскоре после переворота переосмыслил вопрос о

диктатуре пролетариата и формах, которые она приняла или обещала принять. В брошюре «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (апрель-июнь 1920 года) под предлогом критики спонтанности и установки на внепарламентскую борьбу европейской крайней левой большевистский вождь имплицитно признается в собственной недооценке трудностей:

Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а их *нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужитья*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию (41: 27).

В октябре 1917 года казалось легким делом упразднение государства и уничтожение классов путем всего лишь нескольких кардинальных мер; теперь же, ввиду огромной сложности социально-экономических отношений в охваченной глубоким кризисом стране, Ленин призывает к партийной дисциплине, чтобы пролетариат исполнял «организаторскую роль (а это его главная роль)», поскольку «сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила» (41: 27).

Большевики оказались в состоянии взять власть лишь благодаря исключительным обстоятельствам (война и централизация экономики, крестьянское движение, неустойчивость буржуазных структур власти), но им было трудно направлять социальные изменения в неблагоприятных обстоятельствах отсталой страны: «России в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко начать социалистическую революцию, тогда как продолжать ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам» (41: 47-48)⁴¹. Усложнение проблем, стоящих перед революционером, который становится государственным деятелем, уподобляется Лениным переходу от арифметики к алгебре и к высшей математике (41: 88).

Поэтому Ленин отговаривает западных коммунистов от попытки механического приложения большевистской модели путем внепарламентского форсирования: при более устойчивой демократической и парламентской традиции и при наличии буржуазии, более искусной в осуществлении гегемонии, коммунисты должны участвовать в учреждениях и готовиться к долгой позиционной войне. Согласно «основному закону революции», трижды проверенному в России эмпирически, чтобы взять власть насильственным путем, мало усилий сознательного пролетариата: «для революции недостаточно,

---

41. Из этого ленинского высказывания Бухарин извлечет общее положение: «мировой революционный процесс начинается с низших по своему уровню частичных систем мирового хозяйства, где победа пролетариата легче, но кристаллизация новых отношений труднее; скорость наступления революции обратно пропорциональна зрелости капиталистических отношений и высоте типа революции» (1920: 152).

чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» *не хотят* старого и когда «верхи» *не могут* по-старому, лишь тогда революция может победить <...>: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса» (41: 69-70).

Именно общенациональный кризис и угрожал вот-вот повториться в России, опустошенной гражданской войной и военным коммунизмом. Последний политический шедевр Ленина — это навязывание Новой экономической политики в попытке «привлечь к себе <...> культурнейшие из обученных капитализмом элементов, их взять на службу против мелкособственнического распада» (43: 217)⁴². Целью позднего Ленина была модернизация народного хозяйства и доведение его (при помощи диктатуры пролетариата) до инфраструктурного и организационного уровня Германии:

Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле про-

---

42. «Речь Ленина на партийном съезде очень интересна. Ее можно было бы снабдить эпитафией: "легче на повороте!" <...> Партийный съезд тает не по дням, а по часам, и настроение на нем крайне подавленное... Ленин пошел бы на большие уступки, если бы не противодействие фанатиков» (из дневника Н. Мендельсона, цит. по: Галушкин 2005: 41).

изводства и распределения продуктов <...>. Социализм немислим вместе с тем без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. История (от которой никто, кроме разве меньшевистских ту-пиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка, под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны (43: 210-211).

Простая формула: модернизация плюс диктатура пролетариата равно социализм или почти равно. Согласно прогнозу Ленина (1922 год): «Если электрификация через 10-20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму» (43: 382). Лишь достигнув определенного технологического уровня, — пишет Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» (март 1923 года), — «мы в состоянии будем пересестъ, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалою, с лошади экономии, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролета-

риат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т.д.» (45: 405).

Весьма быстро изменяются и ленинские представления о конкретных способах развития полуразрушенной русской экономики. В 1918 году казалось, что благодаря сверхъестественным возможностям «государственного капитализма» установление социализма является делом нескольких месяцев, если не недель (см. 43: 206, 207): лишь бы сохранить полное огосударствление экономики — и наступающая всемирная революция довершит дело. А в начале 1921 года этот курс оказался безнадежным: «Как же быть?» — спрашивает Ленин в статье «О продовольственном налоге» (май 1921 года), специально написанной в целях оправдания НЭПа. —

<...> пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.е. торговли, т.е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее <...>. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая именно в такую политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непремен-но надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет (43: 222).

В стране с преобладанием мелкого и мельчайшего аграрного хозяйства, организованного в докапиталистических формах, нужно не «пытаться запретить или запереть разви-

тие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма» (там же); Ленин выделяет прежде всего *кооперацию* как экономическую форму, способную создать предпосылки для будущего социалистического хозяйства (43: 225 и далее). В октябре 1921 года он записывает: «После великих политических и военных переворотов нужно длительное их переваривание в смысле культурном и хозяйственном. Nous y sommes» (44: 472); а в ноябре, в статье «О значении золота», утверждает: «Не дадим себя во власть „социализму чувства“ или старорусскому, полубарскому, полумужичьему, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том надобность» (44: 227). Тем не менее внедрение НЭПа и уступки разнообразным формам кооперации все еще воспринимаются Лениным как стратегическое отступление, и идеальное будущее, к которому следует стремиться — это опять-таки обмен материальных ценностей без денежного обращения и без понятия «товара». А пока следует довольствоваться постепенной реформой существующих отношений: если до революции — при господстве буржуазии — реформизм отвергался Лениным, как «побочный продукт революционной классовой борьбы», после революции — при диктатуре пролетариата — реформы являются, наоборот, «необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего

их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода» (44: 228, 229).

Но уже через несколько месяцев Ленин еще раз переставит акценты: «За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем», — смущенно признает он в марте 1922 года, на XI съезде ВКП(б) (45: 80). Если в первые месяцы преобладала установка на НЭП как кратковременное стратегическое отступление, то начиная с доклада на XI съезде Ленин подчеркивает необходимость и экономической стабильности, обеспеченной НЭПом, и долговременного педагогического дела в отношении архаично мыслящих народных масс: «Теперь <...> мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм», — читаем в статье, которую можно считать политическим завещанием Ленина, — «О кооперации»:

Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу <...>. Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства (45: 376).

Кооперация уже не воспринимается как временная поддержка, как уступка мелкобуржуазным представлениям крестьянства, но расценивается как «путь возможно более простой, легкий и доступный для крестьянина», чтобы достичь социализма (45: 469, 470). Когда это произойдет — уже не считается первостепенным вопросом, наоборот: «Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм, — утверждает Ленин. — Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы» (45: 367). Со сменой мужицкой лошадки на лошадь социалистической индустриализации пока придется повременить.

Сопровождающиеся марксисты: споры под горячую руку

Почти во всем несогласные между собой, меньшевики выступали против Октября рассредоточено и поплатились за свое разъединение мизерным результатом на выборах в Учредительное собрание: 3,15% против 39,5% у социалистов-революционеров и 22,5% у большевиков. Зато стражи второинтернационалистской ортодоксии искренне пытались разобраться в происходившем и тем самым предоставили нам любопытный теоретический материал. В весьма трудных и тревожных обстоятельствах, без отопления и электричества,

состоялся декабрьский меньшевистский конгресс, и если в ходе выборов руководства преимущество получили максималисты Мартова, то в плане анализа ситуации мнения кардинально разошлись. Эти прения стали последним выступлением меньшевизма как реальной политической силы.

«Словесный фонтан» (выражение одного из делегатов) запустил утром 30 декабря центрист Либер, который «в коротких рубленых фразах дал выход разнообразным чувствам, обуревавшим его: отчаянию бессилия, горечи разочарования и отвращению к происходящему вокруг» (Ненароков 2011: 291). Либер — возможно, не без влияния идей Богданова — истолковывает октябрьские события как следствие экономического развала: «Революция явилась не в результате развития производительных сил, не вмещающихся уже в старой государственно-правовой оболочке и разрывающих ее, а в результате глубокой деградации всех сил страны. И это проявление деградации было принято за проявление силы, дало возможность представлять Россию революционным авангардом» (Меньшевики 1997: 377). Отсюда обманчивость «революционного» характера событий всего 1917 года: «Создавалась иллюзия, будто революционная демократия — это вся Россия, будто вся Россия — наша прочная база <...>. Движение к миру было принято за выражение подлинных революционно-демократических стремлений, тогда как в действительности в основе всего лежала жажда мира во что бы то ни стало. И это-то привело к перевороту 25 октября». Но, про-

гнозирует Либер, после достижения уже близкого Брестского мира, массовая поддержка большевиков и вообще левых сил прекратится:

Поистине никогда пролетариат не был участником более трагического маскарада. Чуждое нам движение мы приняли за осуществление наших собственных идеалов.

Внутри у нас происходит то же, что происходило в 1905 году. И тогда видимый размах революции был шире ее социального базиса. И тогда уже говорили о «перманентной революции».

И тогда это было выражением нашей отсталости, результатом отсутствия у нас организованных средних слоев. Поэтому всякое крайнее движение, крайняя сила, развивалось беспрепятственно, не встречая никаких задержек на своем пути (там же: 378).

Настоящим двигателем «революции» является армия, т.е. группа, не представляющая отдельного социального класса, но действующая теперь под напором крестьян-солдат: «вовлеченное на почве неудовлетворения его специальных интересов», крестьянство, как только эти интересы будут удовлетворены, отстанет от движения, перестав быть «не только социалистическим, но и вообще революционно-демократичным» (там же: 379). Революционный спад приносит с собой «разочарование в самих принципах демократии, в необходимости демократических учреждений: всеобщего избирательного права, свобод, демократической республики, Учре-

дительного Собрания, и т.д.): вероятнее всего, итогом будет установление авторитарного реакционного режима, так как «это — не неудачная социалистическая революция, это — удачная контрреволюция» (там же: 383). Задача меньшевиков — это защита (вместе с буржуазными прогрессистами) демократических завоеваний и попытка отрезвления той части рабочего класса, которая поддерживает большевизм: «Мы не должны быть рабами настоящего, — заключает Либер. — Мы — классовая партия, защищающая будущее народа, и потому мы должны во имя этого будущего бороться с реакционными моментами его настоящего».

Далее следует выступление Мартова, отнюдь не склонного считать октябрьскую революцию случайным событием или вырождением той революции, которая — как меньшевики всегда утверждали — должна была носить буржуазно-демократический характер: русские марксисты, включая Плеханова, всегда признавали, что «в ходе революции буржуазия может творить, закладывая <основы нового государства — Г.К.>, но революция может перерасти ее творческие силы и, как и во всех революциях западных, может совершиться момент, когда революция будет развиваться против буржуазии» (там же: 386). Большевики приобрели силу, необходимую для переворота, в том числе благодаря неверной политике меньшевиков, которые — вместо того чтобы осуществить «качественный скачок» в революции путем заключения мира и аграрной реформы, упорствовали в поддержке коалици-

онного правительства. Правда, тактика заговора и впрямь «является характерной формой революции, совершенно не социалистической, а анархистской», но, раз переворот совершен в интересах пролетариата, меньшевики не могут от него отказаться: «Поэтому в основе нашей политики, как политики классовой партии, лежит принцип — не назад от большевистского переворота к коалиции, а вперед к осуществлению намеченных, но неосуществленных задач путем восстановления единства пролетарского движения и координации сил пролетарской и мелкобуржуазной демократии» (там же: 388).

Потресов выступает последним, резко опровергая предыдущих ораторов: утверждение Либера о том, что солдаты свергли царизм из-за усталости от неудачной войны, неверно. Как истый оборонец, Потресов считает, что «в перевороте сыграли мотивы, не отчетливо государственные. Царский режим пал из-за продовольственной разрухи, и не усталость сказывалась, а, скорее, боязнь предательства, зародившегося при царском дворце, но это не выросло в национальное чувство спасения страны. И это сыграло фатальную роль» (там же: 390). Еще более неправильным, по мнению главы оборонцев, является мнение Мартова об Октябре как о «качественном скачке» революции, неприемлемом по форме, но положительном по сути:

Всякий, кто был свидетелем, знает, что пролетариат в Петрограде остался пассивен. Были отряды красной гвардии, но в рабочих

кварталах было не то выжидательное, не то равнодушное настроение. Нельзя говорить о народной волне, поднявшей и снесшей коалицию. Это было бы вопиющим надругательством над фактическим характером революции — поразительное равнодушие масс, позволяющих группе режиссеров, опирающихся на силу штыков, осуществить переворот. И в этом перевороте гораздо больше не Европы, а Азии. По существу, это должно было напомнить XVIII век, хотя тогда лейб-компания совершала дворцовые перевороты, а у нас социалистическую революцию. Ибо делать социалистическую революцию за четыре недели до Учредительного Собрания — это странная диктатура, которая началась с отрицания всеобщего избирательного права. Здесь нет ничего общего с пролетариатом и социалистической революцией. Пролетариат был, но движущей силой были гвардейцы (там же: 388).

Если коалиция с буржуазными партиями была правильной, по мнению Либера, и губительной, по мнению Мартова, то Потресов утверждает, что «коалиции, принявшей определенный компромисс и проводящей его в жизнь, не было. Была однородная социалистическая власть, пользовавшаяся силами отдельных буржуазных министров». Позиция, как видим, прямо противоположная ленинской, с ее осмеянием «лучей министерской славы», ослеплявших министров-меньшевиков в то время, как буржуазия пользовалась безраздельной реальной властью (см. выше). По мнению Потресова, коалиция была фикцией и правительство было беспомощно,

ибо «не было в русской действительности реальных условий для действительной коалиции ни в рядах буржуазии, плохо организованной, ни в самом пролетариате, носившем в себе многое от вольницы XVII века, не знавшем, что можно, чего нельзя» (там же: 391).

Итак, привлекательность большевизма была предопределена российской социальной недоразвитостью и политической инфантильностью. Но это увлечение будет кратковременным: «Вера в возможность перескочить через рамки буржуазной революции должна быть изжита, и мы живем в этот период изживания ее <...>. У большевиков идея, что они будут располагать силами интеллигенции — это не осуществилось, и сейчас мы присутствуем при крахе идей диктатуры пролетариата» (Меньшевики 1997: 392). В ближайшем будущем Потресов видит «катастрофический переворот» и «анархические конвульсивные попытки, но неизбежен близкий поворот всех сознательных слоев, когда будет признана необходимость не только классовой самостоятельности, но и национального единства» (там же). Если меньшевики хотят играть какую-нибудь роль в будущем России, они «должны отмежеваться» от большевиков как можно более решительным образом.

Вечернее заседание открывает Дан, «чья позиция до этого неоднократно обеспечивала хрупкое единство партии» (Ненароков 2011: 298); и в этот раз он пытается выработать линию, приемлемую для всех сторон. Мартов, по его мнению, неправ в своей недооценке реальных настроений армии и характера

ее деятельности, которые сам Дан рассматривает не только как надклассовые, но и как реакционные: «Русская революция была произведена контрреволюционной силой. Отсюда ее размах и ее слабость, обусловленная отсутствием здорового классового элемента». В этом отношении — то есть «насчет превалирования в нашей революции деклассованных элементов» — прав Либер, который зато впадает в противоположную крайность, т.е. недооценивает то, что «в движение это втянуто огромное большинство пролетарских масс, подчиненных ему иллюзией с помощью штыков совершить социальный переворот. Эта иллюзия настолько глубоко проникла в рабочие массы, что даже петроградские рабочие-меньшевики иногда спрашивают: а почему это невозможно?» (Меньшевики 1997: 395).

Воздержавшись от критики позиций Потресова (очевидно, в надежде блокироваться с ним), Дан подводит итоги: «наша задача в настоящий момент — такая ликвидация большевистской авантюры, при которой рабочий класс кроваво не пострадал бы»; итак, следует избежать «катастрофической ликвидации вооруженной силой» и, напротив, искать «путь медленного оставления анархо-синдикалистских позиций массами и собирание их вокруг классовой программы». Речь снова идет о необходимости «однородного социалистического правительства», и для его достижения Дан предлагает несколько витиеватую стратегию: «Мы предлагаем соглашение не с теперешними лидерами большевизма, а с теми, кто идет под большевистскими лозунгами. Отход рабочих масс

от большевизма отнюдь не выразится в том, что рабочие перестанут называть себя большевиками. Но в этот большевизм они будут постепенно вкладывать иное содержание. Это и создаст возможность соглашения» (Меньшевики 1997: 395). Дан исключает возможность возврата к старой коалиции с буржуазными партиями, но и старается не плестись в хвосте большевистского руководства: компромиссное решение, которое уже не могло удовлетворить ни правых, ни левых меньшевиков.

В ходе споров тон делается все более жестким: «Что пролетариат в буржуазной революции не должен перескакивать через объективные рамки — это истина, — заявляет интернационалист Абрамович, — но она не должна быть единственным критерием действий партии. Ни в одной революции ни один класс не вел себя по схеме. Пай-мальчики живут в сказках, но не в здоровой жизни. Все классы действуют по-большевистски, по инстинкту. Лишь разбивая лоб, классы научались самоограничению» (там же: 400). Из этого следует, что «большевизм — не солдатское движение. Большевизм — выражение стихийных неизбежностей, настроений рабочих масс» (там же). Это меньшевистские лидеры «не освободились от психологической морали интеллигентской борьбы за свободу <...>. Революция обнаружила две тенденции. Одна сторона ее — анархия и тому подобное, но в ней здоровые тенденции развития революции» (там же: 401-402).

Снова берет слово отнюдь не склонный к компромиссам Потресов:

Когда-то был центральный клич: «Долой самодержавие!» Так и теперь должен быть центральный клич, определяемый борьбой за демократизацию России, за Учредительное Собрание, которое подвергается опасности. К сожалению, об это там <жест в сторону интернационалистов> — мало слов, и я не знаю, является ли эта задача для них центральным моментом. Если б это было не так, то не слышали бы мы о возможности соглашения с большевиками, нелепой формулы — от народных социалистов до большевиков, когда народные социалисты и социалисты-революционеры проявляют в этом вопросе еще больше твердости, чем мы (там же: 404).

Из конца зала перебивает Мартов: «Конституционные демократы еще тверже!», намекая на идеологическую близость «оборонцев» буржуазным партиям. Потресов отвечает едко:

Да! Конституционные демократы более твердые защитники демократии! Когда народ развращается партией, называющей себя социал-демократической, тогда в народе убивают начинающий развиваться демократизм. Когда грозят разгоном Учредительного Собрания. Когда формула прусских юнкеров — «и король абсолютен, если он творит нашу волю» — прививается народу, это убийство демократизма в России. Вы знаете, как воспринимается теперь этот переворот в массах? Я сам слышал: «На нас поездили, теперь мы будем ездить!» Это демократия? Нет, это мелкий хозяйчик! Тов. Абрамович говорил: «Надо брать рабочий класс как он есть, рабочий класс не

дорос до коалиции». Я скажу: он вообще не дорос до социал-демократии, а только до большевизма, до анархизма, до анархических, бунтарских движений! (там же: 404)

Абрамович, понятное дело, обижается и кричит из зала: «Так бросьте рабочий класс!» Потресов охотно принимает вызов, вероятно догадываясь, что это выступление — его последнее завещание в качестве национального политического лидера: «Тов. Абрамович мне подсказывает: Так бросьте рабочий класс! — Нет! Не брошу! Я только не имею претензии быть представителем всего рабочего класса в каждый момент, а только его авангарда! В Австрии, когда большинство рабочих было за антисемитами, разве с ними социал-демократы боялись бороться? <...> Но неверно, что рабочий класс навсегда прирос к идеям максимализма. Теперь начинается поворот, и мы должны его учитывать» (там же: 404). Достается и примиренчески настроенному Дану:

Как-то тов. Дан сказал, что идеологические перевороты совершаются таким образом: мы будем причесывать большевистскую массу помаленьку-полегоньку, пока у нее не останется ничего большевистского. Эта идеология ничего общего с действительностью не имеет. В действительности повороты в сознании массы носят катастрофический характер, и при этой катастрофе мы присутствуем, которая катастрофически отразится на идеологии рабочего класса <...>.

Мы на переломе, когда большевизм у власти и вынуждает бо-

роться с высшим выражением всенародной воли страны. Мы должны пойти в рабочий класс с отчетливой проповедью борьбы с большевиками. Надо сказать — у нас нет ничего общего с большевизмом. И у нас больше общего с буржуазной демократией, чем с ними. Как в Европе — у социалистов больше общего с либералами, чем с социализмом дураков <...>.

Никогда <большевизм> не позволял себя причесывать. Он непоколебим. Его можно сломить, но не согнуть. Это смешно! Можно только хохотать! (там же: 404, 405)

Насмешливость не заражает Мартова, который расценивает позицию Потресова как прямой призыв к контрреволюции:

Те, кто говорит, нельзя соглашаться с большевиками, тот говорит — коалиция, и именно с контрреволюцией. Ведь те, кто думает, что буржуазия более прогрессивна, чем утопическое крестьянство, должны признать, что большевизм на годы отбросил буржуазию к контрреволюции. Так же формы народных восстаний отбрасывают к контрреволюции широкие слои.

Буржуазия, если примет руку нашу, лишь чтобы раздавить ее. Часть социал-демократии, ушедшая туда, никогда не вернется, ей отрезан путь к рабочим (там же: 408).

Против Мартова и левого большинства выступил и Анбер. Тон становится все более мрачным:

Мартов говорит, что большевики имели успех, а мы нет, ибо стоим на неправильной точке зрения. Ложь, что массы идут за большевиками. Большевики идут за массой. В атмосфере нашей революции мы должны были быть разбиты, ибо мы выступали против требований, ведущих к разрушению промышленности.

Большевики же принимали все! Массы разочаровались? Нет! У большевиков нет программы, в которой можно разочароваться. Они идут за массами, вплоть до снятия калош с буржуев. В этом вы не сможете пойти за ними. Даже вы, которые так тщательно отмежевались от нас, которые создали атмосферу явного сочувствия большевикам, — теперь я спрашиваю вас, где ваши успехи, где ваша награда? <...> Зачем вы нужны, когда есть большевики первого сорта! (там же: 410)

Меньшевики, разумеется, разделились и по всем стратегическим вопросам: отношение к перемирию с Германией, допустимость участия в советских учреждениях, подвластных большевикам и в рабочих контрольных органах на предприятиях, вопрос о будущем федеральном устройстве страны. Неудивительно, что из конгресса не вышло ни одной общей резолюции, объединяющей уже диаметрально противоположные точки зрения, присутствующие в партии.

В ожидании созыва Учредительного собрания меньшевистские лидеры утешали себя исповедальными письмами к старому и больному патриарху Аксельроду. Например, Мартов защищался от обвинений в большевистском укло-

не: «„большевизм“ этот, конечно, заключается в том, что мы не считаем возможным от большевистской анархии апеллировать к реставрации бездарного коалиционного режима, а лишь к демократическому блоку, что мы за преторьянско-люмпенской стороной большевизма не игнорируем его корни в русском пролетариате» (там же: 584). Совершенно другого мнения о «преторьянско-люмпенском» режиме большевиков придерживался Дан, как явствует из письма тому же Аксельроду: «Ленинский переворот — это огромный солдатский бунт, бунт 10-миллионной армии, захотевшей мира, во что бы то ни стало. Не классовое движение, а движение деклассированных. Не социализм, а типичная анархия» (там же: 532); ему вторит Вера Засулич: «Не капиталистический способ производства они превращают в социалистический, а истребляют капиталы, уничтожают крупную обрабатывающую промышленность» (цит. по: Ненароков 2011: 329).

Сопротивляющиеся марксисты: ретроспективные анализы

Меньшевистское неприятие ленинских начинаний исходит из тезиса, сформулированного Плехановым в его последних, резко антибольшевистских выступлениях: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производи-

тельных сил <...> Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства» (Плеханов 1921, 1: 26).

И Ленина, как мы уже видели, тревожил вопрос о хозяйственной отсталости в России. Проблема была ясна не только ему, но и тем марксистам, для которых Октябрь был роковой ошибкой. Так рассуждал уже в 1918 году экономист-меньшевик Петр Маслов (1867-1946):

Стоит только познакомиться с преобладающим типом предприятий в земледелии и в кустарном производстве, занимающем наибольшее число рук в индустрии, чтобы прийти к заключению, что революция не может ввести социалистического строя, пока капиталистическое производство не создаст для него материальные условия. Великая русская революция в первые годы только отколет индустрию от земледелия в деревне, отколет посредством капитализма, а социализм лишь «в более или менее отдаленном будущем» снова соединит их в гармоническое целое. Не отколовшись от земледелия в мелких хозяйствах, индустрия не может технически сформироваться в общественное производство, так как первобытная техника кустаря не может сохраниться, а изменение техники расколет полуземледельческое хозяйство. Творить же новые предприятия на новых технических началах из ничего даже и революция не в состоянии, хотя она и обладает огромными творческими силами (Маслов 1918: 151).

Итак, речь идет о первоначальном накоплении капитала, необходимом для коренной переделки хозяйственного устройства страны: по мнению Маслова, такое накопление возможно лишь при капитализме, к которому Россия скоро и возвратится. Ленинская теория о переходе от империалистической войны к революции абсурдна, и в том числе потому, что именно война, частично разрушив европейскую и особенно русскую производственную инфраструктуру, отдала, а не приблизила переход к высшей системе экономических отношений; то, что большевики принимают за революционный прыжок в социализм — не что иное, как «анархия» и экономическая энтропия: «Уже с первых дней русской революции для меня были ясны черты гнилостного ее распада, вызванного войной, и перебегающие болотные огоньки ни на один момент не казались мне революционными маяками» (Либер 1919: Предисловие), — писал в 1919 году другой видный меньшевик.

По мнению аналитиков-меньшевиков, не хватает не только производственной инфраструктуры, но и рабочего класса, который по численности мог бы стать классом-гегемоном в России. Снова Плеханов, в открытом письме петроградским рабочим, проводит свою линию: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если

бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист» (Плеханов 1921, 2: 246). Так считает и Маслов:

Рабочий класс в России не может взять на себя организацию производства, потому что он представляет собою меньшинство населения страны. Другие классы даже численно значительно преобладают <...> Происходящая революция, будучи буржуазной революцией, т.е. сохраняющей все основы капиталистического строя, может вместе с тем быть — и неизбежно будет — социальной революцией, которая повлечет значительный сдвиг экономических отношений не в сфере организации производства, а в сфере распределения национальных доходов между разными классами (Маслов 1918: 142, 143).

Иными словами, революция была и будет неизбежно буржуазной, но рабочие будут зарабатывать чуть больше, и крестьяне будут платить чуть меньше налогов. Кстати о крестьянах: меньшевики считали само собой разумеющимся, что (как утверждал уже Церетели в Учредительном собрании) единственная общественная группа, выигравшая от революции — это именно они: мелкая аграрная буржуазия, сумевшая превратить большевиков в свой политический инструмент, на что намекал уже Либер, отождествлявший большевистскую политику с народническими теориями и даже с неославянофильством (см. Либер 1919: 17). В 1922 году, в

разгар НЭПа, последователь Мартова Давид Юрьевич Далин (Левин, 1889-1962) поставил эту проблему более определенно: «объективный смысл революции», по его мнению, состоит в том, что «революция, которую переживает Россия вот уже пятый год, с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией <...>. Почему таков итог коммунистической революции? <...> Потому, что интересы крестьянства решали судьбу всей политики» (Далин 1922: 7, 10, 13). Далее опять следуют обвинения в неонародничестве.

Разумеется, совсем по-другому оценивали большевизм настоящие народники. В сборнике «Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота», поспешно выпущенном эсерами в 1918 году, Дмитрий Самойлович Розенблюм (1873-1939) — представитель правого крыла партии и делегат Учредительного собрания — истолковывает большевистский переворот как мятеж деклассированного крестьянства:

Громадный спрос на рабочие руки, предъявленный военной промышленностью, лишившиеся части своих постоянных рабочих, призванных в войска, отвлек из деревни соблазном высоких заработков многочисленные слои трудового крестьянства. Именно этим притоком сельского населения объясняется, помимо наплыва беженцев, тот рост городов, который был отмечен статистикой в первые годы войны.

Но это увеличение класса наемных рабочих имело одну особенность: оно носило временный, преходящий характер. Это не был обычный, свойственный капиталистическому порядку рост города за счет деревни, рост индустриализации хозяйства и населения. Вызванный исключительно потребностями военного времени, новый пролетарий не становится постоянным промышленным рабочим, который, «вывариваясь в фабричном котле», дает специфический тип работника, так восприимчивого к учению современного пролетарского социализма <...>. Так создался рабочий, психический склад которого чужд промышленному строю крупной капиталистической фабрики, рабочий, не связанный с нею всеми корнями своего существования. Временно занятый в промышленности, уже начавшей падать к третьему году войны и подлежавшей ликвидации с прекращением войны, этот деклассированный крестьянин имел в ближайшем будущем лишь две социальные перспективы: судьбу паупера, лишенного сколько-нибудь прочной производственной основы, или, в меньшей степени, возвращение к крестьянскому хозяйству там, где есть налицо возможность к этому после пертурбаций военного времени.

И в том и в другом случае идеология этого деклассированного крестьянства, еще не сложившегося в класс промышленного пролетариата, — не в современном социализме с его учением об обобществлении производства и его планомерном общественном регулировании. Те социальные тиски хозяйственного тупика, в которые поставила война извлеченное ею из деревень крестьянство, влекут его к первобытному социализму потребления, за-

хвату наличного богатства страны и разделу его между всеми, быть может, обреченными на голодание работниками, к социализму потребления, за счет дальнейших судеб производства (Розенблюм 1918: 6-8).

Итак, если меньшевики видят в большевистском перевороте торжество отсталой крестьянской массы над «сознательным», но немногочисленным рабочим классом, социалисты-революционеры, наоборот, считают, что большевизм возник в связи с выкорчевыванием крестьян из деревни и превращением их в массу люмпенов, которым уже нечего терять.

Как всегда, особняком стоит Базаров, не останавливающийся на антиномии «социалистическая» vs. «буржуазная революция», о которой спорят экономисты-меньшевики: он же после взятия власти большевиками рассматривает потенциальный путь развития «государственного капитализма» как «ублюдочной, промежуточной формы между капитализмом и социализмом» (цитг. по: Богданов 2009: 126). Проанализировав формы, которые приняла эта хозяйственная формация в послевоенной Европе, Базаров заключает, что:

<...> представляется совершенно невероятным, чтобы рабочая партия в сколько-нибудь близком будущем смогла использовать эту новую форму буржуазного строя как орудие для создания подлинно социалистического, свободно планомерного хозяйства. Единственно доступной для нее в данных условиях задачей является задача,

сформулированная германскими оппортунистами: превращения хозяйства, основанного на извлечении прибыли, «в государственную хозяйственную организацию, рассчитанную на обслуживание потребления» в «Bedarfsdeckungswirtschaft», как гласит неуклюжий термин новейшего изобретения (Базаров 1919: 21, 22).

Единственная положительная роль, которую пролетариат может сыграть в данном контексте — это образование вместе с прогрессивной буржуазией политического блока для преобразования государственного капитализма: «От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших 10-летий, а может быть, и столетий» (Базаров 1919: 22).

Скоро Богданов довольно скептическиотреагирует на надежды своего бывшего соратника по поводу эволюции «государственного капитализма»:

<...> родители этого ублюдка не совсем те, которым его подкидывают. Один из родителей — капитализм, — правда, не подлежит сомнению; но другой — вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз, военный потребительный коммунизм. Разница немалая. Социализм есть прежде всего новый тип сотрудничества, товарищеская организация производства; военный коммунизм есть прежде всего особая форма общественного потребления — автори-

тарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует» (Богданов 2009: 126)⁴³.

Другое определение «государственного капитализма» мы находим у Николая Бухарина — ведущего теоретика «военного коммунизма»: «Государственный капитализм есть рационализация производственного процесса на базе антагонистических социальных отношений при господстве капитала, получающем свое выражение в диктатуре буржуазии» (Бухарин 1920: 106-107). Как таковой, он не имеет ничего общего с процессами, развертывающимися в течение «переходного периода» к коммунизму, которые, по мнению Бухарина, обусловлены разрушением буржуазного государства и национализацией производства со стороны государства нового типа: государства пролетарского.

Бухарин и «Экономика переходного периода» (1920)

По мнению историка-большевика Михаила Покровского, во время военного коммунизма «экономика должна была плясать под дудку политики», что было порождено ошибочным «идеалистическим подходом» новой власти (1924: 16). Тем не

---

43. О восприятии Богдановым советской системы от начального неприятия большевистской революции как проявления хилиастических настроений до более или менее условного приятия см.: Бордюгова 1995: 189-223 (письма Богданова к Луначарскому, Базарову, Бухарину и т.д.).

менее непосредственно перед началом НЭПа в среде большевиков были попытки идеализировать «военный коммунизм» или оформить в политэкономических категориях то, что происходило в условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи, истолковывая и ту и другую как переходные моменты «того *Zusammenbruch*'а, который предсказывали великие творцы научного коммунизма», то есть «процесса превращения капиталистического общества в общество коммунистическое» (Бухарин 1920: 5). Самой значительной попыткой в этом роде была книга Бухарина «Экономика переходного периода», точнее, ее первая и единственная опубликованная часть — «Общая теория трансформационного процесса» (1920).

Революция отнюдь не является ни «мирным переходом власти из одних рук в другие» (в политическом плане), ни «переменой в верхушках организационных аппаратов» (в хозяйственно-производительных отношениях), но носит черты насильственного и тотального разрушения: «Старое общество и в его государственной, и в его производственной формулировке раскалывается, распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин. Никогда еще не было такой грандиозной ломки. Но без этого не могла бы быть революция пролетариата, которая из распавшихся элементов, в новой связи, в новых сочетаниях, по новым принципам строит фундамент нового общества» (там же: 5, 6)⁴⁴.

---

44. Через два года, в своем последнем развернутом теоретическом выступлении Базаров также подчеркнет катастрофичность любой смены экономической основы, не без акцента — естественного для эмпириомониста — на организационной стороне вопроса: «Высшие „ценности

Толчок к потере равновесия производительных сил при капиталистическом устройстве дан «отрицательным расширенным воспроизводством», которое развертывается в капиталистической экономике в периоде ее упадка: присвоение прибавочной стоимости превышает способность воспроизводства экономической основы и касается все уменьшающегося общего объема ценности. Когда система — в режиме отрицательного расширения — «сожжет» всю наличную прибавочную стоимость, она начнет «съедать» все более широкую долю основного капитала и рабочей заработной платы, что приведет к «разрыву связи между низшими и высшими элементами технико-производственной иерархии. „Низшие“ винтики капиталистической машины, не получая достаточного количества смазочного масла, развинчиваются» (там же: 45): система выходит из равновесия, разлагается, и ее разрозненные части начинают сочетаться в новых конфигурациях.

Особой сложностью в изучении этого «переходного периода» является двойственный и призрачный характер, который в нем приобретают главные экономические категории, приписываемые Марксом капиталистическому способу

культуры”, ее „вечные” истины и священные заповеди как раз и являются <...> связями или орудиями организации общества. Само собой понятно, что они вечны и святы лишь в пределах данной культурно-исторической формации, лишь для организаторов данного общественного строя. Наконец, смена одного строя другим есть всегда социальная катастрофа, смерть и рождение, глубочайшая революция, но ни в коем случае не эволюционное восхождение со ступеньки на ступеньку (Базаров 1922: 227. Разрядка моя. – Г. К.).

производства — товар, ценность, цена: «При первой же серьезной попытке действительно научно овладеть той весьма беспокойной конкретностью, которую мы называем хозяйством переходного периода, мы натываемся на то, что старые понятия теоретической экономии моментально отказываются служить» (124). Все еще используемые как «формы практического обобщения непрерывно меняющейся живой экономической действительности», эти «старые категории политической экономии» потеряли познавательную значимость, которую имели при капитализме (там же: 125). Проблема в крайней изменчивости реальных отношений, которым эти категории должны были бы соответствовать:

В самой действительности те элементарные отношения, идеологическим выражением которых являются категории товара, цены, заработной платы, прибыли и т.д., одновременно и существуют и не существуют. Они не существуют и в то же время как бы существуют, и они существуют, как бы не существуя. Они влачат какое-то странное призрачно реальное и реально призрачное существование, на манер душ усопших в старославянском представлении или языческих богов в благочестивой христианской религии. Поэтому старые, испытанные орудия марксистской мысли, отчеканенные Марксом на основе весьма реального существования соответствующих производственных отношений, начинают давать осечку. А в обиходе практической жизни они продолжают некритически рассматриваться как средства действительного понимания явлений хозяйственной жизни (там же).

Итак, надо установить пределы значимости и условия применимости старых категорий политической экономии «при хозяйственных отношениях, перескакивающих на принципиально иные рельсы» (там же: 126). Для этого следует в первую очередь проверить, до какой степени общие начала марксистской экономической методологии сохраняют свою значимость в условиях переходной экономики. По мнению Бухарина, этих начал три: объективно-общественная точка зрения (утверждающая «примат общества над отдельным хозяйственным субъектом — личностью»); материально-производственный метод (утверждающий «примат производства над потреблением и над всей экономической жизнью вообще»); диалектико-исторический метод (рассматривающий «общество в его специфических исторических формах, а общие законы общественного развития в их конкретном проявлении, как законы определенной общественной формации, ограниченные в своем действии историческими пределами этой формации»). К этим трем методологическим началам Бухарин прибавляет еще одно, «которое можно условно назвать постулатом равновесия» (там же: 127): очевидно, что любая экономическая система неизбежно основывается на определенном динамическом равновесии между его частями, так что «найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии» (там же: 128). Рассматривая саму конструкцию Марксова «Капитала», «мы увидим, что анализ начинается с

твердой, устойчивой системы равновесия. Постепенно вводятся усложняющие моменты. Система начинает колебаться, она становится подвижной. Эти колебания, однако, не теряют своего закономерного характера, и, несмотря на самые резкие нарушения равновесия (кризисы), система как целое сохраняется; через нарушение равновесия устанавливается новое равновесие, так сказать, более высокого порядка» (там же: 128). Сами *кризисы* «рассматриваются не как прекращение равновесия, а как нарушение его», и каждый раз Маркс обязательно объясняет «не только как нарушается равновесие, но и как оно снова восстанавливается» (там же: 129). В общей сложности,

<...> к концу исследования система движется, колеблется, но через все движения и колебания равновесия восстанавливается снова и снова. Закон ценности есть закон равновесия простой товарной системы производства. Закон цен производства есть закон равновесия <...> капиталистической системы. Закон рыночных цен есть закон колебаний этой системы. Закон конкуренции есть закон постоянного восстановления нарушенного равновесия. Закон кризисов есть закон необходимого периодического выведения системы из равновесия и восстановления его.

Маркс всегда ставит вопрос так: равновесие дано, как это возможно? Равновесие нарушено — как оно восстанавливается? (там же)

Итак, что случается с методологическими началами марксизма в период развала капитализма и господства пролетари-

ата? И как ведут себя понятия *товар*, *ценность*, *цена*? Что касается общественно-объективного подхода, он «остается обязательным и не нуждается ни в каких ограничениях», поскольку «хозяйствующий субъект в своих мотивах и в своих действиях зависит от общественной среды». Зато интересно проследить за преобразованиями общественной системы как таковой при военном коммунизме:

Здесь: а) растет коллективный, собирательный, сознательный хозяйствующий субъект — пролетарское государство со всеми его соподчиненными органами; б) поскольку сохраняется анархическо-товарная система, постольку сохраняется иррациональный, слепой «рок» рынка, т.е. опять-таки общественная стихия, все больше попадающая под регулирующее воздействие окристаллизовавшегося общественно-сознательного центра; с) наконец, поскольку налицо элементы распада социальных связей (напр. образование замкнутых натурально-хозяйственных ячеек), то они, с одной стороны, «лимитируются» в своих действиях хозяйственной средой (самая их внутренняя реорганизация есть функция общественных сдвигов); с другой, они во все возрастающей степени вовлекаются в строительный процесс, постоянно подвергаясь планомерному воздействию со стороны государственно-хозяйственной организации пролетариата (трудовая повинность, всевозможные виды натуральной повинности и т.д.) (там же: 130-131).

Процессы социально-экономической энтропии, порожденные гражданской войной и «военным коммунизмом» 1918-1921 годов (натуральное хозяйство, разруха в инфраструктуре, кризис денежной системы и товарного обмена между деревней и городом и т.д.) воспринимаются Бухариным как первая ступень коллективистской реорганизации общества: старая система разлагается на множество производительных клеток внутреннего потребления, а пролетарское государство их постепенно собирает и организует в новую систему. Поэтому в фазе перехода к социализму объективно-общественный метод принимает «иной логический тон», более волюнтаристский и планомерный: «При анализе общественной структуры товарно-капиталистического типа все закономерности носят характер стихийных закономерностей, “слепой” силы, ибо весь общественно-производственный процесс иррационален. При анализе структуры переходного периода дело обстоит иначе, потому что здесь происходит в возрастающей пропорции рационализация общественно-хозяйственного процесса» (там же: 131).

Что же касается второго марксистского начала (материально-производственного), то оно, хотя в общем тоже остается обязательным, «однако претерпевает существенные изменения и ограничения»: при сотрясении всего общественно-трудового аппарата (с катастрофическими последствиями для всего населения) процесс общественного воспроизводства и развитие производительных сил стоят под

знаком вопроса; сокращение, а местами прекращение производства компенсируется распределением остатков прежних производственных (чисто капиталистических) циклов, принудительным извлечением продовольствия из деревни, хищническими методами получения продуктов (военная добыча, переход из рук в руки базисных складов и т.д.) — одним словом, все элементы той «обширной потребительской коммуны строения строго авторитарного», предугаданной в свое время Богдановым (2009: 119) как антитеза «настоящего коллективизма».

Бухарин, разумеется, не одобряет эти явления, но оправдывает их третьим марксистским началом — диалектико-историческим подходом, который «не только не подлежит ограничению, а, наоборот, выпячивается на первый план»: «Слагающиеся формы новых отношений, их переплетение со старыми, иногда в необычайно причудливых сочетаниях — все это делает из производственных отношений переходного периода комплекс *sui generis* <...>. Относительность «категорий» политической экономии становится ясной до полной очевидности» (Бухарин 1920: 132). Это и есть общий принцип книги: констатировать во всей его драматичности состояние хаоса и энтропии, в котором находится общественно-экономическая ткань, но в то же время рассматривать его как начальный этап качественно иного — социалистического — пути развития.

Центральный стержень бухаринского анализа — утверж-

дение, что в контексте переходной экономики «постулат равновесия недействителен» и неизвестно, когда он снова заработает. При переходной экономике «нет пропорциональности ни между производством и потреблением, ни между различными отраслями производства (в скобках прибавим: ни между людскими элементами системы). Поэтому в корне неправильно переносить на переходный период категории, понятия и законы, адекватные состоянию равновесия» (там же: 132, 133. Разрядка моя. — Г.К.). Новое равновесие установится только тогда, когда социалистическая экономика упразднит окончательно понятия (и соответствующие реальные процессы) товара (который превратится в продукт и потеряет свой товарный характер), ценности (в том числе и прибавочной ценности), денежной системы, заработной платы, прибыли и т.д. В общем, заключает Бухарин, «одна из основных тенденций переходного периода есть разрыв товарно-фетишистских оболочек. Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории. А раз это так, перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.е. к рассматриванию и общества, и его частей как систем элементов в их натуральной форме» (там же: 136).

Переходную систему, лишенную равновесия и фетишистских оболочек, необходимо направлять в социалистическое русло систематическим применением «внеэкономиче-

ского принуждения», то есть, выражаясь более прозаически, насилия, роль которого проявляется особенно выпукло в «критические эпохи»: Бухарин ссылается на самого Маркса, который в «Капитале» называет насилие «повивальной бабкой всякого старого общества, которое беременно новым. Оно самое есть экономическая сила (*ökonomische Potenz*)» (там же: 138; Маркс, Энгельс, 1955-1981, 23: 761). Но если при капитализме организованное насилие государства носит характер чистого произвола одного класса над другим, в «переходную эпоху» внеэкономическое насилие применяется пролетарской авангардной (партией) не только против классового врага, но и против наименее «сознательных» элементов рабочего класса: «Это есть сознательная сила сцепления частиц рабочего класса, которая для некоторых категорий, субъективно, является внешним давлением, которая для всего рабочего класса, объективно, является его ускоренной самоорганизацией» (Бухарин 1920: 144)⁴⁵. Но поле действия пролетарского насилия потенциально гораздо шире. По отношению к обществу, обескровленному и раздробленному

---

45. Соответственно, Бухарин высмеивает «Каутского и иже с ним, когда они представляют себе революцию на пример парламентского голосования, где арифметическая величина (половина населения + 1) решает дело <...>. Вопли российских меньшевиков против принуждения в эпоху пролетарской диктатуры совершенно то же, что вопли капиталистов о нарушении свободы труда профессиональными союзами, которые представляют пикеты во время стачки и не дают капиталистам использовать штрейкбрехеров. Известно, что самые большие гнусности капиталистическая клика проделывала как раз под лозунгом охраны свободы труда» (142, 145).

разлагающимся капитализмом, принуждение, примененное пролетариатом-диктатором, действует как могучий магнит:

С более широкой точки зрения, т.е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи. В самом деле, эпоха пролетарской диктатуры есть в то же время эпоха деформации классов. Капитализм сопровождался все далее и далее идущим социальным расщеплением общества: он разлагал крестьянство, уничтожал «среднее сословие», доводил классовые противоречия до максимальной степени остроты. Диктатура пролетариата, выражая на первых порах самый кричащий распад капиталистического мира, после установления некоторого равновесия начинает вновь собирать человечество (там же: 146, 147).

Аналогичный процесс расщепления и собирания развертывается и в плане межгосударственных отношений: «В первых советских республиках мировой пролетариат имеет свои организации, обладающие максимумом социальной и материальной мощности. Поэтому среди распадающейся мировой системы капиталистического хозяйства они являются неизбежно новыми кристаллизационными пунктами, центрами притяжения пролетарской энергии и крупнейшим фактором

дальнейшего разложения капиталистической системы» (там же: 153). Хаотичным и неустойчивым, чреватым потенциальными опасностями, но благоприятным для революционных сил — таким в конце 1920 года представлялось положение Бухарину и новому советскому (и третьей интернационалистскому) общественному мнению, которое в нем видело своего крупнейшего теоретика.

Как ни парадоксально, с началом НЭПа книга Бухарина будет обвинена в антимарксистском ревизионизме, во-первых, из-за утверждения, что в контексте «хозяйства переходного периода <...> старые понятия теоретической экономии моментально отказываются служить» (там же: 124). Михаил Степанович Ольминский (1863-1933), директор Института истории партии и Общества старых большевиков (в свое время состоял в группе Богданова «Вперед»), клеймил еретическую идею о том, что понятия *товар* и *меновая ценность* на данный момент потеряли всякий смысл: по его мнению, у Бухарина «от марксизма остается одно воспоминание» (Ольминский 1921: 10). Отказавшись от элементарных инструментов экономического анализа — и, следовательно, от самой возможности интерпретировать происходящие процессы, — Бухарин вынужден преувеличивать сверх всякой меры роль волюнтаристских и субъективных факторов, и особенно «внеэкономического принуждения» — квазимарксистский миф о «повивальной бабке истории». Напротив, Ольминский защищает линию постепенных, но структурных и неот-

вратимых реформ, которую вскоре будет проводить и Ленин, который в марте 1922 года на XI съезде РКП (б) призывал товарищей признаться в том, что «в народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает» (45: 112). Неслучайно Ольминский считает книгу Бухарина несвоевременным документом уже пройденной политической фазы, когда «после октябрьской революции часть нашей партии пережила период увлечения властью. Казалось, что теперь для нас нет ничего невозможного: что захотим, то „моментально“ и сделаем <...>. В целом <книга Бухарина> не столько научное произведение, а беллетристика, отражающая настроения части партии к середине 1920 г.» (там же: 12).

Тотчас Бухарин отвечает Ольминскому, вновь акцентируя самые утопические стороны своих взглядов: „От марксизма остается одно воспоминание“. Вот это так здорово сказано! Выходит, следовательно, что если капитализм будет окончательно изничтожен и установится коммунистическая форма — „От марксизма остается одно воспоминание“. Следует ироническая картина коммунистического будущего, где Ольминский и ему подобные сетуют из-за отмены денег, товарной экономики и т.д.: «При всем своем желании т. Ольминский не смог определить даже цену своих старых штанов. Скорбь запала в душу. Слезы покатались из глаз. И когда жители города подошли к нему и участливо спросили: „Что с вами, не больны ли вы?“ — он им печально

ответил: „Все пропало и — от марксизма остается одно воспоминание“» (Бухарин, Пятаков: 267, 268).

Но сарказм не может скрыть того, что с внедрением НЭПа большевистский проект коренным образом пересматривается: «Мы смотрим назад» (то есть на гражданскую войну), — говорит Ленин, выступая перед делегатами IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921), — «и думаем, что так же можно решить и хозяйственные задачи. Но в этом-то и ошибка: когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом. Не пытайтесь — не решите! И эту ошибочность нам надо сознать» (44: 324). Сам Бухарин вскоре станет главным поборником прагматичной и осторожной экономической политики.

После Октября. Идентичность и развитие

В частности, «для правящей большевистской партии период 1923-1924 годов стоит особняком, диалектически соединяя в себе конец и начало различных этапов в развитии политической истории России» (Вилкова 2004: 5). Это годы экономического кризиса, затрудненного сбыта продуктов индустрии, беспрерывных стихийных забастовок. НЭП грозит выйти из-под контроля, и самая тревожная перспектива для правящей группы — это чтобы «окружение НЭПа, окружение буржуазии, рассосало бы как-нибудь и нашу пролетарскую

диктатуру» (Артизов, Христофоров 2008: 233), как предостерегал Зиновьев на XII партийной конференции (август 1922). То есть плюрализм экономических акторов грозит привести к плюрализму политического представительства.

Неслучайно теоретический и полемический пик приходится на 1924-1925 годы, когда смерть Ленина усиливает борьбу за власть внутри партии. В частности, споры касаются: а) перспектив «перманентной революции» и ставки на переворот в Европе (Троцкий) или, наоборот, ставки на укрепление «социализма в отдельно взятой стране» (Сталин); б) курса Новой экономической политики, средств и темпов индустриализации, отношений между городом и деревней⁴⁶.

Оба вопроса стали ориентировкой для тактических союзов и противостояний внутри правящей верхушки в непростое трехлетие 1924-1926-го: в Западной Европе революционный напор уступил место очевидной «буржуазной» стабилизации, в то время как в Азии (Турция, Индия, Китай) революционное движение стремительно развивается; между Европой и Азией находится Россия, колеблющаяся между несовместимыми экономическими укладами. Внутренняя и

---

46. О политической истории этих лет см.: Хлевнюк 2015. Однако сказанное и информативное изложение фактов сопровождается у Хлевнюка общей установкой, по которой все политические решения большевистских лидеров диктовались преимущественно, если не исключительно, стремлением к личной власти. С этим нельзя согласиться: любая политическая программа есть попытка объединить определенные общественные группы и удовлетворить их интересы и чаяния в свете определенных теоретических постулатов и аналитических доводов. Побуждения личного характера, всегда в некоторой мере присутствующие, не могут обеспечить консенсуса.

внешняя амбивалентность и порождает вышеуказанные споры, и неслучайно, что противоположные аргументы с самого начала затрагивали ленинское наследие.

Уже в 1922 году в предисловии к брошюре «1905 год» Троцкий делает ставку на «перманентную революцию»: «Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» (цит. по: Бухарин 1925а: 119-120). И в «Уроках Октября» он же ссылается на Ленина «Апрельских тезисов», зовущего к обострению конфликтов и к наступательной тактике: «партия, которая не идет в ногу с историческими задачами своего класса, становится или рискует стать косвенным орудием других классов» (Троцкий 1925: XV); в Западной Европе совершить революцию труднее, чем в России из-за большего веса и лучшей организации национальных буржуазий, «но зато после взятия власти у пролетариата руки будут несравненно более свободными» (там же: LVII). Без нового революционного цикла в Европе советский строй не продержится долго перед внешними и внутренними угрозами.

С опровержением Троцкого выступают Зиновьев и Бухарин. Первый определяет ленинизм как «учение о движущих силах революции» и усматривает его ядро в аграрной революции, которую пролетариат — точнее, его

партия — снабжает стратегическим руководством; что же касается НЭПа, «это — государственный капитализм в пролетарском государстве» (Зиновьев 1926: 212). Несмотря на его компромиссный характер, это, несомненно, крупный шаг вперед по сравнению с дореволюционной экономической структурой:

НЭП является отступлением к государственному капитализму не в том смысле, что мы вновь отступаем назад к уже пройденной главе. Дело в России обстояло не так, что мы имели уже государственный капитализм, от него шагнули к социалистическому строю и затем возвратились вновь назад к государственному капитализму. Дело обстоит так, что в России дооктябрьской мы имели рядом с крепостническими и частнокапиталистическими устоями слабые элементы государственного капитализма, пытались шагнуть от дооктябрьской России прямо к социализму и вынуждены были затем вернуться назад, чтобы, через государственный капитализм, подчиненный пролетарскому государству, начать более прочно переходить к социализму <...>. НЭП есть правильное сочетание частных интересов крестьянской массы как массы мелких производителей <...> с государственными интересами пролетариата, организующего социалистическое производство (там же, 216, 223).

По мнению Зиновьева, Троцкий ошибочно считает пролетариат единственной основой советской власти (которая

окружена потенциально контрреволюционной крестьянской массой), потому что неверен прежде всего его анализ русской дореволюционной социальной структуры. Действительно, как повторял Троцкий с 1906 года, в России национальная буржуазия так и не зародилась, капиталы были преимущественно иностранными, но теоретик «перманентной революции» не объясняет генезис русского рабочего класса, возникшего в конце XIX века как бы в некой социальной пустыне. Дело в том, что русский рабочий, в отличие от западного, происходит не из мелкого мастерского, но прямо из крестьянского сословия: «<...> наш рабочий по своей родословной гораздо ближе к крестьянину, чем это можно сказать о западноевропейском рабочем» (там же: 131), поэтому его социальная психология отличается от той, которую ему приписывает Троцкий: «Крестьянин, отцы и деды которого мечтали о земле и ненавидели помещика, был поставлен у фабричного станка. Из него и выработался революционер, соединивший в себе стойкость и энергию городского пролетария со стихийностью и нутряным бунтарством крестьянина, изголодавшегося по земле» (там же: 131). Русский рабочий, связующее звено между фабричным и аграрным пролетариатом, призван руководить революционной борьбой крестьянских масс и увенчать ее политическим строем и формами социального компромисса, гораздо более устойчивыми, чем считает Троцкий: НЭП является не опасностью, но естественным этапом развития.

В менее агрессивной форме, чем Зиновьев, Бухарин — успевший далеко отойти от ультрарадикальной теории «переходной экономики» и насилия как «повивальной бабки истории» — столь же решительно отвергает комплекс представлений, связанный с «перманентной революцией», которая, по его мнению, является плодом абстрактного и схоластического «формально-логического метода», противоположного подходу «жизненно-диалектическому, который отличает большевизм» и в особенности мышление Ленина: этот последний «с точки зрения не только общих перспектив, но и в пределах этих общих перспектив всегда улавливал вот это оригинальное, этот переход от одной конъюнктуры к другой и всегда с необычайной верностью с исключительным умением находил то звено, за которое нужно было вытягивать колесницу нашей революции на правильный путь». Там, где Троцкий видит только формальные и непримиримые противоположности, ряд неких «либо-либо», «настоящее выражение ленинско-марксистской диалектики есть умение видеть своеобразные отношения, умение видеть переход одного отношения в другое и найти основное звено, за которое нужно тащить всю цепь» (Бухарин 1925а: 100, 102). В экономической политике, например, Троцкий абстрактно заявляет о необходимости *плана*, противопоставляя ему опасность *анафхии*, не учитывая ни своеобразности данного экономического контекста, ни конкретных приемов перехода от одного состояния к другому: «Наша задача заключается в

том, чтобы при распыленном сельском хозяйстве, когда у нас налицо колоссальное количество мелких хозяйств, от непланового хозяйства постепенно и очень медленно переходить к плану. Но для того, чтобы из одной фазы перейти в другую, нужен *целый ряд* мероприятий, *мимо* которых нельзя пройти на практике и которые *надо нащупать* для того, чтобы с одной ступеньки подняться на другую» (там же: 104, 105). В случае экономической политики звеном цепи, за которое следовало «ухватиться», была только что проведенная денежная реформа, на которую Троцкий не обращает — не случайно! — никакого внимания.

И в политическом отношении теория «перманентной революции» грешит абстрактным схематизмом:

<...> либо буржуазная революция, либо пролетарская; либо классическая пролетарская революция — и тогда прочная победа; либо ублюдочная пролетарская революция — и тогда смерть. Либо государственная помощь западного пролетариата — и тогда спасенье; либо нет этой помощи — и тогда нет этого спасения.

А на самом деле жизнь целиком опровергла эти схемы и дала совсем другие ответы. *И* буржуазная, *и* пролетарская (одна переходит в другую); *не* государственная помощь пролетариата, *а* все-таки помощь и со стороны пролетариата, и со стороны колоний (а равно и «помощь» со стороны капиталистов, которые своей междоусобной дракой помогают пролетарским государствам); *не* классическая пролетарская революция, а все-таки *не* смерть, а жизнь и т.д. Дей-

ствительность оказалась гораздо многоцветнее, чем сухие схемы тщательно вычерченных диаграмм «перманентной революции» (там же: 115).

Буржуазная революция переросла в социалистическую; эта последняя, будучи не только пролетарской, но и крестьянской по характеру, не достигла сразу конечной цели, но привела к длительной смычке двух классов, которая одна и может создать условия для постепенного возникновения социалистических отношений; западный пролетариат не пришел к власти и не смог оказать «государственной» помощи советской России, однако общественные движения на западе и антиколониальная борьба в Азии составляют костяк будущей всемирной революции.

Именно к колониальному, а значит, подлинно всемирному масштабу современных общественно-политических процессов апеллирует Бухарин, чтобы еще раз подчеркнуть ключевую роль крестьянства: «Если у тов. Троцкого конкретный анализ заменяется абстрактной схемой, то это влечет за собой представление о пролетарской революции как о классической революции, причем „неклассическая“ революция заранее осуждена на гибель. Но классической пролетарской революцией является такая революция, где пролетариат является единственным „народным“ классом. Другими словами, только в таком обществе могла бы быть эта идеальная революция, где не было бы крестьянства». Но уравнение: пролета-

риат — революционный класс, крестьянство — мелкобуржуазный балласт (в силу чего преимущественно аграрная Россия якобы представляется неудачным контекстом для революции) теряет смысл, если не ограничиваться Западной Европой, но смотреть на вещи, как бы мы сказали сегодня, в глобальном масштабе:

Однако «это идеальное» представление совершенно не соответствует действительности. Если мы возьмем мировое хозяйство, то мы увидим, что пролетариат в настоящем смысле слова составляет незначительное меньшинство населения. Если мы возьмем крупнейшие страны мира, то нам необходимо иметь в виду, что они состоят из большого куска плотно населенных и пролетаризированных «метрополий» и огромных крестьянских колоний. Наибольшая часть Франции находится в Африке, наибольшая часть Англии — в Азии и т.д. Что будет делать английский пролетариат по своей победе, если он не будет опираться на сочувствие индусских и египетских крестьян? Если он не введет их в бой против капитала? Если он не завоюет их сочувствие и их поддержки? Если он не будет иметь гегемонии, руководства над этими огромными массами человечества? (там же: 117, 118)

Если будущее революции зависит от способности европейского пролетариата вовлекать в борьбу и управлять крестьянскими массами колоний, значит советская власть в России не мертворожденная утопия, но эталонная модель для будущего.

После Октября: где достать капитал?

Тем не менее, чтобы развиваться, эта модель нуждается в капиталах. Спор о роли крестьянства в строительстве социализма затрагивал и чисто экономические проблемы, тем более что в полном разгаре был т.н. «кризис ножниц»: цены промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства повышаются и снижаются противоположным образом, аграрный мир стремится замкнуться в себе. В 1924 году выходит «Основной закон социалистического накопления» Евгения Алексеевича Преображенского (1886-1937), сторонника Троцкого, с призывом перенаправить ресурсы «мелкобуржуазного» сельского хозяйства на «социалистическую» промышленность: если у капитализма было много столетий на «первоначальное накопление» за счет менее развитых форм хозяйства, то социализм вынужден накапливать необходимые капиталы в ускоренном темпе, да притом после прихода к власти; больше того, советская Россия не обладала и не стремилась обладать теми колониями, которые так ускорили капиталистическое первоначальное накопление на Западе. «Основной закон социалистического накопления», по мнению Преображенского, можно сформулировать следующим образом:

Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической

организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социалистической революции, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний, т.е. уменьшить эксплуатацию последних, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия (Преображенский 1924: 92, 93; см: Преображенский 1926а).

Учитывая чрезвычайную слабость индустрии и «капиталистически организованного земледелия» в России, Преображенский предлагает прибегать к «неэквивалентности обмена»,

иными словами — переводить известную долю ресурсов от сельского хозяйства экономическими способами, т.е. определенной политикой налогов и фиксированных цен товаров промышленности, а не путем административного принуждения (как через несколько лет сделает Сталин); тем не менее предложение показалось весьма опасным приверженцам НЭПа, поскольку было потенциально губительным для той «рабоче-крестьянской смычки», в которой они усматривали самую суть позднего ленинизма.

Главным критиком Преображенского выступил Бухарин (несмотря на то, что в 1921 году он в соавторстве с ним подготовил популярнейший курс «Азбука коммунизма») на страницах «Правды», превратив тем самым сугубо экономический вопрос в спор об идеологической ортодоксии. Бухарин клеймит идеи Преображенского как «экономическое обоснование троцкизма» и резюмирует их так:

Рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение *эксплуатации*. Эксплуататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплуатируемым — класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, продельвающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплуататорский характер пролетариата и, следовательно, тем более эксплуатируемым является мелкий производитель.

Эта концепция, по Бухарину, бессмысленна и губительна: она бессмысленна, ибо, несмотря на то, что «социалистическая промышленность <...> получает <...> добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей», тем не менее ее нельзя считать «эксплуататорской», так как она нацелена на постепенное у п р а з д н е н и е социальных различий, а не на их в о с п р о и з в е д е н и е в расширенном виде, как при капиталистической эксплуатации; она губительна потому, что ведет к разрыву «смычки», т.е. отношений сотрудничества, которые городской пролетариат с большими трудностями успел установить хотя бы с частью аграрного мира. Деревню же следует, наоборот, побуждать к кооперативным формам организации и ко все более тесной смычке с социалистической индустрией путем усиления «п р о ц е с с а о б р а щ е н и я» товаров.

Бухарин, поборник НЭПа, отвергает разработанный Преображенским «закон социалистического накопления» как «цеховую идеологию, которой „нет дела“ до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке». Итак, по мнению Бухарина, экономическая «левизна» троцкистской оппозиции угрожает превратиться в свою противоположность: «Один шагжок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология законченных тредюнионистов российского образца: наплевать на деревенщину,

больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу “пролетариата” и т.д.» (Бухарин 1925б).

Разумеется, бухаринский призыв к кооперации как переходной форме на пути к социализму отнюдь не впечатлил Преображенского: диктовать подлинно социалистические тенденции развития может только промышленная отрасль, в то время как кооперативы возникли при капитализме и генетически ему близки, являются его *«зыбким, менее организованным, но все же (как хвост от ядра кометы) продолжением, пускающим свои щупальца в поры обмена между мелким производством и государственным хозяйством»* (Преображенский 1926б: 61). Бухарин еще более ироничен: *«<...> товарищ Преображенский предлагает пролетариату зарезать курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу — это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность!»* (Бухарин 1925б: 304. О дискуссии см.: Корицкий 1990).

XIV съезд партии (апрель 1925 года) окончился победой сторонников НЭПа: дело шло к снижению сельскохозяйственных цен путем ограничения налогов для крестьян и частичной легализации наемного труда. Самым радикальным выступлением было бухаринское: «Всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота». Однако кто-то уже начинал

толковать экономические процессы в гораздо менее успокоительном духе: по мнению части партийно-государственного руководства, «СССР находился между новым крестьянским бунтом, опирающимся на традиционный деревенский локализм, и новой редакцией продразверстки. Из этой оценки неизбежно должен был следовать вывод о грядущем участии государства в организации нового модернизационного цикла, то есть внутри НЭПа уже вызрели силы, препятствующие развитию» (Рыбас 2010: 219). Выходом из этой ситуации будут коллективизация, пятилетка и великий перелом: пора переходить к Сталину.

Сталинизм как вращающаяся дверь

Роль Сталина в исторических процессах первой половины XX века можно понять лишь с учетом двух аспектов его деятельности: 1) он умел проникать в глубинную психологию масс, ожесточенных и разьединенных гражданской войной, снабжать массы новой идентичностью и ориентировать их чаяния; 2) он стремился оформить — в социополитической черной дыре, в которую превратилась Россия 1917-1919 годов — элементы некой первоначальной «материи государственности» (Рыбас 2010: 117)⁴⁷: начиная с Октября, он — член пра-

---

47. Одно из самых трезвых «ревизионистских» определений сталинизма гласит: «<...> основная причина, по которой СССР следует снова включить в европейскую историю, заключается в том, что сталинизм по сути представлял собой просветительскую утопию, попытку рационально упорядочить общество посредством государства и в то же время преодолеть болезненные классовые различия, созданные индустриали-

вительства, узкого руководящего круга («четверка»), он же — нарком по делам национальностей, он налаживает «федеральные» отношения между Россией и Украиной, находится среди управляющих ЧК и является членом комиссии по партийной программе и по будущей конституции. Эти *membra disjecta* будущего Советского государства (правительство, национальностей, федеральное устройство, политический сыск и госбезопасность, партийная идеология и разработка учреждений) как бы скрепляются тем, что Сталина назначают генеральным секретарем (3 апреля 1922 года). Тот, кого старые большевистские лидеры считали лишь посредником в условиях дробления партии на фракции и патрон-клиентские группы, становится сердцем зарождающегося нового государства. Более того, именно Сталин организует превращение демобилизованной Красной армии в государственную бюрократическую машину: молодые красноармейцы, лишённые какой бы то ни было политической культуры, предшествующей гражданской войне, которая навсегда определила их ментальность, станут незыблемой опорой советского строя в гораздо большей степени, чем рабочий класс, полуистребленный все той же гражданской войной.

Итак, в двадцатые годы стратегическим базисом Сталина будут формирование советской бюрократии как эмбриона нового государства, временное перемирие с крестьянством в

зацией XIX века. Эта попытка, в свою очередь, коренилась в традиции смоделированных по образцу города, социально ориентированных утопий, благодаря которым Просвещение стало возможным» (Kotkin 1997: 364).

ожидании другого соотношения сил, позволяющее заставить деревню принимать структурные изменения, стремление к самостоятельному развитию СССР, независимому от революционных взрывов в Западной Европе. Наконец, Сталин стремился к милитаризованному единству партии, точнее — ее средних кадров, в то время как наверху старые большевики истощали силы в никому не интересных склоках: начиная с XII съезда партии (апрель 1923 года) местные делегаты избирались по спискам с единственным кандидатом по указанию соответствующих губкомов, которые, в свою очередь, зависели от генерального секретаря; неслучайно в ходе «организационного доклада» на съезде Сталин возвеличил губкомы как основную опору и советов, и партии. Еще один характерный для Сталина 1920-х годов тактический ход — вовлечение коммунистических ячеек на рабочих местах в экономическое руководство (которое до этого целиком зависело от дореволюционного персонала, чуждого, если не враждебного, большевизму): таким образом, «критика снизу» направлялась не на Центральный комитет, а на уровень руководства, гораздо более доступный рядовым рабочим.

Первым развернутым изложением взглядов генсека стала работа «Об основах ленинизма» (1924), в которой главным образом резюмируются идеи позднего Ленина — разумеется, с некоторой перестановкой акцентов. Во-первых, всячески подчеркивается центральная роль партии в организации класса, в разработке политических задач и в их реализации:

эта мистика партии, подчеркнутая обильными военными метафорами («генеральный штаб», «передовой отряд» и т.д.), выражает ментальность и чаяния средних кадров той же партии, в большинстве своем молодых и малообразованных, закаленных в огне гражданской войны и продразверстки и потому привыкших рассматривать политику и административную работу лишь как организацию командной пирамиды и решать любую проблему в упрощенных терминах *борьбы, завоевания* и оппозиции *свой-чужой*. Благодаря своему происхождению, стилю и образу мысли Сталин сможет выразить чаяния этой группы гораздо полнее, чем его более образованные и риторически изощренные противники.

Но ключевой сдвиг по отношению к Ленину, генетическая мутация, порождающая зрелый сталинизм, заключается в определенной недосказанности по поводу ленинского учения о государстве. В разделе книги «Об основах ленинизма» под названием «Диктатура пролетариата» Сталин прилежно излагает идеи Ленина по данному вопросу: государство как организованное классовое насилие, необходимость ломки буржуазного государства и его замены диктатурой пролетариата по образцу Парижской коммуны и т.д. Однако не хватает одной составляющей, которая играет ключевую роль в ленинской брошюре «Государство и революция»: речь идет о временном характере пролетарского государства, теории постепенного исчерпывания государства. Семь лет внутренних потрясений и внешнего окружения подска-

зывают осмотрительному Сталину без шума отложить в сторону ленинские мечты о будущем анархическом Эльдorado и заменить их решительным утверждением авторитарного государства: «диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс» (Сталин 1946-1952, 6: 112). Единственная разница между советским и буржуазным государством — в численном соотношении между угнетенными и угнетателями: до сих пор государство гарантировало господство меньшинства над большинством, зато «советская власть является наиболее массовой и наиболее демократической государственной организацией из всех возможных государственных организаций в условиях существования классов, ибо она <...> является <...> властью большинства населения над меньшинством, государством этого большинства, выражением его диктатуры» (Сталин 1946-1952, 6: 120). Об упразднении государства уже не идет речи: наоборот, в течение десятилетий реальное исполнение власти примет черты «неопатримониальной» организации государства, предполагающей смещение регулярных бюрократических институтов и неограниченной власти вождя и его «политического хозяйства» (см. Gorlizki 2002).

С самого начала «великого перелома», коллективизации сельского хозяйства и усиленной индустриализации Сталин

подкрепляет свою доктрину еще двумя составляющими: 1) доктриной об «усилении классовой борьбы» по мере приближения к социализму, т.е. о необходимости ужесточения диктатуры пролетариата против нарастающего сопротивления остатков бывших привилегированных классов (что является своеобразным выворачиванием наизнанку ленинской теории об упразднении государства); 2) насильственным единогласием, культом харизматического вождя. В выступлениях Сталина начинает звучать волонтаристский пафос, характерный для времени первой пятилетки и «великого перелома»: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики» (Сталин 1946-1952, 11: 58), — заявляет Сталин в апреле 1928 года.

От господствовавшей в 1920-х годах революционной патетики новое десятилетие переходит к той совокупности представлений и практик, которую Владимир Паперный называет «культурой два»: от пафоса разрушения и утопической футурологии — к апологии «вечного настоящего», телеологически снимающего и резюмирующего прошедшие эпохи в некоем завершении истории; от «горизонтальной» нивелировки состояний и социальных положений — к иерархической вертикальности, как нельзя лучше выраженной так и не осуществленным проектом Дворца Советов (1931); от обезличивающего коллективизма — к культу харизматической личности, сверху распределяющей роли и места каждому члену коллектива (см.: Паперный 1996: 145-159). В тридцатые

годы сталинская культура строится в два этапа: первый, совпадающий с первой пятилеткой, — волюнтаристский, визионерский, одержимый идеей преобразования мира вплоть до перековки личности каждого индивидуума в организованной коллективной работе (в том числе и принудительной). Нетрудно распознать в этой идеологии предельно иерархизированную и упрощенную форму учения Богданова, главным сторонником которого был поздний Горький⁴⁸. С началом второго этапа, в 1934 году, общее настроение начинает меняться: городская среда — увеличившаяся в предыдущие годы на 44% — охвачена нищетой и хаосом: необходимость перевоспитания бывших крестьян в духе фабричной дисциплины и урбанизованного общежития приводит к смягчению прежней акцентировки «классовости» и к еще большему усилению пафоса единодушия, монолитности народа, обеспечиваемой культом вождя; при переходе от первого этапа сталинской культуры ко второму слабеют волюнтаризм, аскетическая романтика, культ маленького человека, подвергаемого «перековке», и, соответственно, утверждаются вездесущее нерархическое начало и культ героев. Целями новой культурной политики являются: 1) дисциплинировать новые урбанизованные массы путем оформления повседневности по однообразным, сверху заданным социальным правилам; 2) оправдать и, так сказать, обезвредить относительное социальное и

---

48. Неслучайно Мариэтта Шагинян сразу указывает истоки «инженерного» пафоса в докладе Горького на Первом съезде союза писателей СССР (1934): «Доклад его на съезде <...> отнюдь не марксистский, это богдановщина» (цит. по: Яковлев 1999: 239).

экономическое неравенство, включив низшие слои в систему полуэлитарных потребительских ценностей (см.: Volkov 2000: 214 и далее). Всего этого сталинская культура добивается: 1) всеобщей мобилизацией, попыткой направлять индивидуальные стремления к достижению общегосударственных целей путем сугубо функциональной политической мифологии (Добренко 2000: 31); 2) социальным традиционализмом, ревитализацией традиционных гендерных представлений и различий в экономических статусах граждан (Hessler 2000: 202); 3) социалистическим реализмом, который мы в данном случае рассматриваем не как эстетический канон, но как общекультурную тенденцию воспринимать реальные или символические достижения некоего авангарда (например, стахановцев) как общий социальный прогресс.

Социалистический реализм

Кстати, о социалистическом реализме, «машине кодирования потока желаний массы» (Надточий 1989: 115). Неслучайно в поисках его определения и философски приемлемой стандартизации завершается парабола последней группы интеллектуалов-марксистов, в какой-то степени независимой от возникающей мощной культурно-идеологической индустрии: круг эмигрировавшего в СССР венгерского философа Дьердя Лукача (1885-1971) и его последователей Михаила Александровича Лифшица (1905-1983) и Елены Феликсовны

Усневич (1893-1968), сотрудничавших в редакции журнала «Литературный критик» (1933-1940).

Основная задача круга Лукача — разработка гегельянско-марксистской концепции «реализма» как органического отражения социального бытия в динамике его противоречий (а не механической транскрипции некоторого идеологического задания и тем более непосредственных партийных директив); поэтому Лукач и его последователи руководствовались теми текстами Маркса, где наиболее наглядна связь с гегельянской традицией и где завершается ее материалистическое «опрокидывание»: «Святое семейство» (1845) и «Экономическо-философские рукописи 1844 года»⁴⁹. Сами Лукач и Лифшиц опубликовали «Рукописи 1844 года» и многие другие тексты Маркса и Энгельса в начале тридцатых годов, когда оба работали при Институте Маркса, Энгельса и Ленина (ИМЭЛ), в попытке восполнить документальный пробел, который вынуждал философов-эстетиков, литературоведов и литературных критиков гораздо чаще ссылаться на Белинского, Чернышевского и Добролюбова, чем на классиков марксизма (см.: Добренко, Тиханов 2011: 281-297); между прочим, оба они занимались не только основоположниками марксизма, но и классиками эстетики и философии истории: Вико,

---

49. Один из шедевров Лукача, книга «Молодой Гегель» (1937-1938), так и не вышла в СССР: в творчестве Гегеля Лукач усматривал философское выражение Французской революции, в то время как в ждановской «вульгате» Гегель представлял немецкую аристократическую реакцию. Лишь в 1956 году молодой Эвальд Илеников опубликовал фрагмент этой работы в «Вопросах философии» (Лукач 1956), за что ему пришлось затем отчитываться.

Лессинг, Винкельман, Шиллер, Гете. По возвращении Лукача из захваченной нацистами Германии оба друга оказались вновь вместе в только что учрежденном ИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского), — весьма либеральном образовательном учреждении с программой, сосредоточенной на наследии классиков, Возрождения и XIX века⁵⁰.

Неслучайно поиски Лукача и Лифшица в годы «Литературного критика» были сосредоточены: 1) на элементе трагического, возникающего в истории и литературе, когда персонаж призван к выполнению некоего исторического задания, но предпосылки, движущие силы и акторы данных эпохальных перемен еще не сформировались⁵¹; 2) на так называемом «вопрекизме», то есть на способности великого художника (вне зависимости от сознательно исповедуемой им идеологии) выражать в органических образах противоречия своей эпохи и указывать возможные будущие линии развития (известный пример из Энгельса — случай консервативно настроенного Бальзака, но можно было бы указать и на Данте Алигьери). Оба исследовательских направления затрагивают стержневые для сталинской культуры идеологические узлы: 1) сама Октябрьская революция может быть осмыслена как

---

50. В ИФЛИ учились крупные представители послесталинской культуры. Среди них – Маргарита Алигер, Константин Симонов, Борис Слуцкий, Александр Твардовский, Эвальд Ильенков и Александр Солженицын (на заочном отделении).

51. По Энгельсу, трагическая коллизия состоит в противоречии между «исторически необходимым требованием и практической невозможностью ее осуществления» (Маркс, Энгельс 1955-1981, 29: 495; см.: Лифшиц 1984: 301).

трагический акт, требующий возмездия, из-за волюнтаристского, исторически неоправданного характера ее осуществления⁵²; 2) раз упраздняется строгая корреляция между идеологией автора и реалистической сущностью его произведений, способных предвидеть, оформлять и осуществлять прогрессивные социальные тенденции, ясно, что упраздняется и «социалистический реализм» как сознательная «инженерия человеческих душ» в свете идеологии: пусть автор думает, как хочет, да и отнюдь не факт, что самый «ортодоксальный» из писателей не может писать реакционные по сути произведения...⁵³

Определеннее всех высказалась Усневич, единственный член партии среди сотрудников журнала (и поэтому больше всех рискующая!), которая противопоставила «мышление образами» — то есть настоящее искусство — тому «пассивно-иллюстративному подходу», который «лишает литературу ее специфической формы воздействия». Цитируя «глубокую

---

52. Об ошибочных прогнозах Маркса и Энгельса 1848 года (и имплицитно – о преждевременном характере Октябрьской революции) в 1930 году состоялась дискуссия в ИМЭЛ, Лифшиц вспоминал об этом в 1960 году (Лифшиц 1984: 294, 295; ср.: Арсланов 2011: 14, 15).

53. Таков был и центральный тезис книги Лукача «Молодой Гегель»: «идея “великих консерваторов человечества”, которые высоко поднялись над своим временем, над более стройно, демократически мыслящими современниками (такими, например, как Робеспьер) не только вопреки, но в известной степени и благодаря своей консервативности, в иных случаях – даже реакционности» (Арсланов 2011: 20). Вот почему представляется ошибочной характеристика теоретических позиций «Литературного критика» как «сталинистских» (Добренко, Тиханова 2011: 285). Разумеется, Лукач и Лифшиц должны были использовать общий жаргон эпохи, тем более, что — в отличие от многих других — действительно верили в грядущий «большой реализм». Но чуждость «Литературного критика» четко ощущалась поборниками ждановщины, для которых журнал оставался жупелом многие годы после его закрытия (см.: Стыкалин 2009: 94, сн. 16; 100, сн. 31).

и правильную мысль» Гегеля, который в своей «Эстетике» настаивает на специфичности «художественной формы» по отношению к «публицистической»⁵⁴, Усиевич сетует на то, что современная литература умеет дать лишь абстрактного «нового человека», то есть пролетариев и коммунистов, изображаемых по внешнему идеологическому заданию, но без внутренней сложности и конкретности: «Литература осваивала общие представления об огромном явлении — Октябрьской революции. Индивидуализировать эти представления, углублять их до настоящего понимания людей, делающих революцию, она еще не умела». Ответственность за это — заключает Усиевич — несет новая советская интеллигенция, которая вместо того, чтобы воспринимать ценности и художественные формы буржуазии времен ее подъема (культура Возрождения и Просвещения, эпоха буржуазных революций), поспешно усвоила агрессивный витализм своего непосредственного исторического предшественника — господствующего класса начала XX века, буржуазии: это не культура, но «античеловечество», которое — Усиевич пишет это прямым

---

54. В самом деле, у Гегеля речь здесь идет о разнице между поэзией и прозой. См.: Ч. III, разд. 3, гл. 3, §, γγ): «<...> взаимная связь частей не должна быть простым отношением целесообразности. Ибо в телеологическом отношении есть сама по себе представленная и желаемая всеобщность. Правда, эта всеобщность приспособляет к себе отдельные стороны, в которых и через посредство которых она приходит к осуществлению, но употребляет эти стороны только как средство и, таким образом, похищает у них всякое свободное самостоятельное бытие, а тем самым и всякую жизненность. Тут части берутся только в заранее намеренной связи с единой целью. Она одна должна быть на первом плане как нечто имеющее значение, а все остальное она абстрактно подчиняет себе и делает своим служебным оружием».

текстом! — на Западе сказалоcь «в политике, „философии“ и искусстве фашизма» (Усневич 1936: 3-29)⁵⁵.

Учитывая ситуацию того времени, группа «Литературного критика» отделилась дешево: журнал был закрыт без шума вследствие детального доноса со стороны секретарей Союза писателей Александра Фадеева и Валерия Кирпотина Центральному комитету партии (февраль 1940; см.: Артизов, Наумов 1999: 439-444, 463). Сталинская культура не нуждалась в таком «социалистическом реализме», который бы по-гегелевски представлял «конкретную всеобщность» без непосредственной «целесообразности»: сталинское искусство насквозь целесообразно, является «отражением действительности в его революционном развитии» и несет одновременно две функции: эпистемологическую (как описание исторических процессов и предсказание их желаемых результатов) и каталитическую (как педагогический стимул, побуждающий массы к преобразовательным действиям в направлении, указанном бюрократией ортодоксии). С этой точки зрения бессмысленно обвинять «социалистический реализм» в «механистичности», как делал Лукач, который в старости отвер-

---

55. Столь смелые высказывания сопровождались необыкновенным эмоциональным напряжением: Лифшиц рассказывает, что в то время «Елена Усневич, судорожно схватив меня за руку, сказала: “Мы бессмертны!”» (Арсланов 2011: 24). Литературным флагом группы вскоре стал Андрей Платонов, который писал для «Литературного критика» художественную прозу и критические статьи, в одной из которых между прочим утверждалось, что в творчестве позднего Горького присутствуют фашистские черты! (см.: Платонов 1937: 80). Своей поддержкой Платонова Усневич отчасти искупила то, что в 1933 году участвовала в травле Николая Заболоцкого.

гал «диалектический материализм» (диамат), изложенный в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938), считая его грубым упрощением гегелевско-марксистской диалектики и антинаучным догматизмом⁵⁶.

Тот Лукач, который в замечательной книге «Разрушение разума» (1954) мастерски описал возникновение и развитие немецкого мифологического иррационализма, не видит, что в контексте сталинской культуры диамат также служит генератором универсальной и абсолютной мифологии: по семенам будущего, рассыпанным под корой эмпирии, вождь предвидит то, что может возникнуть; посредством партии вождь планирует то, что должно возникнуть; следуя побуждению вождя партия мобилизует народ для осуществления того, что будет, в вечной борьбе против сил хаоса и энтропии (о специфически языковых приемах этого дискурса, см. Вайскопф 2001). Не случайно основные правки, внесенные Сталиным в «Краткий курс», были нацелены на мифологизацию событий (в центре его внимания находятся только единичные факты, отделенные от контекста и наполненные «вечным», парадигматическим смыслом, а не структуры, не процессы как

---

56. О создании «Краткого курса истории ВКП(б)» как фундаментальном моменте разработки сталинской идеологии см.: Зеленов, Бранденбергер 2014: «Сталин этим учебником оформлял идеологическое пространство не столько для оценки прошлого, сколько для создания критериев политических норм при регулировании действий партийных кадров и граждан СССР на годы и десятилетия вперед» (там же: 25). Очевидна ставка на воспитательную роль книги: «Меня интересует теперь новая интеллигенция и из рабочих и из крестьян, — записывает Сталин на полях окончательного текста „Краткого курса“. — Без своей интеллигенции погибнем» (там же: 380).

причинно-следственное упорядочение во времени череды общественных явлений). «Обратная», телеологическая перспектива этих отобранных событий, подчеркивание ведущей роли партии во всех исторических моментах (и, соответственно, отсутствие малейшего намека на спонтанную активность масс), оперирование не конкретными лицами, но антропоморфными субъектами («съезд чувствовал», «партия видела») — все это говорит о том, что сталинский диамат был не просто деформацией и упрощением марксизма, но искусством предсказания и магического созидания. Объект нашего изучения — русский марксизм — диалектически превратился (выражаясь по-гегелевски — *bob sich auf*) во что-то качественно иное.

Так же «зигзагообразно» разворачивается взаимоотношение сталинской культуры с тем обществом, ради формирования которого она и была создана. По мере того, как смесь архаической обрядности, авторитарной власти и модернизаторского пафоса направляла отсталые массы к созиданию индустриального и урбанизованного общества, начали возникать социальные группы и культурные практики, с точки зрения которых сталинские механизмы идеологической ориентировки выглядели все более устаревшими и непригодными. Как поздний ждановизм, так и последующая культурная политика (так называемая «оттепель») являются попытками преодоления этого тупика: путем ревитализации раннесталинской прагматики — например, за счет умножения и бюрократизации ритуалов «критики/самокритики» (у Жданова),

или путем ее облегчения и разжижения, например, риторическая апелляция к исконному, «настоящему» ленинизму и допущение способов организации консенсуса, более свойственных современной массовой культуре (во время «оттепели»). Тем не менее о «марксизме» уже не приходится говорить, так как в области политического дискурса ссылки на Маркса стали дежурным и бессмысленным ритуалом, а в области теории исследования трудов Маркса не имели ни малейшего отношения к политической современности: Ильенков, молодой Мераб Мамардашвили и другие «не шли в полный рост на „линию Мажино“ марксистско-ленинской идеологии, а скорее обходили ее, без особого шума и треска выбирая для себя проблемно-тематические области, которые по разным причинам имманентного для них исследовательского характера меньше просматривались, контролировались с той самой „линии Мажино“» (Мотропилова 2012: 33).

Речь идет о молодых исследователях, родившихся во второй половине 1930-х, по преимуществу в провинции, лишенных непосредственной поколенческой связи с участниками дискуссий 1920-1930-х годов, так как среднее поколение (те, кому в конце 1930-х было за двадцать) уничтожила война. Ортодоксия диамата не имела для них ни смысла, ни корней, и воспринималась — в том числе и теми, кто относился к Марксу с сочувствием — как нечто совершенно чужое. Итак — Маркс как чистый философ: «<...> были заботливо вычленены, тщательно исследованы и творчески развиты

лучшие его элементы, к которым можно отнести идеи и концепции гуманизма, отчуждения, превращенных форм сознания; учение о науке, например, о науке, превращенной в непосредственную производительную силу; концепцию социально-исторической обусловленности познания и знания, критики идеологии <...>» (Мотрошилова 2012: 55). Такое настроение созвучно интересам западных исследователей тех же лет,⁵⁷ но, как ни парадоксально, лишено связи с современными политическими ультралевыми движениями, которая была характерна для западных теоретиков-неомарксистов. Начиная с шестидесятых годов неофициозная политическая ангажированность в Советском Союзе развивается в рамках либо либеральной и «западнической», либо националистической и неославянофильской идеологий, без значимого вклада со стороны марксизма: возможно, в этом и кроется одна из причин политического и общественного маразма, в который постсоветская Россия погрузилась в 1991 году и в котором пребывает по сей день.

Вместо послесловия: Михаил Лифшиц и «Ветер истории»

Если кто и не сдался — так это Михаил Лифшиц, «марксистское ископаемое» (как называл его Солженицын), с точки

---

57. Например, Луи Альтюссер в 1974 году участвовал в Москве на X Международном Гегелевском конгрессе и был поражен уровнем исследований молодых советских ученых, посвященных Марксу (см.: Мотрошилова 2012: 55, 56. сн. 1).

зрения которого не может идти и речи о политической деятельности без обновленного чтения Маркса. В его духовном завещании «Ветер истории» (1960) смысловыми стержнями по-прежнему являются: 1) трагический характер революционного действия, приводящего к результатам, отнюдь не схожим с теми, которые изначально предполагались; 2) невозможность непосредственной передачи — минуя целую диалектическую цепь — определенных идеологических постулатов в конкретные формы реальности (прагматические или эстетические). Теперь к этим аксиомам времен «Литературного критика» присовокупляется необходимость переосмысления сталинизма во всей его сложности и амбивалентности. Процесс возникновения и укрепления сталинского режима проявляет признаки исторического инварианта: во-первых, образуется правящая элита, которая делегирует свое сохранение одному определенному «слуге». «Ирония объективных фактов всегда проявляется там, где правящее меньшинство, желая всех благ прогресса и независимости от произвола для себя, боится распространения их на остальное общество. Чтобы сохранить свое исключительное положение и удержать массы людей в состоянии несовершеннолетия, ему нужен верный слуга». Однако согласно известной формуле Гегеля, «слуга становится господином» (Лифшиц 1983: 280. Разрядка моя. — Г.К.). Это — подразумевает Лифшиц — «закон развития» всех режимов, рожденных в гражданской войне: как тех, которые ставили себе целью увековечение буржуазного господства,

так и того, который пытался форсировать ход истории и построить коммунизм. И, конечно, «слуга» становится «господином», апеллируя именно к тем массам, от которых элита хотела защитить свои привилегии.

Эта историческая диалектика (революционное забегание вперед / выделение элиты / возникновение популистского и харизматического режима одного из представителей элиты, апеллирующего против нее к массам) была предугадана Энгельсом в статье «Внешняя политика русского царизма» (1890): «Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели. “Ирония истории” неумолимо вносит здесь свои поправки» (Маркс, Энгельс 1955-1981, 22: 21, 22; Лифшиц 1984: 281). И — заключает Лифшиц — «„Смутное представление“ о своей исторической роли и подчинение своей деятельности „иллюзорным целям“ часто встречается у людей, представляющих самые прогрессивные исторические движения». Этот процесс вырождения можно объяснить некоей эмпатией к своему врагу, заимствованием его методов: «люди, стоящие на стороне народа, также не могут остаться без влияния тех сил и условий, против которых они борются» (Лифшиц 1984: 282).

Однако, по Лифшицу, политическая борьба имеет «моральную основу», вытекающую из способности следовать за «ветром истории», неуклонно стремящимся к освобождению человека от любой формы отчуждения: в этой «моральной основе», а не в голой силе, и состоит «добавленная ценность» марксизма и исторических формаций, которые им вдохновляются. Зато, в отсутствие «моральной основы», рост силы и укрепление советского государства прогрессируют пропорционально постепенной утрате привлекательности образца и надежды, которую Октябрьская революция олицетворяла в начале для всего человечества:

Всякий расчет, связанный с реальной силой, «силой руки», может быть верным только в том случае, если он исходит из неизбежности освобождения скованной социальной энергии большинства людей, подъема их общественного самосознания. Пружина должна выпрямиться — это закон. Но как она выпрямится — *ça dépend* <...>. Формы ее освобождения могут быть разными, и поток энергии может принять ложное направление, вплоть до самых темных последствий, если он не находит более удобного и разумного пути <...> классы сильны не только определенной суммой экономических и военных средств, но и своим моральным влиянием прежде всего. Сильнее других всегда будет тот, кто опирается на растущую историческую активность народных масс, желающих быть не только актерами, но и авторами своей собственной драмы (там же: 314, 315).

Схожую позицию выразит немного позже — на языке и с точки зрения политического деятеля — секретарь Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти. Незадолго до смерти в работе «Ялтинский мемориал» (1964) он говорит, что невозможно вернуть привлекательность советскому проекту, минуя вопрос о свободе и самоопределении. Но время окончательно вышло: марксизм как «моральная основа» и как живое единство мысли и действия в России безнадежно утрачен, советский опыт, несмотря на свою политическую и стратегическую силу, потерял привлекательность универсальной модели. Черную магию диамата отвергли, но не существует белой магии, к которой можно было бы возвратиться.

Библиография

Авилов 1917 — Авилов Б.В. О борьбе с разрухой и о вреде «полемических красот» // Новая жизнь, 9 июня 1917 г.

Аксельрод, Мартов, Потресов 2010 — Аксельрод П.Б., Мартов Ю.О., Потресов А.Н. О революции и социализме. М.: РОССПЭН, 2010.

Амфитеатров-Кадашев 1996 — Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника // Минувшее. Вып. 20. М., СПб.: 1996.

Андерсон 2008 — Андерсон К.М. (ред.) Конференции РСДРП 1912 года: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008.

Арский 1917 — Арский Р. Экономические задачи пролетариата // Летопись № 2-3-4, 1917.

Арсланов 2011 — Арсланов В.Г. Предисловие: «Гибель правды есть ее победа...» (Философия и этика Д. Лукача и Мих. Лифшица в свете их переписки) // Лифшиц М.А., Лукач Д. Переписка 1931-1970. М.: Grundrisse, 2011.

Артизов, Христофоров 2008 — Артизов А.Н., Христофоров В.С. (ред.) «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих: Конец 1921 — начало 1923 года: Документы. — М.: Материк, 2008.

Базаров 1899 — Базаров В.А. Труд производительный и труд, образующий ценность. — СПб.: Издательство С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1899.

Базаров 1910 — Базаров В.А. Судьбы русского «идеализма» за последнее десятилетие (от «критического марксизма» к «Вехам») // Из истории новейшей русской литературы. Сборник. М.: 1910.

Базаров 1910 — Базаров В.А. На два фронта. СПб.: 1910.

Базаров 1917а — Базаров В.А. Первые шаги русской революции // Летопись № 2-3-4, 1917.

Базаров 1917б — Базаров В.А. Куда мы идем? // Летопись № 5-6, 1917.

Базаров 1917в — Базаров В.А. Регулирование производства и революционный энтузиазм // Новая жизнь, 9 мая 1917 года.

Базаров 1917г — Базаров В.А. Конфликт в Донецком бассейне // Новая жизнь, 15 мая 1917 года.

Базаров 1917д — Базаров В.А. Современная анархия и грядущий Наполеон // Новая жизнь, 25 мая 1917 года.

Базаров 1917е — Базаров В.А. Кризис власти и хозяйственная разруха // Новая жизнь, 31 мая 1917 года.

Базаров 1917ж — Базаров В.А. Разруха и конференция заводских комитетов // Новая жизнь, 2 июня 1917 года.

Базаров 1917з — Базаров В.А. Украинский вопрос // Новая жизнь, 10 июня 1917 года.

Базаров 1917и — Базаров В.А. К вопросу о создании единой с.-д. партии // Новая жизнь, 17 июня 1917 года.

Базаров 1917к — Базаров В.А. «Верхние палаты» революции // Новая жизнь, 27 июня 1917 года.

Базаров 1917л — Базаров В.А. Доктринерство и сильная власть // Новая жизнь, 23 июля 1917 года.

Базаров 1917м — Базаров В.А. В экономическом совете // Новая жизнь, 13.08.1917.

Базаров (Руднев) 1919 — Базаров В.А. (Руднев). На пути к социализму. Харьков: 1919.

Базаров 1922 — Базаров В.А. О. Шпенглер и его критики // Красная новь № 2, 1922.

Бармина 2006 — Бармина Н.Н. Российская социал-демократия и «легальный марксизм» (конец XIX — начало XX в.) // Мировая социал-демократия. Теория, история и современность. М.: Собрание, 2006.

Бердяев 1901 — Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — М., 1901.

Бердяев 1922 — Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы. — М.: Берег, 1922.

Богданов 1904 — Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 1. — М., 1904.

Богданов 1906 — Богданов А.А. Эмпириомонизм. Кн. 3. — СПб., 1906.

Богданов 1908 — Богданов А.А. Приключения одной философской школы. — СПб., 1908.

Богданов 1910 — Богданов А.А. Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии). Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). — М., 1910.

Богданов 1995 — Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. В 3-х тт. Т. 3. — М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

Богданов 2009 — Богданов А.А. Новый мир. Вопросы социализма. М.: Едиториал УРСС, 2009.

Богданов 1904 — Богданов А.А. Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904.

Богданов 1908 — Богданов А.А. Очерки по философии марксизма. — СПб., 1908.

Богданов 1909 — Богданов А.А. Очерки философии коллективизма. — СПб., 1909.

Бордюгова 1995 — Бордюгова Г.А. (ред.) Неизвестный Богданов. В 3-х тт. Т. 1. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

Борев 2010 — Боров Ю.Б. Луначарский. М.: Молодая гвардия, 2010.

Булгаков 1900 — *Булгаков С.Н.* Капитализм и земледелие. В 2 тт. — М.: 1900.

Булгаков 1903 — *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб.: 1903.

Бухарин 1920 — *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. Ч. I. Общая теория трансформационного процесса. — М.: 1920.

Бухарин 1925а — *Бухарин Н.И.* К вопросу о троцкизме. М.-Л.: 1925.

Бухарин 1925б — *Бухарин Н.И.* Новое откровение в советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок // За ленинизм. Сборник статей. М.-Л.: 1925.

Бухарин, Пятаков 1921 — *Бухарин Н.И., Пятаков Г.Л.* Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия // Красная новь № 1, 1921.

Вадимов 1994 — *Вадимов А.В.* Бердяев в ссылке // Очерки по истории культуры. Саратов: Изд. центр Саратовского экономического института, 1994.

Валентинов (Н. Вольский) 2000 — *Валентинов Н. (Н. Вольский).* Два года с символистами. М.: Издательский дом XXI век — Согласие, 2000.

Вайскопф 2001 — *Вайскопф М.Я.* Писатель Сталин. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Вилкова 2004 — *Вилкова В.П. (ред.)* РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. М.: 1923.

Грачева 1993 — *Грачева А.М.* Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.-СПб.: Феникс-Atheneum, 1993.

Грачева 1999 — *Грачева А.М.* Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 1. Вологда (1902-1903) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Далин 1917 — *Далин Д.Ю.* Финансы новой России // Летопись № 2-3-4, 1917.

Далин 1922 — *Далин Д.Ю.* После войн и революций. Берлин, 1922.

Даниельсон 1895 — *Даниельсон Н.Ф.* Апология власти денег как признак времени // Русское богатство № 1, 1895.

Добренко 2000 — *Добренко Е.А.* Соцреализм и мир детства // *Гюнтер Х., Добренко Е.А. (ред.)* Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000.

Добренко, Тиханов 2011 — *Добренко Е.А., Тиханов Г. (ред.)* История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи — М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Галили, Ненароков 1995 — *Галили З., Ненароков А.П.* Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии // Меньшевики в 1917 году. В 3 тт. Т. 2. М.: РОССПЭН, 1995.

Галушкин 2005 — *Галушкин А.Ю. (ред.)* Литературная жизнь России

1920-х годов. События. Отзывы. Библиография. В 2 тт. Т. 2. Москва и Петроград. 1921-1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Гинзбург 2011 — *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки: Воспоминания: Эссе. — СПб.: Искусство-СПб, 2011.

Гловели, Фигуровская 1990 — *Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К.* Трагедия коллективиста // *Богданов А.А.* Вопросы социализма. — М.: Политиздат, 1990.

Гоголь 1994 — *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений. В 9 тт. Т. 2. — М.: Русская книга 1994.

Дан 1907 — *Дан Ф.И.* Социал-демократия в резолюциях лондонского съезда. СПб., 1907.

Деборин (Иоффе) 1916 — *Деборин А.М. (Иоффе)* Введение в философию диалектического материализма. С предисловием Г. Плеханова. Петроград: 1916.

Ерофеев 1996 — *Ерофеев Н.Д. (ред.)* Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 тт. Т. 1. 1900-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996.

Зеленов, Браненбергер 2014 — *Зеленов М.В., Бранденбергер Д.* «Краткий курс истории ВКП(б)»: Текст и его история. В 2 ч. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)»: 1931-1956. М.: РОССПЭН, 2014.

Зибер 1885 — *Зибер Н.И.* Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. СПб., 1885.

Зиновьев 1926 — *Зиновьев Г.Е.* Ленинизм: Введение в изучение ленинизма. — Л.: 1926.

Карпи 2010 — *Карпи Г.* К истории русской литературы // Вопросы литературы № 5, 2010.

Князьева 1961 — *Князьева Г.* Газета «Пролетарий» в годы реакции // Труды Ленинградского Инженерно-экономического Института Вып. 38, 1961.

Колеров 2002 — *Колеров М.А.* Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. М.: Три квадрата, 2002.

Коновалова 2006 — *Коновалова О.В.* Проблемы исторической модернизации в России в идейном наследии В. М. Чернова (Канд. диссертация). — Красноярск: 2006.

Корицкий 1990 — *Корицкий Э.Б. (ред.)* Евгений Алексеевич Преображенский // Пути развития: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. Сост.: Э. Корицкий. Л.: Лениздат, 1990.

Корниенко 1991 — *Корниенко С.И.* Полемика вокруг ленинского наследия. Пермь: Издательство ТГУ, 1991.

Куделли 1927 — *Куделли П.Ф.* Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Москва-Ленинград, 1927.

Лемке 1912 — *Лемке М.К. (ред.)* М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. В 5 тт. Т. 3. СПб., 1912.

Ленин 1967-1981 — *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. В 55 тт. М.: Издательство политической литературы, 1967-1981.

Либер 1919 — *Либер М.И.* Социальная революция или социальный распад. Харьков, 1919.

Лифшиц 1984 — *Лифшиц М.А.* Ветер истории // *Лифшиц М.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. — М.: Изобразительное искусство, 1984.

Лившиц 1924 — *Лившиц С.А.* Каприйская партийная школа (1909 г.) // Пролетарская революция № 6, 1924.

Лившиц 1926 — *Лившиц С.А.* Партийная школа в Болонье (1910-1911 гг.) // Пролетарская революция № 3, 1926.

Логинов 2010 — *Логинов В.Т.* Неизвестный Ленин. — М.: Эксмо, 2010.

Логинов 2011 — *Логинов В.Т.* Владимир Ленин: Как стать вождем. — М.: Эксмо, 2011.

Лопатин 1988 — Г.А. Лопатин о своих встречах с Марксом // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. В 2 тт. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1988.

Луначарский 1911 — *Луначарский А.В.* Религия и социализм. В 2 тт. Т. 2. — СПб., 1911.

Маркс, Энгельс 1955-1981 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. В 50 тт. М.: Издательство политической литературы, 1955-1981.

Мартов 1924 — *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М.: 1924.

Мартов 2000 — *Мартов Ю.О.* Избранное. М.: 2000.

Мартынов 1905 — *Мартынов А.Л.* Две диктатуры. — Женева, 1905.

Мартынов 1910 — *Мартынов А.Л.* Главнейшие моменты в истории русского марксизма // Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. II. Ч. 2. СПб., 1910.

Маслов 1917а — *Маслов П.П.* Революционное наследство // День, 23 августа 1917 года.

Маслов 1917б — *Маслов П.П.* Логика революции и логика масс // День, 5 сентября 1917 года.

Маслов 1917в — *Маслов П.П.* Пораженцы революции // День, 15 сентября 1917 года.

Маслов 1918 — *Маслов П.П.* Итоги войны и революции. М.: 1918.

Менделеев 1906 — *Менделеев Д.И.* К познанию России. СПб.: 1906.

Меньшевики 1995 — Меньшевики в 1917 году. В 3 тт. Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. М.: РОССПЭН, 1995.

Меньшевики 1996 — Меньшевики в 1917 году. В 3 тт. Т. 3. Ч. 1: От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август — первая декада октября). М.: РОССПЭН, 1996.

Меньшевики 1997 — Меньшевики в 1917 году. 3 тт. Т. 3. Ч. 2: От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря. М.: РОССПЭН, 1997.

Мотрошилова 2012 — *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50-80-х годов XX века и западная мысль. — М.: Академический проект, 2012.

Надточий 1989 — *Надточий Э.В.* Друк, товарищ и Барт // Даугава № 8, 1989.

Ненароков 2002 — *Ненароков А.П.* «Действуя на сознание и совесть демократии...» И.Г. Церетели как идеолог альтернативного пути русской революции // *Мальков В.Л. (ред.)* Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М.: Наука, 2002.

Ненароков 2010 — *Ненароков А.П.* Павел Борисович Аксельрод: Юлий Осипович Мартов: Александр Николаевич Потресов // П. Б. Аксельрод: Ю. О. Мартов: А. Н. Потресов. О революции и социализме. — М.: РОССПЭН, 2010.

Ненароков 2012 — *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: Прозрения российской социал-демократии. — М.: Новый хронограф, 2012.

Никитин 2002 — *Никитин Е.Н.* Биобиблиография В.А. Базарова // Библиография № 4, 2002.

Ольминский 1921 — *Ольминский М.С.* О книге т. Н. Бухарина // Красная новь № 1, 1921.

Орлов 1917 — Орлов Н.А. К вопросу о продовольствии // Летопись № 2-3-4, 1917.

Остроухова 1926 — *Остроухова К.А.* Отзовисты и ультиматисты // Пролетарская революция № 4 (29), 1926.

Платонов 1937 — *Платонов А.П.* Пушкин и Горький // Литературный критик № 6, 1937.

Плеханов 1921 — *Плеханов Г.В.* Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917-1918 гг. В 2 тт. Париж, 1921.

Плотников 2002 — *Плотников Н.С.* Философия «Проблем идеализма» // Колеров М.А. Сборник «Проблемы идеализма». М.: Три квадрата, 2002.

Плотников, Колеров 1994 — *Плотников Н.С., Колеров М.А.* Макс Вебер и его русские корреспонденты // Вопросы философии № 2, 1994.

Пайнс 2001 — *Пайнс Р.* Струве: левый либерал. В 2 тт. Т. 1. 1870-1905. М.: МШПИ, 2001.

Паперный 1996 — *Паперный В.З.* Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Парвус 1905 — *Парвус А.* Предисловие // *Троцкий Л.Д.* До 9 января. Женева: 1905.

Покровский 1924 — *Покровский М.М.* Советская глава нашей истории // Коммунист № 14, 1924.

Покровский 2009 — *Покровский М.М.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923/24 г. М.: Либроком, 2009.

Потресов 1906а — *Потресов А.Н.* Что случилось? // Этюды о русской интеллигенции. СПб.: 1906.

Потресов (Старовер) 1906б — *Потресов А.Н.* О кружковом марксизме и

об интеллигентской социал-демократии // *Потресов А.Н. Этюды о русской интеллигенции*: Сб. ст. СПб.: 1906.

Потресов 1909 — Потресов А.Н. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX-го века. В 4 тт. Т. 1. — СПб.: 1909.

Потресов 1910 — Потресов А.Н. Критические наброски // Наша заря № 4, 1910.

Потресов 1917а — Потресов А.Н. Апелляция к стране // День, 5 июля 1917 года.

Потресов 1917б — Потресов А.Н. Демократия на распутье? // День, 11 июля 1917 года.

Потресов 1917в — Потресов А.Н. Пути к соглашению // День, 14 июля 1917 года.

Потресов 1917г — Потресов А.Н. В чем спор? // День, 16 июля 1917 года.

Потресов 1917д — Потресов А.Н. Искусство генерала Ренненкампа // День, 18 июля 1917 года.

Потресов 1917е — Потресов А.Н. Ленинизм наизнанку // День, 20 июля 1917 года.

Потресов 1917ж — Потресов А.Н. Недоносок большевизма // День, 1 августа 1917 года.

Потресов 1917з — Потресов А.Н. Дневник публициста // День, 3 августа 1917 года.

Потресов 2002 — Потресов А.Н. Избранное. — М.: Мосгорархив, 2002.

Преображенский 1924 — Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической Академии № 8, 1924.

Преображенский 1926а — Преображенский Е.А. Прения по докладу Е. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве». Заключительное слово Е. Преображенского // Вестник Коммунистической Академии № 15, 1926.

Преображенский 1926б — Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве // Вестник Коммунистической Академии № 14, 1926.

Протоколы 1958 — Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917-февраль 1918. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958.

Пятаков 1922 — Пятаков Г.Л. Философия современного империализма (этюды о Шпенглере) // Красная новь № 3, 1922.

Розенблюм 1918 — Розенблюм Д.С. Социально-психологические основы большевизма // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. Пг.-М.: 1918.

Розенталь 2010 — Розенталь И.С. Владимир Ильич Ленин // Ленин В.И. Избранное. — М.: РОССПЭН, 2010.

Рыбас 2009 — Рыбас С.Ю. Сталин. — М.: Молодая гвардия, 2009.

Савинков 1990 — Савинков Б.В. Воспоминания террориста. — Л.: Лениздат, 1990.

Садовский 1995 — Садовский В.Н. Эмпириомонизм А.А. Богданова: забытая глава философской науки // Вопросы философии № 8, 1995.

Самозащита 1916 — Самозащита. Марксистский сборник. Сб.1. Пг.: 1916.

Сталин 1946-1952 — Сталин И.В. Собрание сочинений. В 13 тт. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946-1952.

Струве 1894 — Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: 1894.

Стыкалин 2009 — Стыкалин А.С. Дердь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940-1970-е годы // Вопросы литературы № 1, 2009.

Суханов 1991 — Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Республика, 1991.

Ткачев 1932-1933 — Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы. М.: 1932-1933.

Троцкий 1917 — Троцкий Л.Д. Что же дальше? (Итоги и перспективы). СПб.: 1917.

Троцкий 1919 — Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М.: 1919.

Троцкий 1925 — Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М.-Л.: 1925.

Троцкий 1991 — Троцкий Л.Д. Литература и революция. — М.: Военная литература, 1991.

Троцкий 2001 — Троцкий Л.Д. Моя жизнь. — М.: Вагриус, 2001.

Туган-Барановский 1903 — Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб.: 1903.

Туган-Барановский 1915 — Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. СПб.: 1915.

Тумаринсон 1994 — Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус (опыт исторической реконструкции). М.: 1994.

Твардовская, Итенберг 2009 — Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? — М., 2009.

Тютюкин 1996 — Тютюкин С.В. Меньшевизм как идейно-политический феномен // Тютюкин С.В. (ред.) Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М.: РОССПЭН, 1996.

Тютюкин 1997 — Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997.

Чернов 1906а — Чернов В.М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. М.: 1906.

Чернов 1906б — Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как экономические категории. М.: 1906.

- Чернов 2010а — Чернов В.М. Избранное. — М.: РОССПЭН, 2010.
- Чернов 2010б — Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М.: Либроком, 2010.
- Чернявский 2010 — Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010.
- Шарапов 1998 — Шарапов Ю.П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию. М.: Институт истории РАН, 1998.
- Шерер 1996 — Шерер Ю. Ленин и Богданов // Россия XXI, № 5-10, 1996.
- Шкловский 1993 — Шкловский В.Б. Письма М. Горькому (1917-1923 гг.) // De visu, № 1, 1993.
- Шарапова-Антонова 1991 — Шарапова-Антонова А. Левый большевизм — группа «Вперед» // Большевизм и социал-демократия начала XX века. Материалы международной конференции. М.: Институт молодежи, 1991.
- Шелохаев 2006 — Шелохаев В.В. Российская социал-демократия в контексте модернизации // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. Материалы научной международной конференции. М.: Собрание, 2006.
- Шелохаев 2010 — Шелохаев В.В. (ред.) Бунд: Документы и материалы. 1894-1921 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
- Шестой съезд 1958 — Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958.
- Урилов 2009 — Урилов И.Х. Современная историография российской социал-демократии // Социал-демократия в российской и мировой истории: Обобщение опыта и новые подходы: Материалы научной международной конференции, Москва 21-22 апреля 2008 года. — М.: Собрание, 2009.
- Хлевнюк 2015 — Хлевнюк О.В. Сталин: Жизнь одного вождя. — М.: АСТ, 2015.
- Юшкевич 1908 — Юшкевич П.С. Материализм и критический реализм. СПб.: 1908.
- Юшкевич 1910 — Юшкевич П.С. Столпы философской ортодоксии. СПб.: 1910.
- Юшкевич 1917а — Юшкевич П.С. Творческая революция // День, 6 апреля 1917 года.
- Юшкевич 1917б — Юшкевич П.С. Революция и ее диалектика // День, 7 июня 1917 года.
- Юшкевич 1917в — Юшкевич П.С. О кадетях // День, 14 июля 1917 года.
- Эйхенбаум 1922 — Эйхенбаум Б.М. 5 — 100 // Книжный угол, № 8, 1922.
- Эстрайх 1994 — Эстрайх Г.Я. Еврейские секции Компартии. По материалам бывшего центрального партийного архива // Вестник Еврейского университета в Москве, № 4, 1994.
- Яковлев 1999 — Яковлев А.Н. (ред.) Власть и художественная интелли-

генция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002.

Carpi 2010 — *Carpi G.* Storia della letteratura russa. Da Pietro il Grande alla rivoluzione d'Ottobre. Roma, 2010.

Hessler 2000 — *Hessler J.* Cultured trade. The Stalinist turn toward consumerism, in: *Fitzpatrick Sh. (ed.) — Stalinism. New Directions.* London/New York, 2000.

Mansueto 1996 — *Mansueto A.* From Dialectic to Organization: Bogdanov's Contribution to Social Theory // *Studies in East European Thought*, 48 (1), 1996.

Yassour 1981 — *Yassour A.* Lenin and Bogdanov: Protagonists in the «Bolshevik Center» // *Studies in Soviet Thought*, № 22, 1981.

Yassour 1983 — *Yassour A.* The empiriomonist critique of dialectical materialism: Bogdanov, Plechanov, Lenin // *Studies in Soviet Thought*, № 26, 1983.

Kotkin 1997 — *Kotkin S.* Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley-Los Angeles/London, 1997.

Gorelik 1983 — *Gorelik G.* Bogdanov's Tektology: its Nature, Development and Influence // *Studies in Soviet Thought*, № 26, 1983.

Gorlizki 2002 — *Gorelik Y.* Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neo-Patrimonial State 1945-1953 // *Journal of Modern History*. Vol. 74, № 4, 2002.

Gramsci 1996 — *Gramsci A.* Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce. Roma, 1996.

Rogačevskii, Michalskij 1994 — *Rogačevskii A., Michalskij M.* Social Democratic Party Schools on Capri and in Bologna in the Correspondence between A.A. Bogdanov and A.V. Amfiteatrov // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 72, № 4, 1994.

Stammler 1896 — *Stammler R.* Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Eine sozialphilosophische Untersuchung. Leipzig, 1896.

Struve 1899 — *Struve P. von.* Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch // *Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik*. Bd. XIV, 1899.

Van Ree 1993 — *Van Ree E.* Stalin's organic Theory of the Party // *Russian Review*. Vol. 52, №. 1, 1993.

Volkov 2000 — *Volkov V.* The concept of Kul'turnost'. Notes on the Stalinist civilizing process // *Fitzpatrick Sh. (ed.) Stalinism. New Directions.* London/New York, 2000.

Zeman, Scharlau 1965 — *Zeman Z.A.B., Scharlau W.B.* The Merchant of Revolution: The Life of Alexander-Izrael Helphand (Parvus). London, 1965.

common place

издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Все свободны», «Смена», «Факел»,
«Подписные издания», «Князь Мышкин», «Бакен»,
«Пиотровский», книжном клубе «Петровский», а также
заказать с доставкой на сайте izd-siyanie.ru

Больше информации о проекте на сайте common.place

Гуидо Карпи

История русского марксизма

Обложка, макет – Алина Дмитриева

Корректоры – Оксана Алексеева, Елена Антонова

Подписано в печать 02.05.2016

Формат 130х200

Заказ № 161

Тираж 900 экз

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com